

Рецензенты:

Заведующий кафедрой международного права Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор А.Ю. Пиджаков

Заведующий кафедрой международного морского права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, кандидат юридических наук, доцент Б.А. Смыслов

В монографии рассматриваются основные исторические этапы формирования и развития отечественной системы правового регулирования космической деятельности – космического права России.

Особое внимание уделяется изучению особенностей правового регулирования космической деятельности, осуществляемой под юрисдикцией нашего государства, как во время советского этапа развития отечественной космонавтики, так и на постсоветском этапе.

Монография предназначена для преподавателей, аспирантов и студентов вузов аэрокосмического профиля, а также для студентов, обучающихся в высших учебных заведениях по специальности «Юриспруденция». Она может быть полезной всем, интересующимся вопросами космического права России.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Глава I. Становление отечественной системы правового регулирования космической деятельности

§ 1. Зарождение и развитие нормативно-правовых основ космической деятельности

§ 2. История формирования правовых основ управления космической отраслью

Глава II. История развития правовых форм обеспечения режима космической деятельности

§ 1. Создание правовых форм контроля над космической деятельностью

§ 2. Проблемы становления юридической ответственности как формы обеспечения режима космической деятельности

Глава III. Основные этапы развития правового регулирования реализации отечественных программ освоения небесных тел

§ 1. Эволюция правового статуса объектов космической инфраструктуры и космических объектов в СССР и Российской Федерации

§ 2. Развитие понятия небесного тела и его правового положения

Заключение

Список нормативно-правовых актов

ВВЕДЕНИЕ

Правовое регулирование космической деятельности в Российской Федерации в настоящее время является ключевым элементом и занимает важное место в обеспечении стабильного развития отечественной космической отрасли. Вместе с тем, несмотря на осуществление в Союзе ССР крупномасштабных программ исследования и освоения космического пространства и небесных тел, советский период отечественной космонавтики характеризуется отсутствием законодательной регламентации космической деятельности. Управление космонавтикой в этот период осуществлялось жестким администрированием, принятием решений и введением правил космической деятельности такими инстанциями, как Совет Министров Союза ССР, Комиссия Президиума Совета

Министров СССР по военно-промышленным вопросам, Министерство общего машиностроения, Министерство оборонной промышленности и Министерство обороны СССР. В отличие от ряда государств, реализующих свои национальные программы исследования и использования космоса (США, Франция, Австрия и др.), специализированный правительственный орган для управления космической отраслью в СССР создан не был.

В 1991 г. в связи с распадом СССР отсутствие законодательно-правового регулирования функционирования космической отрасли поставило всю отечественную программу освоения космоса под угрозу свертывания. В связи с этим на данном историческом этапе в Российской Федерации возникает объективная необходимость в принятии законодательных актов о космической деятельности, а также в организационно-правовом оформлении управления российской космонавтикой – в создании специализированного федерального органа исполнительной власти по космической деятельности.

24 февраля 1992 года Президент РФ издает Указ N 185 «О структуре управления космической деятельностью в Российской Федерации», во исполнение которого в Российской Федерации создается Российское космическое агентство как федеральный орган исполнительной власти, ответственный за осуществление космической деятельности, формируются основные правовые принципы управления космонавтикой в новых условиях. После распада Союза ССР этот Указ становится первым в России нормативным документом по космосу, вслед за которым Верховным Советом РФ 20 августа 1993 г. впервые в отечественной законодательной практике принимается Закон РФ № 5663-1 «О космической деятельности», издаются иные нормативно-правовые акты о деятельности в космосе. В результате проводимой нормотворческой работы формируется космическое законодательство России, которое начинает интенсивно развиваться [1]. Однако, по причине того, что законодательство РФ о космической деятельности с момента зарождения прошло относительно непродолжительный исторический период своего развития, сегодня оно находится лишь в стадии становления. Логическим следствием этого является то, что многие вопросы правового обеспечения космической деятельности в нашей стране пока остаются без должного юридического разрешения.

Деятельность по исследованию и практическому освоению космического пространства, планет, их спутников и других небесных тел Солнечной системы представляет одно из наиболее фундаментальных направлений как отечественной, так и зарубежной космонавтики. По этой причине особое значение приобретают и вопросы истории правового регулирования в рассматриваемой области общественных отношений.

Система правовых норм, призванных урегулировать космическую деятельность – это относительно молодая правовая сфера. Она зарождается в прошлом столетии, на первом этапе – преимущественно в виде положений международного права, в связи с началом 4 октября 1957 г. практического исследования и освоения космического пространства и небесных тел Солнечной системы с помощью космических летательных аппаратов. В результате этого в системе общего международного права формируется новая самостоятельная отрасль – международное космическое право [2].

Параллельно с рассматриваемым процессом нормообразования в международном праве, происходит зарождение и развитие национальных правовых систем, регулирующих общественные отношения, возникающие в связи с осуществлением космической деятельности.

При этом состояние норм международного космического права оказывает влияние на развитие национального космического законодательства, причем как положительное, так и отрицательное – в случае недоработок в международно-правовых актах по отдельным вопросам.

К примеру, в Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27

января 1967 г. и в Соглашении о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г. говорится о правилах деятельности человека на небесных телах. Однако самого правового определения небесного тела названные международные соглашения не содержат. Ни в одном из соглашений международного космического права не проводится какого-либо правового различия между планетами Солнечной системы и мелкими астероидами, метеорными телами. Остается неурегулированным юридически до настоящего времени и вопрос практического использования природных ресурсов небесных тел и т.д. В названных договорах государствам – исследователям небесных тел предписывается не совершать действий, причиняющих вред небесным телам и сложившейся на них природной среде. Однако ни в одном из документов не предусмотрено какой-либо ответственности за причинение ущерба природной среде небесного тела, за нарушение сложившейся на небесном теле естественной природной среды, т.е. правовой механизм обеспечения этих правил поведения пока отсутствует. В результате, аналогичные пробелы имеются и в отечественном законодательстве о космической деятельности.

Однако, в ряде случаев нормы Закона Российской Федерации о космической деятельности представляются более совершенными, чем аналогичные положения документов международного космического права. Так, в данном Законе детально определяется правовое понятие самой космической деятельности (ст. 2), чего нельзя сказать об актах международного космического права. Отечественный законодатель закрепил в положениях Закона возможность создания вокруг функционирующего космического объекта, в том числе и на поверхности небесного тела, зон безопасности (п. 5 ст. 17 Закона РФ о космической деятельности), о чем в международном космическом праве пока идут лишь теоретические дискуссии.

Таким образом, как показывает история развития космического права России, в законодательстве РФ о космической деятельности могут и должны получать развитие правовые положения, отсутствующие в соглашениях международного космического права, при условии, если этот процесс не приводит к возникновению коллизий между национальным законодательством РФ и действующими международными нормами в области космоса. Так, по мнению автора, отсутствие в международном космическом праве четких правовых определений понятий «космическое пространство», «космический объект», «космонавт» и ряда других не препятствует их закреплению в законодательстве РФ. Более того, внутригосударственное нормотворчество в этом направлении окажет только позитивную роль и на последующее развитие аналогичных норм международного космического права.

Кроме этого, по убеждению автора, отсутствие развитого национального законодательства о космической деятельности становится причиной того, что многие нормы международного космического права пока носят лишь декларативный характер. Ведь их эффективная реализация возможна лишь в случае принятия государством конкретных положений, развивающих предписания международного космического права, устанавливающих юридическую ответственность государства за их нарушение. Особую актуальность этот вопрос приобретает в современных условиях, когда деятельность по использованию ресурсов космического пространства активно проводится не только государственными космическими агентствами, но и неправительственными организациями.

Следует отметить, что невозможно переоценить значение истории космического права для позитивного развития отечественной космической отрасли. Исторический анализ, позволяющий исследовать процесс зарождения, становления и развития рассматриваемых правовых норм, дает возможность способствовать качественному состоянию как отечественного законодательства о космической деятельности, так и российской космонавтики на современном этапе, избежать ошибок прошлого, когда такая

важная сфера общественных отношений в нашей стране не получала законодательно-правовой регламентации.

Регулирование космической деятельности по исследованию и освоению космического пространства и небесных тел в международном космическом праве уже было предметом ряда специальных научных исследований. Вместе с тем, вопросы истории правового регулирования исследования и использования космоса и небесных тел на уровне отечественного законодательства до настоящего момента в юридической науке в достаточной степени не рассматривались. Вследствие этого, значительный перечень значимых теоретических и историко-правовых вопросов остается нерешенным. Это и обусловило выбор автором темы настоящего монографического исследования.

Глава I

СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 1. Зарождение и развитие нормативно-правовых основ космической деятельности.

Говоря о правовом регулировании космической деятельности в Российской Федерации в настоящее время, прежде всего, необходимо отметить, что в соответствии с п. 4 ст. 15 действующей Конституции Российской Федерации «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Из этого следует, что Россия, при осуществлении своей космической деятельности, руководствуется положениями международных соглашений в области космоса, участником которых она является.

Вместе с тем, отдавая приоритет международному праву, нельзя недооценивать значение и роль национальных правовых норм, регулирующих космическую деятельность государств – исследователей космического пространства.

По этому поводу французский юрист Ж. Дютей де ля Рошер в своей статье «Источники космического права» пишет, что национальное законодательство может играть положительную роль, если оно рассматривается как производное от международных норм и направлено на то, чтобы обеспечить полную эффективность их применения. Однако остается определенный риск разрушения единого космического права в том случае, если стремление к обеспечению национальных интересов приведет к пренебрежению фундаментальными принципами, закрепленными в исходных международных договорах [3].

По нашему мнению, следует согласиться с названным автором. В связи со сказанным, процесс зарождения, становления и развития отечественных правовых норм, регулирующих космическую деятельность, направленную на исследование и освоение космического пространства и небесных тел Солнечной системы, представляет определенный научный интерес.

Необходимость в разработке и принятии таких норм возникает с началом осуществления в Союзе ССР практической деятельности, направленной на освоение космического пространства с помощью космических летательных аппаратов. Однако, еще до запуска первого искусственного спутника Земли постановлением Совета Министров СССР от 30 января 1956 г. на Министерство обороны СССР была возложена задача исследования перспектив военного использования космоса [4].

На начальной стадии космической деятельности в Советском Союзе в актах Совета Министров СССР освоению космического пространства, а также Луны и других небесных тел уделялось большое значение.

Так, 20 марта 1958 г. Совет Министров СССР издает постановление, в соответствии с которым ОКБ-1 Министерства оборонной промышленности (главный конструктор – С.П. Королев) поручается разработать несколько типов космических аппаратов – автоматических лунных станций:

Е1 – для попадания в Луну с доставкой на ее поверхность неразрушающегося вымпела СССР (при скорости прилунения более 3 км/с);

Е2 – для облета Луны и фотографирования ее обратной стороны с передачей изображения по радиоканалу на Землю;

Е2А – в качестве запасного варианта Е2;

Е3 – для попадания в Луну с фиксацией события яркой вспышкой на поверхности. При этом не исключалось применение ядерного заряда.

2 сентября 1958 г. выходит следующее постановление Совета Министров СССР, в котором уже определяются сроки пусков космических аппаратов к Луне – начиная с сентября того же года [5].

22 мая 1959 г. Совет Министров СССР издает постановление № 569-264 «О подготовке человека к космическим полетам». В нем были определены сроки проведения первого набора в отряд советских космонавтов, а также исполнители и порядок работ по созданию экспериментального корабля-спутника (объекта 1К), который должен был стать основой для разработки пилотируемого корабля для полетов человека в космос (будущий корабль «Восток») [6].

Здесь же следует отметить, что первый отряд гражданских космонавтов был создан 27 мая 1968 г. приказом Министра общего машиностроения СССР № 163. Согласно этому приказу в ЦКБ ЭМ (бывшее ОКБ-1) была создана постоянная группа космонавтов-испытателей, куда вошли 11 человек [7].

10 декабря 1959 г. принимается совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 1386-618 «О создании автоматических межпланетных станций для посадки на Луну, полетов к Венере и Марсу» [8].

В постановлении поставлена задача по созданию пилотируемых спутников, а также по разработке и запуску космических аппаратов для полетов к Луне, Марсу, Венере.

Так, в нем говорилось о необходимости создания ракеты – носителя РН 8К78 [9] для полета к небесным телам. Этим же постановлением были определены головные предприятия по межпланетной тематике и назначен Межведомственный совет. Постановление определило срок выпуска эскизного проекта по аппаратам для полета на Марс и Венеру (программа «МВ») – февраль 1960 г.

4 июня 1960 г. издается постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 587-238 «О реализации плана освоения космического пространства на 1960 г. и 1-ю половину 1961 г.» [10]. В нем предписывалось создать четырехступенчатую ракету – носитель для полета на Марс и Венеру. Пуски к Марсу назначались на август – сентябрь – в оптимальные астрономические сроки.

23 июня 1960 г. выходит совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 715 – 296 «О создании мощных ракет-носителей, спутников, космических кораблей и освоении космического пространства в 1960 – 1967 годах». В данном постановлении была предпринята первая попытка на самом высоком уровне утвердить программу развития советской космонавтики в виде семилетнего плана.

Во исполнение принятых постановлений Совета Министров, в 1962 г. в ОКБ-1 Министерства оборонной промышленности СССР начинаются работы по проектировке ракетно-космического комплекса «Союз» (7К, 9К, 11К) для пилотируемого облета Луны. Эти работы были поддержаны постановлениями Совета Министров СССР № 346-160 от 16 апреля 1962 г. и № 11284-435 от 3 декабря 1963 г. [11]

24 сентября 1962 г. выходит постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР по дальнейшему исследованию Луны. Им закрепляется решение провести высадку советского космонавта на Луну. В ее преддверии планировалось провести необходимые исследования с помощью автоматических аппаратов, в т.ч. и самоходных.

13 сентября 1963 г. в обеспечение создания первого отечественного самоходного космического аппарата, предназначенного для функционирования на поверхности Луны - планетохода, начальник 12 Главного управления Министерства оборонной промышленности СССР отдает указание на проведение работ по созданию шасси лунохода [12], которое принимается к исполнению отделом № 25 Ленинградского ВНИИ-100. После этого решения, названный отдел НИИ в своей деятельности специализируется преимущественно на космической тематике.

10 февраля 1965 г. решением № 23 Комиссии Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам ВНИИ-100 поручено создание самоходного шасси лунохода [13]. В последующем (декабрь 1969 г.) приказом № 521 Министерства

оборонной промышленности СССР данное предприятие определено головным по созданию шасси планетоходов и проведению научных экспериментов по определению физико-механических свойств планет [14].

Советская пилотируемая Лунная программа впервые нормативно была закреплена 3 августа 1964 г. Так, 3 августа 1964 года вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 655-268 «О работах по исследованию Луны и космического пространства» [15].

В нем было особо отмечено, что пилотируемый облет Луны и высадка одного советского космонавта на Луну являются для СССР приоритетной задачей. В частности, в этом постановлении говорилось: «Важнейшей задачей в исследовании космического пространства с помощью ракеты Н-1 является освоение Луны с высадкой экспедиций на ее поверхность и последующим их возвращением на Землю».

Отечественная Лунная программа, получившая нормативно-правовой статус, состояла из двух самостоятельных частей:

1) в ее первой части поручалось ОКБ-1 – разработка и создание тяжелой ракеты-носителя Н1 и лунного корабля ЛЗ в составе лунной кабины (ЛК) и лунного орбитального корабля (ЛОК). Начало летно-конструкторских испытаний (ЛКИ) РН Н1 было определено провести в I квартале 1966 г., а высадку на Луну – в 1967 – 1968 г.;

2) во второй части программы поручалось ОКБ-52 (генеральный конструктор В.Н. Челомей) – разработка трехступенчатой РН УР-500К, лунного корабля ЛК1 для облета Луны и разгонного блока. Срок исполнения определен во II квартале 1967 г.

Этим же решением Советского Правительства работы по теме «Союз» (7К-9К-11К), начавшиеся в 1962 г. были прекращены.

В свете постановления № 655-268 были изменены основные задачи самоходного космического аппарата Е-8. Луноход предполагалось использовать для детального обследования предполагаемого района посадки пилотируемой лунной кабины с космонавтом. На базе аппарата Е-8 предполагалось создать искусственный спутник Луны Е-8ЛС для телесъемки с высоким разрешением предполагаемых районов посадки сначала лунохода, а потом и лунной кабины.

15 мая 1965 г. было подписано постановление Совета Министров СССР № 392-147 о создании Института космических исследований АН СССР (ИКИ АН СССР) как головной академической организации по исследованию и использованию космического пространства в интересах фундаментальных наук [16].

4 февраля 1967 года вышло очередное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о работе над техникой по Лунной программе. В нем отмечалось неудовлетворительное состояние работ по выполнению постановления № 655-268 от 3 августа 1964 г. В постановлении был установлен график лунных экспедиций и полетов автоматических аппаратов, обеспечивающих их. Согласно постановлению от 4 февраля 1967 г. к летно-конструкторским испытаниям ракеты Н-1 планировалось приступить в сентябре 1967 г., первую посадку космонавта на Луну осуществить в третьем квартале 1968 г.

Кроме программы по освоению Луны, в СССР прорабатывались проекты пилотируемых полетов к ближайшим планетам земной группы: Марсу, Венере. Реализация этих проектов в ряде случаев производилась в соответствии с издаваемыми приказами министерств. Так, 30 июля 1969 г. министром общего машиностроения СССР был подписан приказ № 232 о разработке ракетно-космического комплекса, обеспечивающего экспедицию на Марс. Данный проект получил шифрованное наименование «Аэлита» [17].

Во второй половине 70-х гг. XX века космическая деятельность по освоению космоса и небесных тел в Советском Союзе стала проводиться уже не столь интенсивно, как ранее. В связи со стремлением Правительства СССР возобновить и активизировать деятельность по исследованию космического пространства, планет Солнечной системы и

их спутников, 1 августа 1983 г. Комиссией Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам принимается решение № 274 о создании автоматических космических аппаратов для исследования планет Солнечной системы, Луны и космического пространства. В соответствии с ним предприятию ВНИИ-100 было поручено проведение опытно-конструкторских работ по созданию подвижного аппарата для исследования спутника Марса – Фобоса (тема «Шар-Ф») [18].

Проведенный исторический анализ показывает, что в Союзе ССР правовое регулирование космической деятельности осуществлялось только на уровне подзаконных актов: издаваемых постановлений Совета Министров (в ряде случаев – совместных с ЦК КПСС), решений Комиссии Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам, приказов отраслевых министерств. Каких-либо законодательных актов о космической деятельности в советский период космонавтики принято не было.

Законодательно-правовое регулирование космической деятельности в нашей стране получает только после распада Советского Союза.

20 августа 1993 года Верховным Советом Российской Федерации был принят первый в нашем государстве Закон № 5663 – 1 «О космической деятельности» [19].

Первый отечественный Закон о космической деятельности был разработан в Комитете Верховного Совета РФ по транспорту, связи, информатике и космосу.

Появление первого «космического» закона сыграло важную роль в создании законодательных основ правовой системы космической деятельности. Однако происходящие изменения в политической и экономической системе государства, а также нормы новой Конституции России, которая была принята 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием, вошли с данным Законом в определенные противоречия. В связи с этим созрела необходимость внесения изменений и дополнений в названный Закон с целью приведения его в соответствие с новыми реалиями жизни России: правовыми, экономическими, политическими и др.

На проведенных в феврале 1995 года парламентских слушаниях «Об использовании космоса и космической индустрии в геополитических интересах России» с участием представителей органов государственной власти, Российского космического агентства, Министерства обороны, Российской академии наук, ведущих организаций ракетно-космической промышленности, наряду с обсуждением ряда мер по научно-техническому развитию космонавтики, совершенствованию механизма управления и структурной перестройки ракетно-космической отрасли, было уделено значительное внимание разработке и принятию федеральных законов, обеспечивающих целостную систему правовых отношений в космической деятельности. Была принята идеология нормативно-правового развития основных положений космической деятельности, предполагающая внесение изменений и дополнений в Закон Российской Федерации о космической деятельности и создание ряда самостоятельных законов, дополняющих и развивающих этот «базовый» закон.

Изменения и дополнения, вносимые в Закон РФ о космической деятельности, были ориентированы на комплексное урегулирование многоплановых проблем, относящихся к организации современной космической деятельности. Они были разработаны на основе следующих основополагающих принципов:

- закрепления национальных интересов в области космоса, конкретных целей и задач космической политики в обозримый исторический период, основных принципов осуществления космической деятельности;
- расстановки приоритетов космической деятельности России, вызванных изменениями политической и экономической ситуации в стране и в мире, структуры государственной власти и управления;

- комплексного развития и эффективного использования космического потенциала России в интересах подъема экономики, науки и международного сотрудничества, укрепления национальной безопасности;

- минимально необходимой корректировки существующих положений Закона, которая бы не была связана с потребностью дополнительного финансирования при их реализации.

В новой редакции Закона РФ о космической деятельности были внесены поправки в 27 из 30 статей, уточнены основы космической деятельности, включая:

- принципы руководства и финансирования космической деятельности;
- организацию государственного заказа на проведение разработок, производства и поставок космической техники, развитие инфраструктуры;
- особенности управления и обеспечения безопасности космической деятельности.

Также были внесены изменения, обусловленные необходимостью приведения ряда статей Закона в соответствие с уже принятым на тот момент новым Гражданским кодексом России, федеральными законами «О Государственном оборонном заказе», «О поставках продукции». В новой редакции Закона проведено разделение компетенции Федерального органа исполнительной власти по космической деятельности и Федерального органа исполнительной власти по обороне.

В результате проводимой законотворческой деятельности, 4 октября 1996 года Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации принимается Федеральный закон № 147 – ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О космической деятельности». Данный Закон 13 ноября 1996 года одобрен Советом Федерации, 29 ноября того же года подписан Президентом РФ, и вступил в силу 10 декабря 1996 года [20].

В преамбуле к действующему в новой редакции Закону РФ о космической деятельности провозглашается, что в Российской Федерации исследование и использование космического пространства, Луны и других небесных тел, являются «важнейшими приоритетами государственных интересов». В п. 1 ст. 2 данного Закона закрепляется, что под космической деятельностью понимается любая деятельность, связанная с непосредственным проведением работ по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела.

Такие работы, в соответствии с названной статьей, могут проводиться, в частности, по таким направлениям, как: «научные космические исследования», «пилотируемые космические полеты», «наблюдение за объектами и явлениями в космическом пространстве» и др.

Статья 3 Закона о космической деятельности в качестве одной из целей космической деятельности, наряду с другими, выделяет «дальнейшее совершенствование и накопление научных знаний о Земле, космическом пространстве и небесных телах» (абз.4, ч.1 ст. 3).

Статьей 8 Закона РФ о космической деятельности предусмотрен документ, на основании которого формируется государственный заказ на создание и использование космической техники в научных и социально-экономических целях - Федеральная космическая программа.

В период выполнения Федеральной космической программы России на 1996 – 2000 гг., в п. 3 постановления Правительства РФ № 422 от 12 апреля 1996 г. «О мерах по выполнению Федеральной космической программы России и международных соглашений в области космоса», отмечалось что своевременное и качественное выполнение работ по космической программе «Марс – 96» - «задача особой государственной важности» [21].

Однако из-за технических неисправностей космический аппарат РФ «Марс – 96», запущенный в космическое пространство 16 ноября 1996 г., на следующий день – 17

ноября того же года потерпел аварию. В результате единственная российская межпланетная программа прошлого десятилетия завершилась неудачно [22].

После срыва названной межпланетной программы, в постановлении Правительства РФ № 153 от 10 февраля 1997 г. «О мерах по обеспечению Федеральной космической программы России и международных договоров в области космоса» об исследовании планет Солнечной системы не упоминалось вообще [23].

Следующая Федеральная космическая программа России на 2001 – 2005 гг. была утверждена постановлением Правительства РФ № 228 от 30 марта 2000 г.

В Федеральной космической программе России на 2001 – 2005 годы об исследовании и освоении небесных тел Солнечной системы говорилось в двух подпрограммах, находящихся в 1-м разделе документа – («Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы»).

Так, в подпрограмме «Космические средства для фундаментальных космических исследований» предусматривалось создание космического комплекса «Фобос-Грунт» для исследования Фобоса и Марса, а также разработка и изготовление приборов для международной программы исследований «Mars Surveyor». В подпрограмме «Прикладные научно-исследовательские работы и системные исследования» был намечен ряд исследований планет Солнечной системы [24].

Ныне действующая Федеральная космическая программа России на 2006 – 2015 гг. была утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 22 октября 2005 г. № 635.

В тексте действующей Федеральной космической программы России говорится, что целью Программы является удовлетворение растущих потребностей государственных структур, регионов, а также населения страны в космических средствах и услугах на основе:

- расширения и повышения эффективности использования космического пространства для решения стоящих перед Российской Федерацией задач в экономической, социальной, научной, культурной и других областях деятельности, а также в интересах безопасности страны;
- расширения международного сотрудничества в области космической деятельности и выполнения международных обязательств Российской Федерации в этой области, разработки, применения и поставок ракетно-космической техники;
- укрепления и развития космического потенциала Российской Федерации, обеспечивающего создание и использование требуемой номенклатуры космических систем и комплексов с характеристиками, соответствующими мировому уровню развития космической техники, а также гарантированный доступ и необходимое присутствие в космическом пространстве.

Основными задачами Федеральной космической программы России на 2006 – 2015 гг. являются:

- развитие, восполнение и поддержание орбитальной группировки космических аппаратов в интересах социально-экономической сферы, науки и безопасности страны (связь, телевидение, ретрансляция, дистанционное зондирование Земли, гидрометеорология, экологический мониторинг, контроль чрезвычайных ситуаций, фундаментальные космические исследования, космические микрогравитационные исследования);
- создание, развертывание и эксплуатация элементов российского сегмента международной космической станции для проведения фундаментальных и прикладных исследований, реализация долгосрочной программы научно-прикладных исследований и экспериментов, планируемых на российском сегменте международной космической станции;
- обеспечение функционирования российского сегмента международной спутниковой системы поиска и спасания КОСПАС – САРСАТ;

- создание перспективных средств выведения космических аппаратов;
- поддержание объектов космодрома Байконур и их развитие;
- обеспечение создания изделий ракетно-космической техники с характеристиками мирового уровня.

Федеральная космическая программа России на 2006 – 2015 гг. содержит специальный раздел, предусматривающий сроки и этапы ее реализации.

Так, положениями этого раздела Программы установлено, что на первом этапе (период до 2010 года) создаются:

- система фиксированной космической связи и телевидения в составе 13 космических аппаратов;
- система подвижной спутниковой связи в составе 6 космических аппаратов;
- система космического метеорологического мониторинга в составе 5 космических аппаратов;
- система космического мониторинга окружающей среды в составе 4 космических аппаратов;
- космические комплексы для фундаментальных космических исследований в составе 2 обсерваторий для астрофизических исследований;
- 1 космического аппарата для исследования Солнца и солнечно-земных связей;
- 1 космического аппарата для исследования Марса и доставки грунта Фобоса на Землю, одиночных малых космических аппаратов и космических аппаратов для медико-биологических исследований;
- российский сегмент международной спутниковой системы поиска и спасания КОСПАС-САРСАТ в составе 2 космических аппаратов;
- российский сегмент международной космической станции в составе 5 модулей;
- многофункциональный комплекс наземных средств приема, регистрации и обработки космической информации и интегрированная спутниковая система дистанционного зондирования Земли на его основе.

На втором этапе (период до 2015 года) обеспечивается наращивание и поддержание орбитальных группировок:

- системы фиксированной космической связи и телевидения в составе 26 космических аппаратов;
- многофункциональной системы ретрансляции в составе 2 космических аппаратов;
- системы подвижной спутниковой связи в составе 12 космических аппаратов;
- системы космического метеорологического мониторинга в составе 3 космических аппаратов четвертого поколения и 2 космических аппаратов третьего поколения;
- системы космического мониторинга окружающей среды в составе 5 космических аппаратов;
- космических комплексов для проведения фундаментальных космических исследований в составе 3 обсерваторий для астрофизических исследований;
- 3 космических аппаратов для исследования Солнца и солнечно-земных связей;
- 1 космического аппарата для исследования Луны, одиночных малых космических аппаратов и космических аппаратов для медико-биологических исследований;
- российского сегмента международной космической системы поиска и спасания КОСПАС-САРСАТ в составе 2 космических аппаратов;

- российского сегмента международной космической станции в составе 8 модулей;
- космических комплексов технологического назначения в составе 1 космического аппарата и одиночных космических аппаратов с малым сроком активного существования [25].

Цели и задачи космической деятельности в РФ, кроме соответствующих норм Закона о космической деятельности (ст. 3), более детально были определены Концепцией национальной космической политики РФ, одобренной постановлением Правительства РФ № 533 от 1 мая 1996 г.

В настоящий момент нормативно-правовая база космической деятельности в РФ складывается из значительного числа правовых документов различного уровня. Причем следует отметить, что их большая часть непосредственного отношения к космической деятельности не имеет, а содержит небольшое количество норм, касающихся ее регулирования [26] (как, например, Федеральный закон об охране окружающей среды, Земельный кодекс РФ, Воздушный кодекс РФ и др.).

В связи с этим представляется целесообразным в ближайшее время разработка и принятие в Российской Федерации Кодекса законов РФ о космической деятельности (Космического кодекса), нормы которого всесторонне урегулировали бы всю космическую деятельность, осуществляемую под юрисдикцией Российской Федерации.

По нашему мнению, все вопросы космической деятельности должны получить тщательную правовую проработку.

Так, в настоящее время подготовлен и находится на различных стадиях рассмотрения ряд проектов федеральных законов в области исследования и использования космического пространства, в числе которых следующие:

- проект Федерального закона «О предпринимательской деятельности в области исследования и использования космического пространства»,
- проект Федерального закона «Об обеспечении безопасности космической деятельности Российской Федерации»;
- проект Федерального закона «О создании и применении космических средств в интересах обороны и безопасности Российской Федерации»;
- проект Федерального закона «О правовом регулировании взаимодействия субъектов космической деятельности с иностранными и международными организациями»;
- проект Федерального закона «О передаче технологий и научно-технических достижений ракетно-космической техники в экономику России» [27], а также ряд других.

Необходимость разработки и принятия Федерального закона «О предпринимательской деятельности в области исследования и использования космического пространства» обусловлена тем, что в нормах Гражданского кодекса РФ, являющегося основополагающим для предпринимательских (коммерческих) правоотношений законодательным документом, не отражены особенности и свойства ведения этой деятельности в специфической сфере – космическом пространстве. В частности, правоотношения государства с субъектами предпринимательской деятельности, устанавливаемые ГК РФ, не полностью соответствуют требованиям международного космического права.

Статья VI Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 г. [28] устанавливает, что «государства несут международную ответственность за национальную деятельность в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, независимо от того, осуществляется ли она правительственными органами или неправительственными юридическими лицами». Это делает необходимым введение правовой нормы, закрепляющей регулируемую и контролирующую функции государства при осуществлении любой космической

деятельности, в том числе и предпринимательской. Законопроект призван урегулировать общественные отношения в сфере, где пересекаются интересы гражданских и оборонных комплексов, частных юридических и физических лиц, в том числе и иностранных.

Проект Федерального закона «Об обеспечении безопасности космической деятельности Российской Федерации» направлен на правовое регулирование отношений между субъектами космической деятельности в целях предотвращения возможных угроз личности, обществу, государству и окружающей природной среде, возникающих в процессе создания (модернизации), применения (эксплуатации) и утилизации образцов космической техники и элементов космической инфраструктуры.

Проблема обеспечения безопасности космической деятельности в настоящее время существенно обострилась и требует самостоятельного законодательного обеспечения. Данное обстоятельство определяется рядом факторов и, прежде всего, недостаточным финансированием мероприятий по достижению безопасности космической деятельности, а также нарушением существовавшей ранее кооперации разработчиков, производителей образцов космической техники, элементов космической инфраструктуры и эксплуатирующих организаций.

Проект Федерального закона № 141501-3 «О создании и применении космических средств в интересах обороны и безопасности Российской Федерации» призван закрепить особый порядок разработки, создания и применения космических средств военного и двойного назначения в целях повышения эффективности действий Вооруженных Сил РФ и других войск и воинских формирований в мирное и военное время [29]. В законопроекте была сделана попытка более детально определить сферы ответственности Министерства обороны и Федерального космического агентства в области создания, запуска и управления космическими средствами военного назначения и установить приоритет средств военного и двойного назначения перед народнохозяйственными и научными.

Однако, 22 мая 2003 года в результате повторного рассмотрения этого проекта закона в первом чтении Государственная Дума отклонила рассмотренный законопроект. Основными основаниями для отклонения были названы дублирование норм законов «Об обороне», «О космической деятельности» и «О государственном оборонном заказе», а также отсутствие положительного заключения Правительства РФ на доработанный законопроект [30].

В законопроекте «О правовом регулировании взаимодействия субъектов космической деятельности с иностранными и международными организациями» конкретизируется накопленный опыт правового взаимодействия, прежде всего со странами СНГ и иными государствами.

В проекте Закона «О государственной поддержке потенциала космической индустрии и космической инфраструктуры Российской Федерации» определены виды государственной поддержки и раскрыта их сущность. Определяется обязанность Правительства обеспечивать выделение бюджетных средств, необходимых для реализации Федеральной космической программы, а также методы таможенного регулирования при приобретении высоких зарубежных технологий и экспорту отечественных высокотехнологичных изделий [31].

Таким образом, проведенный исторический анализ позволяет сделать вывод о том, что отечественное законодательство о космической деятельности в настоящий момент находится лишь в стадии становления. Несмотря на то, что в Российской Федерации уже действует базовый Закон о космической деятельности, многие вопросы остаются до настоящего времени без должного законодательного урегулирования. Подтверждением этого является большое количество различных законопроектов о космической деятельности, находящихся на рассмотрении в Федеральном Собрании Российской Федерации.

В связи с этим, по мнению автора, необходимость научной проработки отдельных вопросов правового регулирования космической деятельности в России приобретает особую актуальность и значимость.

Правовая проработка отдельных аспектов отечественной космонавтики будет способствовать законотворческой деятельности. По нашему мнению, эта работа в результате должна привести к принятию в нашей стране Кодекса законов РФ о космической деятельности, нормы которого всесторонне урегулируют деятельность по исследованию и использованию космического пространства и небесных тел, осуществляемую под юрисдикцией России.

Одним из наиболее значимых и важных правовых понятий во всей системе законодательства Российской Федерации о космической деятельности является понятие «космическая деятельность».

Содержание этого понятия с достаточной полнотой раскрывается в нормах Закона РФ о космической деятельности от 20 августа 1993 г. (в редакции Федерального закона от 29.11.96 № 147-ФЗ) [32].

В соответствии со ст. 2 названного Закона, «под космической деятельностью понимается любая деятельность, связанная с непосредственным проведением работ по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела».

Осуществляемую государством космическую деятельность можно условно рассматривать как систему определенных элементов – выделяемых Законом РФ о космической деятельности ее основных направлений.

Так, к основным направлениям космической деятельности данный Закон относит:

- научные космические исследования;
- использование космической техники для связи, телевизионного и радиовещания;
- дистанционное зондирование Земли из космоса, включая экологический мониторинг и метеорологию;
- использование спутниковых навигационных и топогеодезических систем;
- пилотируемые космические полеты;
- использование космической техники, космических материалов и космических технологий в интересах обороны и безопасности Российской Федерации;
- наблюдение за объектами и явлениями в космическом пространстве;
- испытания техники в условиях космоса;
- производство в космосе материалов и иной продукции;
- другие виды деятельности, осуществляемые с помощью космической техники.

Космическая деятельность включает в себя создание (в том числе разработку, изготовление и испытания), использование (эксплуатацию) космической техники, космических материалов и космических технологий и оказание иных связанных с космической деятельностью услуг, а также международное сотрудничество Российской Федерации в области исследования и использования космического пространства (п. 2 ст. 2 Закона).

Таким образом, изучение приведенных норм Федерального закона позволяет сделать вывод, что в соответствии с содержанием рассматриваемой нормы под понятие «космическая деятельность» подпадает любая деятельность, независимо от места ее осуществления, то есть как в космическом пространстве, так и на Земле, непосредственно направленная на исследование и использование космического пространства и небесных тел.

Кандидат юридических наук М.Н. Копылов, определяя рассматриваемое понятие, в одной из своих научных работ писал, что под космической деятельностью в настоящее время понимается деятельность по исследованию и практическому использованию космического пространства и небесных тел, осуществляемая с помощью космических летательных аппаратов [33].

Профессор Г.П. Жуков отметил по этому поводу, что такого рода деятельность «должна быть органически связана либо с запуском космического объекта и его эксплуатацией, либо с возвращением на Землю этого объекта» [34].

Как видно, космическая деятельность имеет непосредственную связь с запусками космических объектов в околоземное космическое пространство, на траектории межпланетных перелетов. Поэтому в космическом праве было введено понятие запускающего государства.

Данное понятие в космическом праве имеет большое значение, так как производными от него являются как вопросы осуществления государствами юрисдикции и контроля над космическими объектами, запущенными в космическое пространство, так и аспекты юридической ответственности, которые могут возникнуть при осуществлении космической деятельности – в случае причинения ущерба.

Определение данного понятия содержится в ряде международно-правовых актов о космической деятельности.

Так, хотя в ст. VII Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 г., сам термин «запускающее государство» не используется, об этом говорится следующим образом: «каждое государство – участник Договора, которое осуществляет или организует запуск объекта в космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, а также каждое государство – участник Договора, с территории или установок которого производится запуск объекта...».

Статья I Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами от 29 марта 1972 г. [35] установила, что термин «запускающее государство» означает государство, которое осуществляет или организует запуск космического объекта; государство, с территории или установок которого осуществляется запуск космического объекта». Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство от 14 января 1975 г. [36], в ст. I воспроизвела полностью норму об этом же Конвенции об ответственности. Таким образом, в космическом праве различают четыре категории государств, непосредственно участвующих в запуске космического объекта:

- 1) государства, которые осуществляют запуск космического объекта;
- 2) государства, которые организуют запуск космического объекта;
- 3) государства, с территории которых осуществляется запуск космического объекта;
- 4) государства, с установок которых осуществляется запуск космического объекта.

Все перечисленные категории государств в космическом праве именуется запускающими государствами.

Если обратиться к любому правовому документу, касающемуся космической деятельности, то можно проследить, что в них в ряде случаев для ее обозначения используется выражение «исследование и использование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела». В текстах международных договоров и соглашений по космическому праву понятия «исследование» и «использование» всегда употребляются вместе, хотя и не определяются. По нашему мнению, эти понятия неравнозначны и им присущи различные правовые последствия. В космическом праве не проводится различия между правовым регулированием исследования космического пространства и правовым регулированием его использования, хотя последнее имеет больше ограничений, нежели первое, так как, например, определенные виды военного использования космоса прямо запрещены действующими специальными договорными международно-правовыми нормами. Также отметим, что не совпадают по своему

содержанию и термины «освоение» и «исследование». Как данные термины соотносятся друг с другом?

Проведем анализ терминов «исследование», «освоение» и «использование».

Так, термин «исследовать» означает «подвергнуть (подвергать) научному рассмотрению. Тщательно осмотреть (осматривать) для выяснения, установления чего-либо» [37]. «Освоить» же, значит «научиться пользоваться чем-либо, употреблять что-либо, овладеть чем-либо. Включить в круг своей хозяйственной деятельности. В процессе изучения чего-либо, знакомства с чем-либо приобрести какие-либо знания, постичь, что-либо усвоить» [38]. «Использовать» означает «употребить (употреблять) для какого-либо дела. Воспользоваться чем-либо в своих интересах» [39].

По высказыванию доктора технических наук профессора М.К. Тихонравова, под освоением космического пространства понимаются действия, направленные на то, чтобы научиться жить и работать в космосе, быть в межпланетном пространстве и на небесных телах не путешественником, а постоянным жителем [40].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что термин «освоение», применительно к рассматриваемой нами проблеме, означает промежуточный этап между исследованием и использованием, начальный этап использования чего-либо. Прежде чем приступить к использованию, мы должны освоить то, что мы намерены использовать.

Исследование небесных тел и их природных ресурсов возможно в целях получения информации о небесных телах и их ресурсах, расширения и углубления знаний об их характере, химическом составе вещества, о возможностях их будущего использования и т.д. Такие научные исследования открывают перед человечеством перспективы практического использования результатов исследования космоса и небесных тел.

Иными словами, без научных исследований невозможно практическое использование космоса, небесных тел и их природных ресурсов [41]. Без предварительного и всестороннего исследования образцов грунта, доставленного с поверхности какого-либо небесного тела нельзя начинать освоение интересующих пород, а тем более не может идти и речи об эффективном использовании природных ресурсов данного небесного тела.

Отечественная доктрина космического права исходит из того, что под использованием космического пространства в широком смысле следует понимать всякую деятельность в космосе, которая преследует не только цели расширения научных познаний о космическом пространстве. Это означает, что использование космического пространства включает в себя как использование самого космоса и его составных частей, например, путем эксплуатации ресурсов небесных тел, так и использование космической техники для решения практических задач на Земле [42].

Часть 3 ст. I Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 г. провозглашает свободу научных исследований в космосе.

Здесь же следует отметить, что свобода космической деятельности не может быть абсолютной, неограниченной. Так, в соответствии со ст. III Договора по космосу 1967 г., «государства – участники Договора осуществляют свою деятельность по исследованию и использованию космического пространства, в том числе Луны и других небесных тел, в соответствии с международным правом, включая Устав Организации Объединенных Наций, в интересах поддержания международного мира и безопасности и развития международного сотрудничества и взаимопонимания». Как отмечает доктор юридических наук А.П. Мовчан, «возникновение и развитие космического права убедительно показало, что научно-технический прогресс не связан с пересмотром или отменой основных принципов современного международного права» [43].

Распространение на космос и на космическую деятельность основных принципов общего современного международного права чрезвычайно важно. Строгое соблюдение

этих принципов в процессе космической деятельности призвано обеспечить широкое сотрудничество и скорейший прогресс в космических исследованиях, мирное урегулирование возможных споров и разногласий.

Нельзя односторонне рассматривать воздействие научно-технического прогресса и права, усматривая лишь влияние первого на последнее. Достижения в области техники действительно ставят перед правом все новые и новые проблемы, требующие своего разрешения.

Однако это не означает, что космическое право должно развиваться, только основываясь на характеристиках новых космических летательных аппаратов и иной техники. Принятые правовые нормы сами могут оказывать влияние на научно-технический прогресс, в одних случаях стимулируя его, а в других – сдерживая и ограничивая.

Сегодня критерием определения правомерности или противоправности использования государствами технических средств в международных отношениях являются общепризнанные принципы общего международного права.

Специальные нормы и правила национального космического права, принимаемые государствами применительно к режиму космической деятельности и космического пространства, не отменяют, а уточняют и конкретизируют такие общепризнанные принципы международного права, как суверенное равенство, невмешательство во внутренние дела, территориальная целостность и политическая независимость, запрещение применения силы, угрозы силой и др. Никакие ссылки на особенность и исключительность космической деятельности не могут служить основанием для нарушения этих принципов. Правомерность каждого конкретного вида использования космического пространства должна определяться его соответствием общепризнанным принципам международного права. Космическая деятельность должна осуществляться на благо всех государств и народов, в интересах поддержания мира и безопасности, развития сотрудничества и взаимопонимания. Поэтому эта идея и нашла свое правовое закрепление в ст. ст. I и III Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 г.

Бесспорно, что центральным и основным понятием всего космического права, его «краеугольным камнем», является понятие космического пространства (космоса). Ведь космическая деятельность, как ее определяет отечественный Закон – это деятельность, направленная на исследование и освоение собственно космоса и небесных тел.

Однако на настоящий момент как в Законе РФ о космической деятельности, так и в положениях международного космического права какое-либо четкое юридическое определение данного понятия отсутствует. Законодательство России не содержит указания на то, где именно начинается космос.

Так, п. 1 ст. 1 Воздушного кодекса РФ устанавливает, что «Российская Федерация обладает полным и исключительным суверенитетом в отношении воздушного пространства Российской Федерации». Далее, в п. 2 этой же статьи содержится определение понятия воздушного пространства РФ: «под воздушным пространством Российской Федерации понимается воздушное пространство над территорией Российской Федерации, в том числе воздушное пространство над внутренними водами и территориальным морем». Как видно, Воздушное законодательство РФ, закрепляя полный и исключительный суверенитет России над воздушным пространством, не определяет его вертикальной границы, а раз так, то и высотные пределы действия суверенитета своего государства.

Приведенное положение ст. 1 ВК РФ полностью соответствует содержанию ст. 1 Конвенции о международной гражданской авиации от 7 декабря 1944 г. [44] В соответствии с указанной статьей Чикагской конвенции «Договаривающиеся государства

признают, что каждое государство обладает полным и исключительным суверенитетом над воздушным пространством над своей территорией» [45].

Здесь же для сравнения отметим, что ст. 2 Федерального закона РФ от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации» [46] четко определяет ширину морского пояса, образующего территориальное море России (12 морских миль от исходных линий). Таким образом, в морском праве России вопросы пространственной делимитации решены, чего на настоящий момент еще нельзя о праве космическом.

Философский словарь определяет космос (*греч.* – Вселенная) как Вселенную, мир в целом и как целое, всю совокупность бесконечной в пространстве-времени движущейся материи, включая Землю, Солнечную систему, нашу и все остальные галактики. Здесь же говорится, что практически под космосом понимают лишь часть Вселенной, соседнюю с Землей, притом за вычетом самой Земли. В этом значении «космическое» означает «внеземное». При этом в философии граница между Землей и космосом остается обычно неопределенной [47]. При естественнонаучном подходе к рассматриваемому вопросу под космическим пространством (космосом) понимается пространство за пределами земной атмосферы [48]. Атмосфера – это газовая оболочка Земли, 99 % которой сконцентрировано в слое до высоты 30 – 35 км от земной поверхности. Но это понятие не является правовым и относительно условно, так как молекулы воздуха могут быть обнаружены и на высотах, достигающих нескольких сотен тысяч километров.

С точки зрения международного права деление надземного пространства на воздушное и космическое необходимо из-за различий в правовых режимах двух этих пространств.

Так, воздушное пространство по международному праву делится на национальное (находящееся над территорией и под юрисдикцией этого государства, а поэтому входящее в сферу его полного и исключительного территориального суверенитета) и международное (находящееся за пределами государственных воздушных границ). Космическое же пространство неделимо и на всем его протяжении находится в общем пользовании [49].

Рассмотрим, каким образом при отсутствии такой нормы в международных соглашениях о космической деятельности вопрос о делимитации воздушного пространства и космоса решался как в международно-правовой доктрине, так и в международном космическом праве.

Наличие всеобщей, постоянной и единообразной практики государств в новых областях международных отношений, ведет к возникновению новых норм международного обычного права, если выполняются определенные требования, предъявляемые к обычному нормообразованию в современном международном праве [50].

Ряд отечественных ученых – юристов утверждает, что если с этих позиций подойти к анализу международной практики, возникшей в связи с исследованием и использованием космического пространства, с целью установления нормы обычного права, определяющей границу, или, по крайней мере пределы разграничения между воздушным и космическим пространствами, то можно констатировать, что она есть и состоит из различных актов государств, выражающих их позицию по рассматриваемой международно-правовой проблеме.

С обоснованием такой точки зрения неоднократно выступали отечественные ученые - специалисты в области космического права: Э.Г. Жукова (Василевская), В.С. Верещетин, Г.П. Жуков, Ю.М. Колосов и др. [51]

Вопрос о разграничении воздушного и космического пространства, связанный с высотным пределом государственного суверенитета и сферой действия принципа свободы исследования и использования космического пространства, безусловно, относится к области межгосударственных отношений, требующих международно-правового

регулирования. Поэтому акты государств, ведущие к возникновению всеобщей, постоянной и единообразной практики в данной области не могут не иметь значения прецедентов, влекущих правовые последствия.

Как в этом отношении отмечает Г.М. Даниленко, есть основания считать, что развитие и консолидация межгосударственной практики, возникшей в связи с космической деятельностью в районах космоса, прилегающих к национальному воздушному пространству, на основе принципа свободы открытого космоса постепенно привели к возникновению обычной нормы, тесно связанной с нормой свободы космоса, и определяющей пространственные пределы ее действия [52].

Межгосударственная практика, концентрирующая данный обычай состояла, с одной стороны, из притязаний космических держав на право беспрепятственного осуществления деятельности по исследованию и использованию космоса с помощью космических объектов над территориями государств на различной высоте, в том числе на высоте, определяемой низшим возможным перигеем спутника на орбите, а с другой – из активной или пассивной реакции государств, над территориями которых осуществлялась эта деятельность, - реакции, выражающей признание такого права. По мнению Г.М. Даниленко, практику государств в этой области составляли такие акты, как:

- фактические действия космических держав по запуску космических объектов на различную высоту над уровнем океана;
- официальные заявления представителей заинтересованных государств по вопросам, связанным с правом осуществлять такую деятельность, на различных международных форумах;
- отсутствие протестов или иных актов, ясно свидетельствующих об отказе признать законность деятельности по исследованию космоса на различных высотах со стороны других государств.

По мнению отечественных ученых, утверждающих о наличии такой обычной нормы в международном праве, анализ существующей практики позволяет сформулировать правило поведения, соблюдаемое всеми государствами в их взаимных отношениях. В связи с этим они говорят, что в своей практике государства придерживаются нормы, согласно которой космические объекты в свободном полете на орбите с наиболее низкими перигеями, которые на данный момент технически возможны, находятся в сфере действия границы свободы исследования и использования космического пространства, то есть в открытом космосе. В соответствии с этой практикой суверенитет государств не распространяется выше пределов, очерченных минимальными перигеями спутников на орбите.

Кроме этого, в обоснование своих научных взглядов представители теории существования обычно-правовой нормы, устанавливающей границу между воздушным пространством и космосом, приводят довод о том, что Международная авиационная федерация (ФАИ) регистрирует полет как космический, начиная с высоты 100 км. [53] Именно на этой высоте космический аппарат может совершить полный орбитальный виток вокруг Земли, после чего начинается его вход в плотные слои атмосферы, торможение и падение на Землю (если объект не сгорит в плотных слоях атмосферы).

В связи со всем, что было сказано, они предлагают считать низшим пределом космического пространства и, соответственно, высшим пределом национального воздушного пространства, согласно установившейся практике, технически возможные наиболее низкие орбиты искусственных спутников, на которых возможны использование этих спутников в свободном полете (100 ± 10 км. над уровнем океана).

По мнению автора, нельзя признать факт существования какой-либо обычной нормы в международном космическом праве, которая устанавливала бы границу между воздушным пространством и космосом. В обоснование данного утверждения хотелось бы привести следующие доводы.

Как справедливо утверждает Г.М. Даниленко в вышеприведенной работе, о наличии обычной нормы в международном космическом праве, наряду с другими обстоятельствами, может свидетельствовать также «отсутствие протестов или иных актов, ясно свидетельствующих об отказе признать законность деятельности по исследованию космоса на различных высотах со стороны других государств» [54].

Вместе с тем, как показывает история развития межгосударственных отношений, касающихся рассматриваемого правового аспекта, целый ряд государств высказывал свои возражения о наличии границы на высоте около 100 км. над уровнем Мирового океана. Более того, данные государства оспаривали вообще сам факт существования какой-либо юридической границы между воздушным пространством и космосом.

Так, в 1976 г. в Боготе ряд экваториальных государств (Колумбия, Конго, Эквадор, Индонезия, Кения, Уганда и Заир) приняли Декларацию об установлении суверенитета на участки геостационарной орбиты. В своей декларации экваториальные страны заявили свои претензии на те участки геостационарной орбиты, которые соответствовали их территориям по экватору.

Принимая Боготскую декларацию 1976 г., названные государства исходили из того, что в настоящее время «нет имеющего юридическую силу или удовлетворительного определения космического пространства, которое могло бы быть выдвинуто в обоснование утверждения о том, что геостационарная орбита находится в космическом пространстве».

Кроме того, в Комитете ООН по космосу представители этих стран утверждали, что положения Договора по космосу 1967 г., запрещающие национальное присвоение космического пространства, не действуют, так как в позитивном международном праве нет определения понятия «космос».

Эти притязания экваториальных государств были отвергнуты, как противоречащие принципу неприсвоения космического пространства.

22 июня 1979 г. на 22-й сессии Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях Советский Союз официально внес рабочий документ, именуемый «Проект основных положений резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу разграничения воздушного и космического пространства и правового статуса части космического пространства, в которой проходят орбиты геостационарных спутников».

Этот документ, в частности, предусматривал:

«1. Надземное пространство выше 100 – 110 км над уровнем океана является космическим пространством.

2. Граница между воздушным и космическим пространством подлежит согласованию между государствами и последующему договорному закреплению на высоте, не превышающей 100 – 110 км над уровнем океана.

3. За космическими объектами одних государств сохраняется право пролета над территориями других государств на высотах ниже 100 – 110 км над уровнем океана для выхода на орбиту и возвращения на землю, на территорию запускающего государства.

4. Часть космического пространства, в которой проходят орбиты геостационарных спутников, неотъемлема от космического пространства в целом, и на нее распространяются все соответствующие положения Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г., в том числе положение о том, что космическое пространство не подлежит национальному присвоению каким бы то ни было способом» [55].

Однако, эта безусловно прогрессивная договорная инициатива Союза ССР не получила всеобщей поддержки.

Что касается упомянутой нормы Международной авиационной федерации, следует особо подчеркнуть, что Международная авиационная федерация по своему

международно-правовому статусу относится к категории международных неправительственных организаций. По этой причине нормы, разрабатываемые Международной авиационной федерацией, не имеют какой-либо юридической силы для субъектов международного права: суверенных государств и международных межправительственных организаций, осуществляющих космическую деятельность.

С учетом сказанного следует признать, что существующая проблема делимитации воздушного и космического пространств окончательно будет решена только после принятия государствами соответствующей договорной нормы.

Здесь же следует особо отметить, что, по нашему мнению, при определении правового понятия космоса явно недостаточно только провести границу между космосом и воздушным пространством Земли. С правовой точки зрения было бы неверным отождествлять космическое пространство и находящиеся в нем небесные тела. Даже не принимая во внимание физические особенности рассматриваемых пространственных сфер, анализ правового режима собственно космического пространства и небесных тел говорит об их существенном различии. Например, на небесных телах действует режим полной демилитаризации, который на космос не распространяется, космическое право предусматривает возможность создания на небесных телах заповедников, которые не могут быть созданы в силу физических особенностей в космосе и т.д.

В связи с этим, представляется, что космическое пространство может быть юридически определено как межпланетное пространство, расположенное за пределами атмосфер Земли и других небесных тел, не находящееся под суверенитетом какого-либо государства и не подлежащее национальному присвоению, в пределах которого возможно осуществление космической деятельности, среда, в которой главной силой, действующей на космический объект, является сила тяготения.

При осуществлении пилотируемых полетов в космическое пространство и на небесные тела встает вопрос об определении юридического понятия и правового статуса космонавта (астронавта), так как именно человек, работающий в космосе, в ходе проводимой космической деятельности является ее необходимым элементом.

Если подходить к определению понятия «космонавт» с точки зрения права, то необходимо отметить, что, ни в национальных законодательных актах, ни в международных соглашениях по космическому праву такого определения нет.

Статья 20 Закона Российской Федерации о космической деятельности, именуемая «Космонавты и экипажи пилотируемых космических объектов», не определяя сам термин «космонавт», устанавливает, что граждане Российской Федерации, выразившие желание участвовать в космических полетах и отвечающие установленным профессиональным и медицинским требованиям, отбираются для подготовки и осуществления космических полетов на основе конкурса. Порядок и условия проведения конкурса определяются в соответствии с Гражданским кодексом РФ федеральными органами исполнительной власти (п. 1 ст. 20).

Далее, в п. 2 этой же статьи закрепляется, что порядок подготовки космонавтов, формирования экипажей пилотируемых космических объектов и утверждения программы полета, а также права и обязанности космонавтов, оплата их труда и иные условия их профессиональной деятельности определяются контрактами в соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами РФ.

В ст. V Договора по космосу 1967 г., говорится, что государства «рассматривают космонавтов как посланцев человечества в космос».

Сопоставляя нормы отечественного и международного космического права, следует сделать вывод, что в Законе Российской Федерации о космической деятельности, в отличие от ст. V Договора по космосу, в толкование понятия космонавт, в первую очередь, вкладывается профессиональный критерий. С такой же позиции к истолкованию термина «космонавт» осуществлялся подход и в отечественных научных работах (неюридических) по космонавтике [56].

Однако, как в первом, так и во втором случаях рассмотренные положения нельзя признать удовлетворительным юридическим определением правового понятия. Кроме того, для обозначения лиц, находящихся в космическом пространстве в различных странах, на разных языках и в разных статьях международных договоров употребляются различные термины. Так, в России и некоторых других странах используется термин «космонавт», в США и еще ряде стран – «астронавт». Разница между этими словами носит в основном лингвистический характер, хотя между ними имеется и определенное смысловое различие.

В Большой Советской Энциклопедии говорится, что космонавт – это «человек, проводящий испытания и эксплуатацию космической техники в космическом полете...» [57]. Аналогичное определение дается рассматриваемому понятию в энциклопедии «Космонавтика» [58].

В соответствии с определением, содержащимся в словаре, подготовленном Национальным управлением по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА) США в 1965 г., астронавты – это, во-первых, лица, совершившие полет в космическое пространство, во-вторых, летчики-испытатели, выделенные для участия в любой другой американской программе пилотируемых космических полетов [59].

Следовательно, понятием «астронавт» охватываются также люди, не принимавшие непосредственного участия в космическом полете, а только выделенные для подготовки к полетам в рамках различных пилотируемых программ.

Системный анализ международных соглашений по космосу свидетельствует о том, что к лицам, совершающим космический полет, применяются следующие термины:

Космонавты [60] (ст. V Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г.; название и преамбула Соглашения о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство 1968 г.; ст. 10 Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г.);

экипаж (космического корабля) [61] (ст. VIII Договора по космосу 1967 г., ст. 1 – 4 Соглашения о спасании 1968 г.);

член экипажа (ст. 10 Соглашения о Луне 1979 г.);

персонал (ст. 8, 9, 11, 12 Соглашения о Луне 1979 г.);

персонал космических кораблей или искусственных космических объектов (ст. 3 Соглашения о Луне 1979 г.);

научный и другой персонал (ст. 6 Соглашения о Луне 1979 г.);

военный персонал (ст. V Договора по космосу 1967 г., ст. 3 Соглашения о Луне 1979 г.);

лица на борту космического корабля (ст. III, IV Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, 1972 г.);

лица, находящиеся на Луне (ст. 10 Соглашения о Луне 1979 г.);

представители (других государств) (ст. XII Договора по космосу);

экспедиция (ст. 6 Соглашения о Луне 1979 г.);

человек (ст. 12 Соглашения о Луне 1979 г.);

человек, находящийся на Луне (ст. 10 Соглашения о Луне 1979 г.).

Ни в одной из этих статей нет определений употребляемых терминов.

Нормы космического права допускают к участию в космических полетах как лиц из числа гражданского персонала, так и военнослужащих.

Так, в ст. IV Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г., где говорится о том, что «Луна и другие небесные тела используются... исключительно в мирных целях», прямо отмечается, что использование там «военного персонала для научных исследований или каких-либо иных мирных целей не запрещается».

Отечественной юрист А.И. Рудев предлагает считать космонавтами «лиц, совершающих полет на космических объектах и осуществляющих свою деятельность в соответствии с полетным заданием и с учетом требований основных принципов и норм международного космического права» [62].

Приведенные выше определения понятия «космонавт», взяты из научных источников, и ни одно из них не является правовым. К сожалению, в международном праве нет специального соглашения, содержащего определение понятий «космонавт» («астронавт»), «экипаж» и регламентирующего широкий круг проблем, связанных с деятельностью человека в космосе. Необходимость такого соглашения очевидна. Вместе с тем, отсутствие в международном космическом праве определения рассматриваемого понятия не является препятствием для его установления на уровне отечественного законодательства о космической деятельности.

Представляется, что правовое понятие «космонавт» должно содержать следующие положения:

- 1) космонавт – это профессиональная деятельность, связанная с освоением космоса;
- 2) место профессиональной деятельности – космическое пространство и небесные тела;
- 3) правомерность осуществления космической деятельности, что дает лицу, ее осуществляющему, пользоваться правами и привилегиями космонавта и претендовать на правовое обеспечение его безопасности.

В некоторых отечественных научных работах по космическому праву под космическим экипажем предлагается понимать коллектив космонавтов, в который включаются лица, не только связанные с пилотированием, управлением и обслуживанием космического объекта, но и лица, предназначенные для проведения научных исследований и экспериментов [63].

В частности, в ст. 11 Соглашения относительно сотрудничества на международной космической станции гражданского назначения от 29 января 1998 г., говорится, что «каждый Партнер имеет право направлять на справедливых условиях квалифицированный персонал для работы в составе экипажа космической станции» [64].

Пункт 3 ст. 20 Закона Российской Федерации о космической деятельности определяет, что командиром экипажа пилотируемого космического объекта РФ назначается космонавт – гражданин Российской Федерации. Он наделяется всей полнотой власти, необходимой для осуществления космического полета, руководства экипажем и другими лицами, участвующими в полете. Здесь же следует отметить, что согласно абз.3 п. 3 ст. 20 Закона о космической деятельности, командир экипажа пилотируемого космического объекта Российской Федерации в пределах своих полномочий несет ответственность за выполнение программы полета, безопасность экипажа и других лиц, участвующих в полете, сохранность космического объекта и находящегося на нем имущества.

Проведенный историко-правовой анализ показывает, что космическое право с момента его зарождения рассматривает всех лиц, находящихся в космосе в качестве космонавтов и предоставляет им одинаковый статус независимо от выполняемых функций.

Так, в ст. 10 Соглашения о Луне 1979 г. [65] говорится, что государства будут рассматривать любого человека на Луне как космонавта в смысле ст. V Договора по космосу 1967 г., а также как члена экипажа космического корабля в смысле Соглашения о спасании 1968 г. [66]

Приведенное положение имеет непосредственное отношение к определению правового статуса человека на небесных телах. Оно характеризует общее отношение космического права к людям, совершающим полеты в космос. Вместе с этим, уже сегодня, с появлением космических туристов, остро возникла необходимость в проведении

юридических различий между правовым статусом космонавтов и иных лиц, находящихся в космосе. Рассмотренные же положения ст. 20 Закона РФ о космической деятельности, содержащие указания на «других лиц, участвующих в полете» позволяют сделать вывод, что отечественный законодатель уже проводит разграничение между космонавтом как членом экипажа и иным лицом, находящимся на борту космического корабля. Это следует признать положительным элементом в отечественном законодательстве о космической деятельности, развивающим нормы международного космического права.

На настоящем этапе развития как отечественной, так и мировой космонавтики Международная космическая станция гражданского назначения является основной пилотируемой космической программой ведущих космических держав.

Этот международный проект реализуется на основании межправительственного Соглашения относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения от 29 января 1998 г. Участниками этого Соглашения стали Канада, государства - члены Европейского космического агентства, Япония, Российская Федерация и США.

Во исполнение ст. 11 Соглашения по МКС 1998 г., после его подписания, Российское авиационно-космическое агентство, Канадское космическое агентство, Европейское космическое агентство, Агентством по науке и технологии Японии и НАСА США разработали Кодекс поведения экипажа Международной космической станции, положения которого следует рассматривать как яркий пример поступательного развития правового положения космонавта (астронавта).

В Российской Федерации Кодекс поведения экипажа Международной космической станции был одобрен распоряжением Правительства РФ от 27 октября 2000 г. N 1522-р.

В положениях Кодекса поведения экипажа Международной космической станции отмечается, что этот документ разработан и одобрен с тем, чтобы: установить четкий порядок подчиненности на орбите; четкую взаимосвязь между осуществлением функций управления на Земле и на орбите; вертикальную структуру управления;

определить стандарты применительно к работе и деятельности в космосе и, в соответствующих случаях, на Земле;

установить обязанности в отношении элементов и оборудования;

определить дисциплинарные правила;

установить руководящие принципы в отношении физической защиты и информационной безопасности;

определить полномочия и обязанности командира экипажа международной космической станции.

Кодекс устанавливает нормы поведения, применимые ко всем членам экипажа в ходе предполетной деятельности, полета и послеполетной деятельности (включая этапы запуска и возвращения) [67].

Таким образом, подводя итог сказанному, следует сделать вывод, что зарождение отечественных правовых норм, регулирующих космическую деятельность, происходит в конце 50-х гг. XX века в связи с началом осуществления такой деятельности в СССР. Правовые нормы о космической деятельности советского периода издаются в виде подзаконных правовых актов: постановлений Совета Министров СССР (в ряде случаев – совместных постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР), решений Комиссии Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам, приказов и указаний Министерства общего машиностроения, Министерства оборонной промышленности и Министерства обороны СССР.

Активное формирование нормативно-правовой базы космической деятельности в нашей стране начинается после распада в 1991 г. Союза ССР. Это приводит к разработке и принятию в 1993 г. первого отечественного Закона о космической деятельности, а затем и иных нормативно-правовых актов регулирующих исследование и использование

космического пространства: указов Президента, постановлений Правительства РФ. В своей совокупности Закон и иные нормативно-правовые акты о космической деятельности образуют самостоятельную отрасль законодательства - космическое право России.

§ 2. История формирования правовых основ управления космической отраслью.

Как уже отмечалось, ст. VI Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 г. устанавливает ответственность государства за всю национальную космическую деятельность, осуществляемую под его юрисдикцией.

В соответствии с данной правовой нормой Договора по космосу, «Государства – участники Договора несут международную ответственность за национальную деятельность в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, независимо от того, осуществляется ли она правительственными органами или неправительственными юридическими лицами, и за обеспечение того, чтобы национальная деятельность проводилась в соответствии с положениями, содержащимися в настоящем Договоре. Деятельность неправительственных юридических лиц в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, должна проводиться с разрешения и под постоянным наблюдением соответствующего государства – участника Договора...»

В связи с этими положениями основополагающего международно-правового акта о космосе, правовое регулирование руководства и управления космической деятельностью в РФ приобретает особое значение.

В п. «и» ст. 71 Конституции России закрепляется, что деятельность в космосе находится в ведении Российской Федерации.

Здесь же следует отметить, что, по мнению автора, приведенное положение Основного Закона Российской Федерации не отражает полностью всех признаков правового понятия космической деятельности, как оно было рассмотрено в предыдущем параграфе настоящей работы. К примеру, ст. 2 Закона РФ о космической деятельности к таковой относит также и создание (в том числе разработку и изготовление) космической техники (п. 2). Таким образом, норма Конституции в данной редакции не охватывает всей проводимой космической деятельности, так как разработка и изготовление космической техники на настоящем этапе космонавтики производятся на Земле.

В связи с изложенным, принимая во внимание характер и масштабы космической деятельности, ее значимость для государства, представляется необходимым в п. «и» ст. 71 Конституции РФ внести поправку, а именно: термин «деятельность в космосе» заменить на термин «космическая деятельность».

В положениях Закона РФ о космической деятельности, устанавливающих правовую основу организации космической деятельности в РФ (раздел II) говорится, что вся космическая деятельность в России находится в ведении Российской Федерации (ст. 5 п. 1). При этом, в соответствии с п. 2 ст. 5 Закона, общее руководство космической деятельностью осуществляет Президент РФ, который в связи с этим он наделяется следующими полномочиями:

рассматривает и утверждает основные положения государственной политики в области космической деятельности;

устанавливает особо важным космическим проектам и программам статус президентских;

решает наиболее важные вопросы государственной политики в области космической деятельности.

Здесь же – в п. 3 этой же статьи, определены и полномочия Правительства РФ в области руководства космической деятельностью.

Так, Правительство Российской Федерации:

реализует государственную политику в области космической деятельности в интересах науки, техники, различных отраслей экономики и международного сотрудничества Российской Федерации;

координирует деятельность федеральных органов исполнительной власти и организаций, участвующих в осуществлении космической деятельности;

обеспечивает функционирование и развитие ракетно-космической отрасли и космической инфраструктуры;

рассматривает и утверждает Федеральную космическую программу, долгосрочные космические программы РФ, государственный заказ на разработку, производство и поставки космической техники и объектов космической инфраструктуры и государственный оборонный заказ на разработку, производство и поставки космического вооружения и военной техники;

вносит в установленном порядке предложения о финансировании Федеральной космической программы;

обеспечивает благоприятные условия для разработки перспективных космической техники и космических технологий и осуществляет политику государственной поддержки ракетно-космической отрасли;

координирует вопросы международного сотрудничества Российской Федерации в области космической деятельности и осуществляет контроль за разработкой и реализацией международных космических проектов РФ;

утверждает в пределах своей компетенции нормативные правовые акты, регламентирующие порядок разработки, создания, испытания, использования (эксплуатации) космической техники;

назначает государственные комиссии по испытаниям космической техники.

Кроме этого, настоящий Закон устанавливает компетенцию федерального органа исполнительной власти по космической деятельности.

Так, в соответствии со ст. 6 этого Закона [68], федеральный орган исполнительной власти по космической деятельности осуществляет руководство космической деятельностью в интересах науки, техники и различных отраслей экономики, организует работу по созданию космической техники научного и социально-экономического назначения и совместно с федеральным органом исполнительной власти по обороне – космической техники двойного назначения в рамках Федеральной космической программы.

В этих целях указанный орган:

обеспечивает реализацию государственной политики в области космической деятельности совместно с федеральным органом исполнительной власти по обороне и другими заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и организациями, участвующими в создании и использовании космической техники;

разрабатывает проект Федеральной космической программы;

осуществляет размещение государственного заказа на разработку, производство и поставки космической техники и объектов космической инфраструктуры в научных и социально-экономических целях, в том числе на работы по международным космическим проектам Российской Федерации;

организует в установленном порядке использование (эксплуатацию) космической техники в целях реализации Федеральной космической программы;

совместно с федеральным органом исполнительной власти по обороне осуществляет размещение государственного заказа на разработку, производство и поставки космической техники двойного назначения и объектов космической инфраструктуры;

организует системные исследования по обоснованию основных направлений развития космической техники научного и социально-экономического назначения, а также совместно с федеральным органом исполнительной власти по обороне – космической техники двойного назначения;

обеспечивает совместно с другими заинтересованными федеральными органами исполнительной власти выполнение научно-исследовательских и опытно-

конструкторских работ по созданию космической техники научного и социально-экономического назначения, производит закупку серийной космической техники и совместно с федеральным органом исполнительной власти по обороне обеспечивает ее использование (эксплуатацию);

организует и координирует работы по коммерческим космическим проектам и содействует их осуществлению;

обеспечивает совместно с федеральным органом исполнительной власти по обороне и другими заинтересованными федеральными органами исполнительной власти развитие космической инфраструктуры;

организует и осуществляет совместно с другими заинтересованными федеральными органами исполнительной власти государственные летные испытания космической техники в научных и социально-экономических целях;

организует сертификацию космической техники научного и социально-экономического назначения;

обеспечивает совместно с соответствующими государственными службами безопасность космической деятельности;

взаимодействует с организациями других государств, а также с международными организациями по вопросам космической деятельности, заключает в установленном порядке соответствующие международные договоры;

финансирует в пределах выделенных из бюджета средств работы по реализации Федеральной космической программы;

выполняет иные функции, установленные Правительством РФ.

Закон устанавливает, что для осуществления своих функций федеральный орган исполнительной власти по космической деятельности может создавать свои территориальные органы.

В Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти по космической деятельности является Федеральное космическое агентство [69].

Федеральный орган исполнительной власти России по космической деятельности (на момент создания – Российское космическое агентство, РКА) был образован на основании Указа Президента Российской Федерации от 25 февраля 1992 г. № 185 «О структуре управления космической деятельностью в Российской Федерации» [70]. Данным Указом на создаваемое Агентство было возложено:

- осуществление государственной политики в области исследования и использования космического пространства;
- разработка совместно с Российской академией наук, заинтересованными министерствами, ведомствами, организациями и представление в Правительство РФ проектов государственных космических программ;
- осуществление функций генерального заказчика космических систем, комплексов и средств научного и народнохозяйственного назначения;
- участие в создании и использовании космических систем, комплексов и средств двойного (военного и гражданского) назначения, разрабатываемых по оборонным заказам;
- координация коммерческих космических проектов и содействие их осуществлению;
- развитие совместно с организациями и предприятиями промышленности научно-исследовательской и испытательной базы космонавтики, создание научно-технического и технологического задела для совершенствования ракетно-космической техники;
- взаимодействие с соответствующими органами участников СНГ и других стран в области исследования и использования космического пространства.

При этом на момент создания Агентства в ведении РКА оказались только четыре организации: ЦНИИмаш (Федеральное государственное унитарное предприятие

«Центральный научно-исследовательский институт машиностроения»), который стал головным институтом Агентства, НИИ ТП им. М.В.Келдыша (ФГУП «Научно-исследовательский институт точных приборов»), НИИхиммаш (ФГУП «Научно-исследовательский институт химического машиностроения») и организация «Агат» (ФГУП «Организация Агат»).

12 мая 1998 г. постановлением Правительства РФ № 440 во исполнение Указа Президента РФ от 20 января 1998 г. № 54 «О реализации государственной политики в области ракетно-космической промышленности» [71] в ведение Российского космического агентства были переданы 38 государственных предприятий и организаций ракетно-космического профиля, до этого находившиеся в подчинении у Министерства экономики. Кроме этого, на основании данного постановления РКА получило возможность осуществлять единую государственную политику (госзаказ) в отношении деятельности более 20 предприятий, которые к тому времени стали акционерными обществами [72].

25 мая 1999 г. издается Указ Президента РФ № 651 «О структуре Федеральных органов исполнительной власти» [73]. В соответствии с п. 5 этого Указа и постановления Правительства РФ от 2 июля 1999 г. № 735 Российское космическое агентство было преобразовано в Российское авиационно-космическое агентство (Росавиакосмос). При этом в ведение преобразованного Агентства были дополнительно переданы 350 авиационных предприятий и организаций.

В своей деятельности федеральный орган исполнительной власти по космической деятельности руководствуется Законом о космической деятельности, а также специальным Положением, утверждаемым Правительством Российской Федерации.

Первое Положение об РКА было утверждено постановлением Совета Министров – Правительством РФ № 250 от 25 марта 1993 г. Его сменило Положение, утвержденное постановлением Правительства РФ № 468 от 15 мая 1995 г., дополненное постановлением Правительства РФ № 70 от 19 января 1999 г. [74]

Преобразование Российского космического агентства в Российское авиационно-космическое агентство и передача в его ведение предприятий авиационной промышленности, а также расширение задач Агентства в области выпуска ракетной техники обусловили необходимость выработки нового Положения. В связи с этим 25 октября 1999 г. Правительство РФ издает постановление № 1186 «Об утверждении Положения о Российском авиационно-космическом агентстве» [75].

9 марта 2004 г. Указом Президента РФ № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» [76] Российское авиационно-космическое агентство было преобразовано в очередной раз – в Федеральное космическое агентство (п. 15). При этом функции Росавиакосмоса в области авиационной техники переданы в ведение вновь образованного Федерального агентства по промышленности. В соответствии с установленной этим Указом структурой федеральных органов исполнительной власти, Федеральное космическое агентство было подчинено Министерству промышленности и энергетики. Согласно п. 13 Указа Президента РФ № 314 от 9 марта 2004 г. на названное Министерство возложено исполнение функции по принятию нормативных правовых актов в области космической деятельности.

Однако Указом Президента РФ от 20 мая 2004 г. № 649 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти» [77] Федеральное космическое агентство из подчинения Министерства промышленности и энергетики выводится и ему придается статус федерального агентства, руководство которым осуществляет непосредственно Правительство РФ.

П. 5 Указа Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 определяет основные функции федеральных агентств. В соответствии с ним Федеральное космическое агентство является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим в установленной сфере деятельности функции по оказанию государственных услуг, по

управлению государственным имуществом и выполняющим правоприменительные функции, за исключением функций по контролю и надзору. Кроме этого, п. 4 Указа Президента от 20 мая 2004 г. № 649 закрепил функцию по принятию нормативных правовых актов в области космической деятельности за Федеральным космическим агентством [78].

История развития отечественной космической отрасли показывает, что в нашей стране специальный правительственный орган для руководства космической деятельностью создан совсем недавно. Для примера следует отметить, что правительственная организация по управлению космической деятельностью в США - Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (NASA), была создана в соответствии с законом, принятым Конгрессом США 29 июля 1958.

Этим законом США были определены и основные цели НАСА, в числе которых:

- исследование проблемы полетов за ее пределами атмосферы;
- разработка, конструирование, испытание и осуществление полетов космических аппаратов различного назначения;
- обеспечение наибольшей эффективности научных и технических ресурсов США и сотрудничество с другими странами, проводящими исследования по космонавтике;
- распространение информации о результатах деятельности [79].

Таким образом, проведенный исторический анализ позволяет сделать вывод о том, что советский период развития отечественной космонавтики следует рассматривать как единое целое. Он характеризуется не только отсутствием законов, регулирующих космическую деятельность, но и отсутствием специального правительственного органа, который централизованно осуществлял бы руководство этой деятельностью. Появление такого государственного органа в России, получившего правовой статус федерального органа исполнительной власти происходит одновременно с зарождением отечественных законодательных правовых норм о космосе – в начале 90-х гг. XX века.

Глава II

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВЫХ ФОРМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕЖИМА КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

§ 1. Создание правовых форм контроля над космической деятельностью.

Правовое положение космического пространства и небесных тел Солнечной системы имеет свои особенности, определяющие возможный характер космической деятельности и пределы допустимого при этом поведения. Необходимо, чтобы вся космическая деятельность, осуществляемая в космосе и на поверхности исследуемых небесных тел, соответствовала положениям космического права и подчинялась действующим правовым запретам и ограничениям. В связи с этим уже на первых этапах развития космонавтики встал вопрос о необходимости создания правовых форм контроля над космической деятельностью.

Термин контроль (от франц. *controle*) означает: «1. Наблюдение с целью проверки или надзора; проверку. 2. Учреждение, осуществляющее контроль или надзор. Контролировать, значит осуществлять контроль или надзор» [80].

Рассматривая историю развития данного вопроса, следует отметить, что правовые основы осуществления контроля над космической деятельностью были заложены в ст. VIII Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 года. В ней говорится, что «государство – участник Договора, в регистр которого занесен объект, запущенный в космическое пространство, сохраняет юрисдикцию и контроль над таким объектом и над любым экипажем этого объекта во время нахождения их в космическом пространстве, в том числе и на небесном теле».

Термин «контроль», употребляемый в Договоре по космосу 1967 г. вместе с термином «юрисдикция» понимается в международном космическом праве либо как один из элементов юрисдикции, ее составная часть, либо как технический термин, означающий право на управление космическим объектом и руководство его экипажем. Под понятием «юрисдикция и контроль» в широком смысле в космическом праве понимается право государства на осуществление законодательной, исполнительной и судебной власти в отношении лиц и объектов, находящихся в космическом пространстве и на небесных телах [81].

Договор по космосу 1967 г. связал осуществление контроля и юрисдикции с актом регистрации космического объекта, придавая регистрации, при отсутствии договоренности об ином, превалирующее значение по сравнению с другими возможными основаниями (например, гражданством членов экипажа, правом собственности на объект, местом запуска). В этом заключается одна из особенностей юрисдикции в космическом праве, поскольку в международном праве, как известно, она традиционно связывается с принципами территориальности или гражданства.

Вопрос о соотношении регистрации и юрисдикции решается достаточно легко при национальных полетах. Государство регистрации объекта осуществляет юрисдикцию и контроль над объектом и его экипажем.

При международном полете ситуация осложняется. В этом случае, как общее правило, также действует положение об осуществлении юрисдикции и контроля государством регистрации. Однако при международном полете, когда имеется несколько запускающих государств, они могут договориться о том, кто из них будет осуществлять юрисдикцию и контроль.

Это положение было прямо предусмотрено в ст. II Конвенции о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство от 14 января 1975 г., говорящей о соглашениях, «которые заключены или могут быть заключены между запускающими

государствами по вопросу юрисдикции и контроля над космическим объектом и любым его экипажем».

Например, ст. 5 п. 2 Соглашения относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения, подписанного 29 января 1998 г., в целом подтвердило ст. VIII Договора по космосу и ст. II Конвенции о регистрации и установило следующее: «Согласно Статье VIII Договора по космосу и Статье II Конвенции о регистрации, каждый партнер сохраняет юрисдикцию и контроль над элементами, которые он регистрирует в соответствии с пунктом 1 настоящей Статьи, и над лицами из состава персонала на космической станции, находящимися внутри или снаружи ее, которые являются его гражданами. Осуществление такой юрисдикции и такого контроля регулируется соответствующими положениями настоящего Соглашения, Меморандумов и договоренностей об исполнении соглашений, включая соответствующие организационные механизмы, установленные в них» [82].

Можно предположить, что при заключении соглашения о совместной деятельности нескольких государств в космосе, либо на поверхности небесного тела, эти государства могут предусмотреть аналогичное положение в соглашении, касающемся осуществления контроля. Вместе с этим, функции по контролю могут быть предоставлены и какому-либо одному из запускающих государств (например, государству регистрации).

В космическом праве юрисдикция, понимаемая как одно из проявлений, один из элементов суверенитета, осуществляется только государством. Этим правом в силу специфики своей правовой природы не может обладать, например, международная организация. Регистрация космического объекта или участие в запуске не влекут за собой проявления права на юрисдикцию.

Формулировка ст. VIII Договора по космосу о сохранении юрисдикции и контроля «над... объектом и над любым экипажем» свидетельствует, во-первых, о том, что юрисдикция и контроль государства распространяются на отношения между субъектами международного права при полете как пилотируемого, так и беспилотного объекта. Во-вторых, Договор по космосу четко закрепляет юрисдикцию и контроль государства над объектом и над экипажем, а не над самим космическим пространством или небесными телами. В-третьих, в Договоре по космосу речь идет о «любом экипаже», то есть государство регистрации объекта сохраняет юрисдикцию и контроль над экипажем независимо от того, сколько в нем членов, какие функции они выполняют, являются они военными или гражданскими лицами, а также независимо от гражданства членов экипажа.

Статья 12 Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г., как и ст. VIII Договора по космосу 1967 г., также предусматривает сохранение юрисдикции и контроля государства над сооруженными на Луне станциями и другими объектами и их персоналом.

Таким образом, содержание приведенных норм международных соглашений означает, что только государство, за которым сохраняется юрисдикция, может осуществлять властные полномочия и руководство деятельностью объектов на небесных телах и их персонала. Никакое другое государство, также проводящее деятельность на Луне или управляющее такой деятельностью с Земли, не вправе вмешиваться в компетенцию государства юрисдикции. При этом права, вытекающие из юрисдикции и контроля над такими объектами, не следует, на наш взгляд, понимать расширительно. Они должны осуществляться в пределах, необходимых для существования и функционирования космического объекта.

Положения ст. 12 Соглашения о Луне 1979 г. предполагают осуществление определенных прав в отношении персонала и самих объектов в рамках международных соглашений. Такие права, будучи проявлением суверенных прав государства, запустившего на Луну пилотируемый космический объект, не распространяют суверенитет этого государства на поверхность Луны или ее недра. Не случайно

Соглашение 1979 г. специально указывает, что «размещение на поверхности Луны или в ее недрах персонала, космических аппаратов, оборудования, установок, станций и сооружений, включая конструкции, неразрывно связанные с ее поверхностью или ее недрами, не создает права собственности на поверхность или недра Луны или их участки» (ст. 11 п. 3). Указанное положение выступает развитием и своего рода толкованием ст. II Договора по космосу, запрещающей национальное присвоение небесных тел любыми способами. Права собственности государство сохраняет, как определяют ст. VIII Договора по космосу 1967 г. и п. 1 ст. 12 Соглашения 1979 г., лишь на сами космические объекты, находящиеся на Луне.

В Российской Федерации государственный контроль над космической деятельностью имеет место, когда государство, в лице специально уполномоченного федерального органа исполнительной власти контролирует деятельность по исследованию и освоению космического пространства и небесных тел, осуществляемую какой-либо организацией под юрисдикцией РФ.

История развития космонавтики и космического права в нашей стране привела к тому, что государственный контроль над осуществлением космической деятельности стал основным видом контроля. Так, согласно п. 1 ст. 4 Закона РФ о космической деятельности, не допускается космическая деятельность, запрещенная международными договорами Российской Федерации. В связи с этим само государство при осуществлении контроля проверяет соответствие деятельности подконтрольного ему экипажа как нормам законодательства РФ о космической деятельности, так и положениям международного космического права.

С принятием в 1993 г. в России Закона о космической деятельности, в его нормах были прямо предусмотрены правовые положения, устанавливающие национальный контроль нашего государства как над своим космическим объектом, так и над любым экипажем этого объекта.

Пункт 2 ст. 17 Закона закрепляет, что Российская Федерация сохраняет юрисдикцию и контроль над зарегистрированными в ней космическими объектами во время нахождения этих объектов на Земле, на любом этапе полета в космос или пребывания в космосе, на небесных телах, а также после возвращения на Землю за пределами юрисдикции какого-либо государства. В соответствии с п. 3 этой статьи, во время нахождения этих объектов «на любом этапе полета в космос или пребывания в космосе, на небесных телах» права собственности на космические объекты остаются незатронутыми, если иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации.

В п. 4 ст. 17 Закона РФ о космической деятельности были предусмотрены особенности осуществления контроля в случаях международного участия в проведении полета. «Если космический объект создается российскими организациями и гражданами совместно с иностранными государствами, организациями и гражданами или международными организациями, то вопросы регистрации такого объекта, юрисдикции и контроля над ним, а также вопросы прав собственности на такой космический объект решаются на основе соответствующих международных договоров».

В п. 5 ст. 17 Закона нашли свое отражение нормы международных соглашений, устанавливающие, что юрисдикция и контроль над своим космическим объектом на поверхности небесного тела не влечет за собой присвоения, либо иного изменения правового статуса участка небесного тела: «Права по юрисдикции и контролю над космическим объектом, а также права собственности на такой объект не затрагивают правового статуса занимаемой им зоны (участка) космического пространства, поверхности или недр небесного тела».

Как видно, в данной норме отечественного законодательного акта был закреплен принцип неприсвоения космического пространства и небесных тел, ранее установленный

ст. II Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 г.

Особый интерес представляет уже рассматривавшееся ранее положение ч. 2 п. 5 ст. 17 Закона: «В непосредственной близости от космического объекта РФ в пределах зоны, минимально необходимой для обеспечения безопасности космической деятельности могут устанавливаться правила, обязательные для российских и иностранных организаций и граждан». Законодательно в нормах, регулирующих космическую деятельность, впервые предусмотрено создание на небесных телах так называемых «зон безопасности», в пределах которых Российская Федерация может осуществлять некоторые юрисдикционные функции, в том числе и контрольные [83].

Что касается вопросов осуществления контроля над экипажами космических аппаратов, то они получили нормативное закрепление в п. 4 ст. 20 Закона РФ о космической деятельности. Так, в данной норме имеется следующее положение: «Российская Федерация сохраняет юрисдикцию и контроль над любым экипажем зарегистрированного в ней пилотируемого космического объекта во время нахождения этого объекта на Земле, на любом этапе полета или пребывания в космическом пространстве, на небесных телах, в том числе за пределами космического объекта, а также по возвращении на Землю, вплоть до завершения программы полета, если иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации».

Таким образом, в соответствии со ст. VIII Договора по космосу 1967 г. и ст. 20 Закона РФ о космической деятельности, объектом государственного контроля РФ является весь экипаж зарегистрированного в РФ космического объекта, вне зависимости от гражданства членов экипажа этого объекта.

Одной из форм обеспечения государственного контроля над деятельностью предприятий космической отрасли России является ее лицензирование, в ходе которого лицензирующий орган наделяется правом осуществлять определенные контрольные функции.

Впервые лицензирование космической деятельности в нашей стране было предусмотрено в положениях Закона РФ о космической деятельности.

Так, в соответствии со ст. 9 этого Закона «космическая деятельность подлежит лицензированию в соответствии с законодательством РФ» [84].

Статья 17 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 8 августа 2001 г. № 128-ФЗ, именуемая «Перечень видов деятельности, на осуществление которых требуются лицензии», устанавливает, что космическая деятельность подлежит обязательному лицензированию. Часть 2 этой же статьи Федерального закона определяет, что перечень лицензируемых работ и услуг по космической деятельности устанавливается положением о лицензировании этого вида деятельности.

Постановление Правительства РФ от 26 января 2006 г. № 45 «Об организации лицензирования отдельных видов деятельности» утверждает Перечень федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих лицензирование. Согласно этому Перечню лицензирование космической деятельности отнесено к ведению Федерального космического агентства.

Кроме этого, полномочия Федерального космического агентства как лицензирующего органа определены п. 2 Положения о лицензировании космической деятельности, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2006 г. № 403, где оно прямо именуется лицензирующим органом. Пункт 3 постановления Правительства РФ от 26 июня 2004 г. № 314 «Об утверждении Положения о Федеральном космическом агентстве» также устанавливает, что Роскосмос «осуществляет лицензирование космической деятельности».

Согласно абз.5 ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности», лицензирующие органы – это федеральные органы исполнительной

власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие лицензирование.

В соответствии с этим Федеральным законом, под лицензированием следует понимать мероприятия, связанные с предоставлением лицензий, переоформлением документов, подтверждающих наличие лицензий, приостановлением и возобновлением действия лицензий, аннулированием лицензий и контролем лицензирующих органов за соблюдением лицензиатами при осуществлении лицензируемых видов деятельности соответствующих лицензионных требований и условий (ч. 1 ст. 2).

Лицензия – это специальное разрешение на осуществление конкретного вида деятельности (в рассматриваемом случае – космической деятельности) при обязательном соблюдении лицензионных требований и условий, выданное лицензирующим органом (Федеральным космическим агентством) юридическому лицу.

Лицензионные требования и условия – совокупность установленных положениями о лицензировании конкретных видов деятельности требований и условий, выполнение которых лицензиатом обязательно при осуществлении лицензируемого вида деятельности (абз.4 ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности»).

Первое отечественное Положение о лицензировании космической деятельности утверждается постановлением Правительства РФ от 02 февраля 1996 г. № 104 «Об утверждении Положения о лицензировании космической деятельности» [85].

Пункт 2 названного Положения устанавливал, что «Лицензирование космической деятельности в Российской Федерации осуществляется в целях ее государственного регулирования с учетом обеспечения национальных интересов и безопасности, соблюдения действующего законодательства и международных обязательств РФ по исследованию и использованию космического пространства, развития рынка космических услуг и защиты интересов его потребителей».

14 июня 2002 года постановлением Правительства РФ № 422 было утверждено Положение о лицензировании космической деятельности [86], которое сменило предыдущее. Отличительной особенностью Положения о лицензировании космической деятельности 2002 г. было то обстоятельство, что оно относилось к категории субъектов, имеющих право выступать в качестве соискателя лицензии даже индивидуальных предпринимателей. Однако, данное обстоятельство было исправлено с принятием ныне действующего в Российской Федерации Положения о лицензировании космической деятельности, согласно нормативным требованиям которого индивидуальные предприниматели в качестве соискателей лицензии выступать уже не могут.

30 июня 2006 г. постановлением Правительства РФ № 403 утверждается ныне действующее в России Положение о лицензировании космической деятельности, которое определяет порядок лицензирования космической деятельности, осуществляемой юридическими лицами.

В Положении о лицензировании космической деятельности 2006 г. отмечается, что лицензированию подлежит космическая деятельность (п. 3), включающая в себя:

- а) создание и производство космической техники, космических материалов и технологий, а также создание и реконструкция космической инфраструктуры;
- б) монтаж оборудования, ввод и прием в эксплуатацию объектов космической инфраструктуры, их доработка, ремонт и реконструкция;
- в) подготовка средств выведения и космических объектов к запуску;
- г) подготовка космонавтов к полету на космических кораблях и научно-методическое обеспечение пилотируемых космических полетов;
- д) запуск и управление полетом космических объектов;
- е) использование (эксплуатация) космической техники, космических материалов и космических технологий, в том числе:

проведение исследований и экспериментов с применением космической техники; прием и (или) обработка информации, получаемой с космических аппаратов дистанционного зондирования Земли;

ж) международное сотрудничество Российской Федерации в области исследования и использования космического пространства.

Для каждого из указанных в вышеприведенном перечне направлений космической деятельности в п. 4 Положения о лицензировании космической деятельности определены лицензионные требования и условия.

Согласно абз.7 ч. 1 ст. 2 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности», юридическое лицо, обратившееся в Федеральное космическое агентство как в лицензирующий орган с заявлением о предоставлении лицензии на осуществление конкретного вида космической деятельности, именуется соискателем лицензии.

Лицензия на осуществление космической деятельности выдается сроком на 5 лет (п. 8 Положения о лицензировании космической деятельности).

Вместе с тем, лицензия может быть предоставлена более чем на 5 лет головной организации – разработчику (производителю), если государственным контрактом предусмотрен более длительный, чем 5 лет, срок выполнения работ по целевым программам.

Следует особо отметить, что в лицензии указывается конкретный вид космической деятельности, на осуществление которого дается разрешение.

Так, в лицензии на космическую деятельность № 431 от 27 июня 2000 г., говорится, что ОАО «Всероссийский научно-исследовательский институт транспортного машиностроения», разрешен такой вид космической деятельности, как создание (включая разработку, изготовление, наземную отработку) бортовых стабилизированных платформ, отдельных элементов конструкций космических аппаратов, а также самоходных шасси для подвижных аппаратов, предназначенных для исследования поверхности планет [87].

Таким образом, лицензия дает право лицензиату на осуществление не любой космической деятельности, а конкретного ее вида.

Кроме этого, в лицензии на космическую деятельность оговариваются и особые условия. В частности, в рассмотренной лицензии на космическую деятельность № 431 от 27 июня 2000 г. ОАО «ВНИИтрансмаш» в строке «особые условия» было изложено требование «при заключении контрактов (соглашений) с зарубежными организациями направлять их проекты в Российское авиационно-космическое агентство для предварительной экспертизы».

Действующее Положение о лицензировании космической деятельности предусматривает осуществление контроля за соблюдением лицензиатом лицензионных требований и условий (п. 13 Положения). Такой контроль осуществляется на основании предписания руководителя лицензирующего органа (руководителя Федерального космического агентства России), в котором определяются лицензиат и состав комиссии, осуществляющей проверку. В состав комиссии включаются эксперты с опытом работы по соответствующим направлениям космической деятельности.

Федеральное космическое агентство, осуществляя лицензирование, ведет свой реестр лицензий – совокупность данных о предоставлении лицензий, переоформлении документов, подтверждающих наличие лицензий, приостановлении и возобновлении действия лицензий и об аннулировании лицензий.

Особое значение для правового режима небесных тел имеет положение относительно так называемого права посещения. Это право было впервые предусмотрено ст. XII Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. и впоследствии подтверждено п. 1 ст. 15 Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г.

Так, ст. XII Договора по космосу устанавливает, что «все станции, установки, оборудование и космические корабли на Луне и других небесных телах открыты для представителей других государств – участников настоящего Договора на основе взаимности». Более подробно и конкретно положение о «праве посещения» было сформулировано в ст. 15 Соглашения о Луне. В этой статье был раскрыт смысл предоставления «права посещения»: «каждое государство-участник может убедиться в том, что деятельность других государств-участников... осуществляется в соответствии с положениями настоящего Соглашения». Повторив далее содержание ст. XII Договора по космосу, Соглашение о Луне 1979 г. затем добавляет, что любое государство-участник может «действовать самостоятельно или при полной или частичной помощи другого государства-участника или через посредство соответствующих международных процедур в рамках Организации Объединенных Наций и согласно Уставу», однако только «в соответствии с настоящей статьей». Поэтому, согласно условиям, изложенным в статье, никакое государство не вправе действовать произвольно, т.е. само определять время и обстоятельства своего «визита».

Установление таких норм в космическом праве связано в первую очередь с проверкой выполнения требований статей Договора по космосу 1967 г. и Соглашения о Луне 1979 г., запрещающих любую военную деятельность на Луне и других небесных телах. Кроме того, как Договор по космосу, так и Соглашение о Луне содержат и иные предписания, обязательные для всех государств-исследователей. Поэтому право посещения может применяться и как средство взаимного контроля за соблюдением других требований режима небесных тел, например, по соблюдению требований охраны природной среды небесного тела (ст. 7 Соглашения о Луне).

Как устанавливает ст. 15 Соглашения о Луне, для того, чтобы государство-участник могло убедиться в том, что деятельность других участников на Луне не нарушает положений Соглашения, «все космические аппараты, оборудование, установки, станции и сооружения на Луне открыты для других государств-участников». В статье говорится о «принятии мер предосторожности» при планируемом посещении, о чем государство сообщает «в разумно заблаговременные сроки». Это необходимо, объясняется в статье, для того, чтобы принять «максимальные меры предосторожности для обеспечения безопасности и избежания помех для нормальных операций на установке, подлежащей посещению».

В случае, если у государства-участника появились основания считать, что другое государство не выполняет обязательств, возлагаемых на него Соглашением, или оно нарушает права, которыми первое государство пользуется в соответствии с Соглашением, предусматривается возможность проведения консультаций с этим государством, в которых может принять участие по его требованию и любое другое заинтересованное государство. При проведении таких консультаций государства-участники обязаны «стремиться к взаимоприемлемому урегулированию любого спора и учитывать права и интересы» всех других государств-участников. Генеральный секретарь ООН, которому должна направляться информация о результатах консультаций, передает ее всем заинтересованным странам (п. 2 ст. 15 Соглашения о Луне). Если такие консультации окажутся неэффективными, заинтересованные стороны принимают все меры для урегулирования спора другими мирными средствами «по своему выбору и в соответствии с обстоятельствами и характером спора», в том числе и обращение за содействием к Генеральному секретарю ООН, «не заручаясь согласием другой стороны в споре» (п. 3 ст. 15).

Представляется, что в ст. XII Договора по космосу 1967 г. и в ст. 15 Соглашения о Луне 1979 г. прежде всего имеется в виду именно объект, имеющий персонал на своем борту, поскольку в ней говорится, что о проектируемом посещении эти представители обязаны «заблаговременно» сообщить, чтобы «позволить провести соответствующие консультации и меры максимальной предосторожности для обеспечения безопасности и

во избежание помех для нормальных операций на установке, подлежащей посещению». Скорее всего, такие «меры предосторожности» способны принять именно люди, работающие на станции, - ее персонал. Однако такой проверке может быть подвергнуты и объекты, не имеющие персонала: бурильные установки, сейсмическая аппаратура и др.

Вместе с тем, установленное требование о заблаговременном уведомлении посещения должно соблюдаться. При этом при посещении такого объекта должны присутствовать представители его государства-регистрации.

Пункт 3 ст. VII Договора об Антарктике от 1 декабря 1959 г., содержит следующее положение: «Все районы Антарктики, включая все станции, установки и оборудование в этих районах, а также все морские и воздушные суда в пунктах разгрузки и погрузки груза или персонала в Антарктике всегда открыты для инспекции любыми наблюдателями, назначенными в соответствии с положениями п. 1 настоящей Статьи». Как видно из содержания данной нормы, и в Договоре об Антарктике 1959 г. предусмотрено проведение инспекций посредством взаимного предоставления участниками Договора права посещения и проверки соблюдения положений международного Договора [88].

Однако, отличие приведенного положения Договора об Антарктике 1959 г. от рассмотренных норм международного космического права в том, что он не устанавливает в качестве обязательного условия такого посещения предварительного уведомления, либо согласия проверяемой стороны.

В большей степени выделенные отличия следует объяснить спецификой деятельности на небесных телах и соображениями безопасности. Однако, по нашему мнению, в последующем, при условии развития космонавтики и создания необходимых условий жизнедеятельности на Луне, ограничение, предписывающее обязательность «заблаговременного уведомления» о предполагаемом посещении, может быть исключено из текста международных соглашений. Это, несомненно, будет способствовать эффективности контрольной деятельности.

Важное место в системе контроля над космической деятельностью занимает использование космических средств наблюдения на основе международных договоров, заключаемых между субъектами международного права.

Так, в ст. XII Договора между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны от 26 мая 1972 г. было оговорено «в целях обеспечения уверенности в соблюдении положений настоящего Договора» использовать имеющиеся в распоряжении сторон «национальные технические средства контроля таким образом, чтобы это соответствовало общепризнанным принципам международного права».

Договор не содержит каких-либо изъятий и ограничений, в связи с чем понятием «национальные технические средства контроля» охватываются также и космические объекты, оснащенные специальной аппаратурой для наблюдения из космоса.

Особый интерес представляют положения п. 2 и п. 3 этой же статьи Договора. Согласно п. 2, «каждая из Сторон обязуется не чинить помех национальным техническим средствам контроля другой Стороны, выполняющим свои функции в соответствии с пунктом 1 настоящей Статьи».

В п. 3 отмечается, что Договаривающиеся Стороны обязуются не применять преднамеренные меры маскировки, затрудняющие осуществление контроля национальными техническими средствами за соблюдением положений Договора.

Таким образом, из приведенных положений Договора об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г. усматривается, что применение космических средств наблюдения и контроля - это правомерные действия. Создание же помех правомерному наблюдению - это противоправный акт, не соответствующий договорной норме.

13 июня 2002 года США прекратили свое участие в Договоре 1972 г.

Несмотря на то, что Договор об ограничении систем противоракетной обороны от 26 мая 1972 г. прекратил свое действие, при его разработке и подписании были заложены определенные тенденции дальнейшего развития международного права.

В последующем в ряд соглашений, заключаемых между Союзом ССР (Российской Федерацией) и США стали включаться аналогичные формулировки норм, допускающих применение национальных технических средств для осуществления контроля на основе взаимности.

К таким соглашениям следует отнести:

- Договор между СССР и США о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г.;
- Договор между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений 1991 г. (Договор СНВ-1);
- Договор между РФ и США о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений 1993 г. (Договор СНВ-2).

История развития космонавтики показывает, что ее отличительной чертой все более становится развитие международной кооперации в деле освоения космоса. В качестве показательными примерами здесь можно привести Международную космическую станцию гражданского назначения, международную корпорацию «Морской старт» и другие. В связи с этим следует признать, что, наряду с государственным контролем над космической деятельностью будут появляться и различные формы международного контроля над космической деятельностью.

В Уставе ООН закреплена норма, которая обязывает всех членов этой организации добровольно выполнять принятые международные обязательства (п. 2 ст. 2). Аналогичные нормы содержатся в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН и принятой Генеральной Ассамблеей ООН в октябре 1970 г., а также в Заключительном акте общеевропейского совещания 1975 г.

Вместе с тем, государства прибегают к поиску различных мер, обеспечивающих соблюдение международных обязательств. В связи с этим в международном праве все более широкое распространение получает институт контроля, применяемый в отношениях между государствами как одна из гарантий выполнения принятых обязательств. Особо важное значение имеет установление контроля за соблюдением соглашений в области космической деятельности государств в космическом пространстве и на небесных телах, в частности, касающихся выполнения ими принципа частичной демилитаризации околоземного космического пространства и полной демилитаризации небесных тел, охраны природной среды небесных тел и других.

Хочется отметить, что определенные шаги, направленные на формирование системы международного контроля над космической деятельностью уже предпринимались, хоть пока и остались безрезультатными.

Проведем исторический анализ, в ходе которого рассмотрим наиболее примечательные из подобных примеров.

В 1978 г. Франция в своем меморандуме выдвинула предложение о создании Международного агентства спутников контроля (МАСК) [89]. 34-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла резолюцию, в которой просила Генерального секретаря ООН провести углубленное исследование технических, юридических, финансовых аспектов создания МАСК. Группа экспертов, изучавшая этот вопрос, признала ценный вклад, который может внести контроль с помощью спутников в осуществление инспекции за выполнением определенных соглашений в области разоружения и, тем самым, содействовать процессу установления доверия между странами. Несмотря на это, в рамках ООН идея МАСК не нашла поддержки.

Хотя в этом отношении следует подчеркнуть, что уже на настоящем этапе развития международного космического права заложены основы осуществления

международного контроля в космосе и идентификации космических объектов. Так, идентификация космических объектов определяется положениями Конвенции о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство от 14 января 1975 г.

В соответствии со ст. IV и V этой Конвенции, когда на космический объект, запускаемый на орбиту вокруг Земли или дальше в космическое пространство, нанесены соответствующие обозначения, или регистрационный номер, государство регистрации уведомляет об этом Генерального секретаря ООН, который заносит данное уведомление в свой Реестр. Если применение Конвенции о регистрации не позволяет государству-участнику опознать космический объект, который причинил ущерб ему или любому его физическому или юридическому лицу, либо который может иметь опасный или вредоносный характер, другие государства-участники, включая, в частности, государства, располагающие средствами наблюдения за космическими объектами и их сопровождения, отвечают в максимально возможной степени на поступающую от этого государства – участника или предоставленную от его имени через Генерального секретаря ООН просьбу о помощи в идентификации объекта, оказываемой на справедливых и разумных условиях. Государство-участник, обращающееся с такой просьбой, представляет в максимально возможной степени информацию о времени, характере и обстоятельствах событий, послуживших основанием для этой просьбы. Условия оказания такой помощи являются предметом соглашения между заинтересованными сторонами (ст. VI).

Показательны в этом отношении предложения Союза ССР по созданию международных организаций, предназначенных для осуществления контрольных функций над проведением космической деятельности. Так, СССР придерживался мнения, что осуществление контроля с помощью космических средств контроля могло бы быть одной из функций Всемирной космической организации.

В письмах министра иностранных дел и председателя Совета министров СССР Генеральному секретарю ООН от 16 августа 1985 г. и 10 июля 1986 г. соответственно были выдвинуты предложения о создании Всемирной Космической организации (ВКО) [90] под эгидой ООН. Такая организация, по предложению СССР, была бы призвана в числе других направлений, осуществлять и международный контроль за соблюдением соглашений о демилитаризации космического пространства. Всемирная Космическая организация должна была бы заниматься координацией национальных планов освоения космоса, обменом результатами космической деятельности и др.

В 1987 г. в ходе Конференции по разоружению, СССР, выдвигая предложения о формировании системы международного контроля за недопущением размещения в космическом пространстве оружия любого рода, предусмотрел в системе таких мер одним из ее элементов создание Международного космического инспектората [91].

Это предложение было конкретизировано в меморандуме СССР «О создании международной системы контроля за недопущением размещения в космическом пространстве оружия любого рода», представленном Конференции по разоружению 17 марта 1988 г. В меморандуме содержались конкретные предложения о системе контроля, структуре инспектората и формах его функционирования.

Выдвинутое предложение развивало ранее представленные советские предложения о заключении Договора о запрещении размещения в космическом пространстве оружия любого рода (1981 г.) и Договора о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли (1983 г.). Главной целью Международного космического инспектората, к созданию которого СССР предлагал приступить незамедлительно, было бы определение того, что выводимые и размещаемые в космосе объекты не являются оружием и не оснащены какими-либо видами оружия.

Советский проект предусматривал такие меры, как:

заблаговременная передача сведений о каждом предстоящем запуске;

постоянное присутствие инспекторских групп на всех полигонах для запусков космических объектов;

инспекция на месте непосредственно перед запуском;
инспекции на согласованных складах, промышленных предприятиях, в лабораториях и испытательных центрах;

проверка необъявленных запусков с необъявленных стартовых площадок посредством чрезвычайных инспекций как с Земли, так и с воздуха.

В зависимости от специфики конкретных соглашений о предотвращении гонки вооружений в космосе предлагалось развить и уточнить в процессе переговоров систему контроля, структуру Международного космического инспектората и формы его функционирования.

На третьей специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению в 1988 г. и затем более подробно изложено в Рабочем документе, представленном Конференции по разоружению 2 августа 1989 г. Союзом ССР было выдвинуто предложение о создании Международного агентства космического наблюдения [92] в качестве специализированного учреждения ООН.

На новое учреждение ООН предлагалось возложить следующие функции:

сбор информации космического наблюдения;

рассмотрение просьб ООН и отдельных государств о предоставлении информационных услуг, которые могли бы быть полезны в оценке соблюдения международных договоренностей и соглашений;

разработка рекомендаций по процедурам использования космических средств наблюдения за будущими договорами и соглашениями.

В Рабочем документе говорилось, что доклады о проведенных Международным агентством космического наблюдения наблюдениях носили бы фактологический характер и не содержали бы выводов о соблюдении или несоблюдении договоров или соглашений, равно как и обвинений в адрес того или иного государства в совершении им какого-либо действия.

На основе проведенного исторического анализа следует сделать вывод, что, несмотря на неудачные попытки, направленные на формирование международного космического контрольного органа, такой орган должен быть создан. В противном случае, соблюдение имеющихся положений космического права может быть поставлено под угрозу. Особенно важно создание международной космической контрольной организации к тому времени, когда человечество приступит к осуществлению активной деятельности как в космическом пространстве, так и на небесных телах. Бесконтрольность в такой деятельности может стать причиной и условием хищнического отношения к ресурсам небесных тел, неблагоприятного изменения естественной природной среды небесных тел и т.д.

Таким образом, в рассмотренный исторический период в космическом праве были созданы следующие правовые формы контроля над космической деятельностью:

I. Национальный контроль государства над зарегистрированными в нем космическими объектами и над экипажами, находящимися на их борту. В Российской Федерации данный контроль осуществляется в соответствии с международными соглашениями о космической деятельности, участником которых является Россия, а также с нормами законодательства Российской Федерации о космосе. Так, в космическом праве правовые основы государственного контроля над космической деятельностью были заложены в ст. VIII Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 г.

В нашей стране с конца 50-х гг. XX века и до настоящего времени при осуществлении космической деятельности эта форма контроля была и остается основной. Однако на законодательно-правовом уровне данная форма контроля впервые получила закрепление лишь в принятом 20 августа 1993 г. Законе Российской Федерации о космической деятельности.

II. Взаимный контроль, осуществляемый государствами в соответствии с действующими соглашениями по космическому праву. Такая форма контроля впервые была предусмотрена в ст. XII Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 г.

Дальнейшее развитие данная форма контроля получает в ст. XII Договора между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны от 26 мая 1972 г., а также в ст. 15 Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г.

Кроме этого, в стадии формирования находится третий вид контроля:

III. Международный контроль над космической деятельностью, который, в случае его создания, может осуществляться специализированными международными контрольными организациями.

В качестве показательных примеров здесь можно привести договорную инициативу Франции по созданию Международного агентства спутников контроля в 1978 г., а также договорные инициативы Советского Союза по созданию Всемирной космической организации в 1985 – 1986 гг., Международного космического инспектората в 1987 – 1988 гг. и Международного агентства космического наблюдения в 1988 – 1989 гг.

§ 2. Проблемы становления юридической ответственности как формы обеспечения режима космической деятельности.

Как было рассмотрено ранее, космическая деятельность связана с эксплуатацией космических объектов [93]. В качестве отдельных элементов в нее входят такие этапы, как проведение запусков космических объектов, корректировка их орбит и траекторий полета в космическом пространстве, перемещение по поверхности исследуемых небесных тел, маневрирование в воздушном пространстве Земли и посадка при возвращении космического аппарата на Землю.

Пункт 1 ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает, что «использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т.п., осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельностью и др.» является деятельностью, которая связана с повышенной опасностью для окружающих. Кроме этого, п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 г. № 3 «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья» определяет источник повышенной опасности как любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и иных объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами [94].

По этой причине в науке космического права космическая деятельность рассматривается как деятельность, представляющая повышенную опасность для окружающих, а космический объект - как источник повышенной опасности [95].

При осуществлении деятельности, представляющей повышенную опасность для окружающих, возможность причинения ущерба не исключается даже при соблюдении всех требований и правил, к ней предъявляемых. В связи с этим институт юридической ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, в системе правового регулирования космической деятельности приобретает особое значение.

В соответствии с п. 1 ст. 30 Закона Российской Федерации о космической деятельности, ответственность за вред, причиненный космическим объектом РФ при осуществлении космической деятельности на территории России или за ее пределами, за исключением космоса, возникает независимо от вины причинителя такого вреда.

Данное положение отечественного Закона всецело основывается на нормах международного космического права.

Впервые международная ответственность запускающего государства за ущерб, причиненный космическим объектом, была предусмотрена в п. 8 Декларации правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства от 13 декабря 1963 г.

Затем аналогичная норма была закреплена в ст. VII Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 г.

Однако в указанных международных актах имелись лишь общие положения об ответственности. Более детальное регулирование институт юридической ответственности за ущерб, причиненный при осуществлении космической деятельности, получил в Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами от 29 марта 1972 г. [96], участником которой является и Россия. В соответствии со ст. II этой Конвенции «запускающее государство несет абсолютную ответственность за выплату компенсации за ущерб, причиненный его космическим объектом на поверхности Земли или воздушному судну в полете». Устанавливая при указанных обстоятельствах принцип абсолютной ответственности, Конвенция предписывает запускающему государству обязанность по возмещению причиненного ущерба и при отсутствии вины.

Согласно п. 2 ст. 30 Закона Российской Федерации о космической деятельности, если в любом месте помимо поверхности Земли, космическому объекту РФ или имуществу на борту такого объекта причинен вред другим космическим объектом РФ при осуществлении космической деятельности, возмещение причиненного вреда в полном объеме возлагается на организацию или гражданина, владеющих космическим объектом, причинившим вред, в порядке и на условиях, которые предусмотрены Гражданским кодексом РФ.

Следует отметить, что в п. 2 ст. 30 Закона подразумевается отсылка к ст. 1064 ГК РФ, предусматривающей общие основания ответственности за причинение вреда.

П. 3 ст. 30 Закона РФ о космической деятельности устанавливает, что «вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица космическим объектом РФ при осуществлении космической деятельности на территории РФ или за ее пределами, подлежит возмещению организацией или гражданином, застраховавшими свою ответственность за причинение вреда, в объеме и порядке, предусмотренных Гражданским кодексом РФ».

Страхование космической деятельности предусмотрено в ст. 25 Закона РФ о космической деятельности. При этом в п. 1 данной статьи предусматривается обязательное страхование, а в п. 2 – добровольное страхование космической деятельности.

Так, п. 1 ст. 25 Закона о космической деятельности закрепляет, что организации и граждане, которые используют (эксплуатируют) космическую технику или по заказу которых осуществляются создание и использование (эксплуатация) космической техники, производят обязательное страхование жизни и здоровья космонавтов, работников объектов космической инфраструктуры, а также несут ответственность за вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу других лиц. В п. 2 этой же статьи говорится о праве организаций и граждан, осуществляющих космическую деятельность, производить добровольное страхование космической техники (рисков утраты, недостачи или повреждения космической техники).

Согласно ст. 1072 ГК РФ, юридическое лицо или гражданин, застраховавшие свою ответственность в порядке добровольного или обязательного страхования в пользу потерпевшего (ст. 931, п. 1 ст. 935), в случае, когда страховое возмещение недостаточно для того, чтобы полностью возместить причиненный вред, возмещают разницу между страховым возмещением и фактическим размером ущерба.

Таким образом, вопросы страхования космической деятельности в реализации ответственности за вред, причиненный космическим объектом, представляются весьма значимыми [97]. Нельзя переоценить позитивную роль страхования космических рисков, т.к. оно способствует возмещению вреда, если такой вред будет причинен. В случае причинения вреда космическим объектом РФ гражданину или организации России, возмещение вреда осуществляется в соответствии с руководящими нормами Закона РФ о космической деятельности и ГК РФ.

Вместе с этим, при проведении космической деятельности под юрисдикцией Российской Федерации, вред может быть причинен и представителю другого государства. В такой ситуации возмещение ущерба производится в соответствии с действующими международными договоренностями России в области космической деятельности.

В настоящее время основным документом международного космического права об ответственности является Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами от 29 марта 1972 г.

В соответствии с данной Конвенцией различаются три основания космической правовой ответственности: ущерб, причинная связь между действием космического объекта и наступившим ущербом и вина. При этом ущерб и причинная связь – это основания ответственности во всех случаях. Проблема же вины решается Конвенцией в зависимости от типов и видов правоотношений ответственности.

Как уже было отмечено, если правоотношение возникло в результате причинения вреда космическим объектом на поверхности Земли или воздушному судну в полете, основаниями ответственности являются только вред и причинная связь (ст. II Конвенции). Если же правоотношение возникло вследствие причинения вреда одним космическим объектом другому, то необходимыми основания ответственности являются ущерб, причинная связь и вина.

Понятие ущерба определяется в статье I этой Конвенции. В ней говорится, что «термин «ущерб» означает лишение жизни, телесное повреждение или иное повреждение здоровья, либо уничтожение или повреждение имущества государств, либо физических или юридических лиц, или имущества международных межправительственных организаций». Это положение Конвенции четко определяет, когда имеется ущерб в смысле данного международно-правового документа, и, следовательно, когда наступает ответственность государства.

Исходя из приведенной нормы, для этого необходимо наличие одного из следующих фактов:

- 1) смерти человека;
- 2) вреда здоровью человека в виде телесного повреждения;
- 3) иного (то есть не связанного с телесным повреждением) вреда здоровью человека;
- 4) уничтожения имущества государства, либо физических или юридических лиц, или имущества международных межправительственных организаций;
- 5) повреждения имущества государства, либо физических или юридических лиц, или имущества международных межправительственных организаций.

Этот перечень носит исчерпывающий и закрытый характер. Если космический объект вызовет последствия, не упомянутые в этом списке, то и ответственность не наступает.

Вместе с этим, по нашему мнению, применительно к деятельности на поверхности небесного тела рассмотренное нами выше понятие ущерба, закрепленное в Конвенции об ответственности 1972 г., является недостаточным и не предусматривает таких случаев ущерба, которые могут быть причинены в ходе проведения активной космической деятельности по освоению небесных тел.

Так, если в Конвенции говорится только об ущербе, причиненном космическим объектом в ходе его эксплуатации, то на поверхности небесного тела ущерб может быть причинен не только космическим объектом, но и самой космической деятельностью, представляющей повышенную опасность. Такая деятельность может проявляться в форме эксплуатации установок, приспособлений, производства взрывов, бурения и т.д. Само собой разумеется, что при определенных ситуациях ни одна из норм Конвенции об ответственности не сможет быть применена, так как ущерб может быть причинен и не космическим объектом. Таким образом, этот вопрос в космическом праве имеет основательный пробел, который должен быть заполнен.

При принятии Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г., государствами уже были заложены основы нового международного документа, в разработке и принятии которого уже возникла необходимость. Так, ст. 14 Соглашения о Луне предусматривает, что в будущем «в результате активизации деятельности на Луне может возникнуть необходимость заключения детальных соглашений об ответственности за ущерб, причиненный на Луне», в дополнение к положениям Договора по космосу 1967 г. и Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г.

В анализируемой норме Соглашения о Луне 1979 г. говорится уже об ответственности за проводимую на небесном теле деятельность.

По нашему мнению, в процессе поступательного развития системы космического права, необходимо установить новое понятие ущерба, который может быть причинен в

ходе космической деятельности, проводимой на поверхности небесного тела. Это новое понятие ущерба должно быть шире того, которое предусмотрено Конвенцией об ответственности 1972 г. Одним из признаков в содержание данного понятия должно войти и «причинение вреда самому небесному телу, сложившейся на нем природной среде, путем внесения неблагоприятных изменений в эту среду».

Таким образом, по нашему мнению, понятие ущерба, причиненного космической деятельностью при исследовании и освоении небесных тел может быть определено следующим образом: «Под ущербом, причиненным космической деятельностью при исследовании и освоении небесных тел понимается: причинение смерти человеку, либо вреда здоровью человека, уничтожение или повреждение имущества государств, либо физических или юридических лиц, или имущества международных межправительственных организаций, а также причинение ущерба сложившейся на небесном теле природной среде, путем внесения неблагоприятных изменений в эту среду».

Рассматривая историю развития данного вопроса, и в обоснование данного предложения можно привести следующие доводы: морское право уже рассматривает в качестве одного из видов ущерба загрязнение морской среды. Так, в ст. 194, 198, 211 и др. Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. говорится о предотвращении нанесения ущерба морской среде в результате ее загрязнения. В п. 1 ст. 235 этой же Конвенции закрепляется, что «на государства возлагается выполнение международных обязательств по защите и сохранению морской среды. Они несут ответственность в соответствии с международным правом» [98].

Нарушение в ходе космической деятельности природной среды планет Солнечной системы, может вызвать существенные осложнения для других государств, вплоть до невозможности использования отдельных участков небесных тел. И это создаст необходимость восстанавливать естественные условия на небесном теле государствами, не причинившими такого ущерба. Государства, восстанавливая нарушенные иным субъектом условия, будут нести определенные материальные затраты.

Кроме того, формулировка «избегать вредного засорения» Луны и других небесных тел, содержащаяся в ст. IX Договора по космосу 1967 г. пока носит лишь декларативный, рекомендательный характер и не имеет должного правового обеспечения. Такое положение вещей будет изменено коренным образом при установлении ответственности за ущерб, причиненный природной среде небесного тела.

Причинная связь – это необходимое основание всех типов и видов космической правовой ответственности. При отсутствии такой связи ответственность за ущерб не наступает. Так, если два космических объекта пришли во вредоносное взаимодействие по вине одного из них, то и особых сложностей с вопросами установления причинной связи не возникает. В ходе расследования данного инцидента будут приниматься во внимание действия как первого, так и второго объектов. При этом будут особо рассматриваться как соответствие действий объектов правилам их эксплуатации в космическом пространстве, либо на небесных телах, так и наличие технической возможности предотвратить столкновение.

Сложности могут возникнуть, если исследовательская партия одного государства при проведении космической деятельности на отдельном участке небесного тела потерпит ущерб в связи с тем, что ранее на этом же участке другое государство своей деятельностью создало опасные условия, которые и породили наступившие вредные последствия.

Например, государство начинает проведение какой-либо деятельности на участке небесного тела, на котором уже завершило свою космическую деятельность другое государство. В результате ранее проведенной деятельности произошел обвал горной породы, что причиняет ущерб новой работающей на этом же участке небесного тела

исследовательской партии. Рассматривать ли деятельность первого государства как причину наступления ущерба исследовательской партии второго государства?

По мнению автора, данный вопрос может быть решен положительно, если первое государство, создав своей деятельностью на определенном участке небесного тела опасные условия, не ликвидировало их, если имелась такая возможность. Если же возможность по ликвидации опасных условий на определенный момент отсутствует, то первое государство обязано предпринять все необходимые меры для оповещения о существовании опасности для жизни и деятельности на конкретном участке небесного тела. В случае, если первое государство не производит такого оповещения, то его деятельность также следует рассматривать как причину наступления ущерба у второго государства.

Если же оповещение произведено, однако исследовательская партия второго государства все же приступила к работам на данном участке небесного тела, в результате чего возник ущерб, то деятельность первого государства не должна рассматриваться как причина наступления ущерба. Второе государство лишается права на получение возмещения.

Согласно Конвенции об ответственности 1972 г., вина является основанием ответственности в двух случаях. Во-первых, когда один космический объект причиняет вред другому космическому объекту, либо лицам и имуществу на его борту (ст. III). Во-вторых, когда ущерб причинен третьему государству. Речь идет о случае, когда один космический объект причинил вред другому и в результате вред возник у третьего государства (ст. IV).

Так, в ст. III Конвенции 1972 г. содержится следующее правило: «Если в любом месте помимо поверхности Земли, космическому объекту одного запускающего государства либо лицам или имуществу на борту такого космического объекта причинен ущерб космическим объектом другого запускающего государства, то последнее несет ответственность только в случае, когда ущерб причинен по его вине или по вине лиц, за которых оно отвечает».

В своих работах А.А. Рубанов причинение ущерба космическим объектом в подобных случаях назвал «деликтом космического права» [99].

Как и в законодательстве Российской Федерации о космической деятельности, космический объект рассматривается Конвенцией об ответственности 1972 г. как источник повышенной опасности. Поэтому в ее ст. II вводится норма об «абсолютной ответственности». Естественно, в случае вредоносного воздействия двух таких источников повышенной опасности, ответственность должна строиться на вине. При отсутствии же вины с обеих сторон ответственность не наступает.

Право получения возмещения за ущерб, причиненный космическим объектом, осуществляется путем предъявления претензии одним государством другому государству. Субъектом, ее предъявляющим, выступает государство, уполномоченное на получение возмещения, а его адресатом – государство, обязанное возместить ущерб, причиненный космическим объектом.

Одним из основных является правило о том, что претензии «предъявляются запускающему государству по дипломатическим каналам» (ст. IX). Оно исходит из того, что отношения по возмещению вреда, причиненного космическим объектом, регламентируемые Конвенцией, складываются между государствами. Поскольку соответствующие требования – это требования одного субъекта международного космического права к другому, они должны передаваться дипломатическим путем.

В Конвенции о «дипломатических каналах» говорится во множественном числе. Из этого следует, прежде всего, что как на стороне субъекта требования, так и на стороне адресата требования должен действовать дипломатический орган. Исключается, в частности, возможность предъявления требований путем обращения физических или

юридических лиц одного государства в посольство или ведомство иностранных дел другого государства.

Конвенция предусматривает ситуацию, когда между государствами не поддерживаются дипломатические отношения. Применительно к такой ситуации ст. IX Конвенции об ответственности 1972 г. содержит два правила: государство-истец вправе обратиться к другому государству с просьбой предъявить его претензию запускающему государству (ст. IX). Данная норма полностью соответствует ст. 46 Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г. [100], в которой установлено общее правило, согласно которому при отсутствии дипломатических отношений государство может быть представлено другим государством. Эта норма Венской конвенции устанавливает, что «аккредитуемое государство может, с предварительного согласия государства пребывания и по просьбе третьего государства, не представленного в государстве пребывания, взять на себя временную защиту интересов этого третьего государства и его граждан». И в этом случае должно соблюдаться правило о том, что претензия предъявляется по дипломатическим каналам.

Конвенция об ответственности дает государству также право предъявить претензию через Генерального секретаря ООН. Право на обращение к Генеральному секретарю ООН принадлежит только государству. Физическое или юридическое лицо не может просить Генерального секретаря ООН о передаче претензию запускающему государству.

В Конвенции имеется положение, согласно которому требование о возмещении ущерба, причиненного космическим объектом, должно быть предъявлено в течение установленного срока. Это побуждает государство приступить к осуществлению своих прав в течение заранее определенного периода.

Так, в соответствии с п. 1 ст. X Конвенции об ответственности 1972 г., срок давности для предъявления претензии запускающему государству составляет один год. Истечение этого срока прекращает право требовать возмещения ущерба, причиненного космическим объектом. Претензия, предъявленная с пропуском установленного срока, подлежит отклонению. Запускающее государство, получившее такую претензию, имеет право отклонить его, сославшись только на пропуск срока. В Конвенции не предусматривается возможности приостановления течения срока давности.

Начальный момент течения срока давности по общему правилу начинается с даты причинения ущерба (п. 1 ст. X Конвенции об ответственности). Дата причинения ущерба может совпадать с датой космического инцидента, но может и следовать за ней. Если, например, падающий на поверхность небесного тела космический объект разрушает находящееся там же сооружение, принадлежащее другому государству, то ущерб причинен в момент космического инцидента. Если же спустя некоторое время после падения космического объекта у человека наступает повреждение здоровья, годичный срок начинает исчисляться с момента, когда наступило повреждение здоровья.

Альтернативно начальным моментом течения срока давности считается по Конвенции момент установления запускающего государства, которое несет ответственность за ущерб (п. 1 ст. X).

В п. 2 ст. X Конвенции содержится следующее правило: «Если государству не известно о причинении ущерба или если оно не смогло установить запускающее государство, которое несет ответственность за ущерб, то это первое государство может предъявить претензию в течение одного года с даты, когда ему стали известны указанные выше факты; этот период, однако, ни в коем случае не превышает одного года с даты, когда по разумным предположениям, такое государство могло узнать об этих фактах, приложив должные усилия».

Конвенцией устанавливается, что «для предъявления запускающему государству претензии о компенсации за ущерб, на основании настоящей Конвенции, не требуется, чтобы государство – истец, либо физические или юридические лица, которых оно

представляет, предварительно исчерпали местные средства удовлетворения претензии, которые могут иметься в их распоряжении» (п. 1 ст. XI). Это правило представляет собой вывод из того факта, что правоотношения, образующие предмет Конвенции, как отношения межгосударственные, принципиально отличаются от всех тех правоотношений (гражданских, административных и пр.), которые могут возникнуть вследствие причинения ущерба космическим объектом. Поэтому и осуществление права на получение возмещения, предоставляемого Конвенцией, никак не связано с осуществлением прав, которые могут возникать в иных правоотношениях, не входящих в предмет Конвенции.

Второй вывод из этого же обстоятельства сформулирован следующим образом: «Никакое положение настоящей Конвенции не препятствует государству либо физическим или юридическим лицам, которых оно может представлять, возбудить иск в судах либо административных трибуналах или органах запускающего государства» (п. 2 ст. XI).

Кроме изложенного следует отметить одно из положений Конвенции, устанавливающее, что «Государство... не имеет права предъявлять на основании настоящей Конвенции претензии о возмещении того же ущерба, в отношении которого возбужден иск... на основании другого международного соглашения, обязательного для заинтересованных сторон» (п. 2 ст. XI).

В Конвенции предусматриваются правовые средства разрешения споров: переговоры и Комиссия по рассмотрению претензий. Комиссия по рассмотрению претензий, в зависимости от характера заключительного документа, может выступать как в форме согласительной комиссии, так и арбитража.

Разрешение спора представляет собой процесс, который развивается поэтапно. На начальном этапе используется одно средство, а если спор не был разрешен, использованию подлежит другое средство.

Основным средством разрешения споров в соответствии с Конвенцией об ответственности 1972 г. служат переговоры.

Однако, необходимость переговоров данной Конвенцией устанавливается лишь в косвенной форме. Так, в ней говорится: «если урегулирование претензии не достигнуто путем дипломатических переговоров» (ст. XIV). Отсюда следует, что Конвенция, с одной стороны, наделяет государство, имеющее право на получение возмещения, правом требовать от государства, обязанного уплатить возмещение, вступить в переговоры по соответствующим вопросам и вести их, а с другой стороны, возлагает на это последнее государство соответствующую обязанность.

Путем переговоров спорящие стороны разрешают все вопросы, касающиеся космического инцидента. Они, в частности, устанавливают, действительно ли имел место несчастный случай, решают, несет ли ответственность государство, к которому адресовано требование о возмещении ущерба, определяют, возник ли ущерб и связан ли он причинной связью с космическим инцидентом и т.д. Они выясняют, каков размер ущерба, и какой должна быть сумма его возмещения.

Конвенция об ответственности 1972 г. не содержит положений, определяющих общий порядок ведения переговоров о возмещении ущерба. Единственное исключение содержится в ст. IX. В ней предусматривается, что если государство не поддерживает дипломатических отношений с соответствующим запускающим государством, то оно может просить другое государство не только предъявить его требование этому государству, но и «иным образом представлять его интересы на основании настоящей Конвенции».

Переговоры о возмещении ущерба следует проводить в соответствии с порядком, устанавливаемым международным публичным правом [101].

Они должны протекать на равноправной основе и не нарушать суверенной воли заинтересованных сторон, начинаться без каких-либо предварительных ультимативных

условий и предложений, идти при отсутствии нажима, диктата и угроз [102]. Переговоры могут вестись как устно, так и письменно, путем обмена нотами и т.п. При проведении переговоров стороны обязаны действовать с полной ответственностью и добросовестностью.

Статья XIV Конвенции об ответственности 1972 г. ограничивает срок переговоров о возмещении ущерба одним годом, начиная с даты, когда государство, имеющее право на получение возмещения, уведомляет запускающее государство, что оно представило документацию по своей претензии. Таким образом, для того, чтобы этот срок начал течь, необходимо особое формальное уведомление о том, что документация считается представленной. Пока такое уведомление не сделано, срок, по нашему мнению, не начинается своего течения.

Следует сразу же отметить, что деление на два этапа не является абсолютным в том смысле, что на втором этапе никакие переговоры между заинтересованными государствами не могут иметь места. Переговоры остаются и здесь важным средством разрешения споров. Они прямо предусматриваются Конвенцией, например, в процессе формирования «Комиссии по рассмотрению претензий».

Можно предвидеть ситуацию, при которой путем переговоров в течение года возникший спор не будет разрешен. Тогда, каждое из заинтересованных государств, в соответствии со ст. XIV Конвенции об ответственности 1972 г. наделяется правом требовать создания «Комиссии по рассмотрению претензий» [103]. Если одно из государств заявит такое требование, все остальные заинтересованные государства обязаны совершить действия, необходимые для того, чтобы такая «Комиссия» была образована.

Как устанавливает ст. XV Конвенции об ответственности 1972 г., «Комиссия по рассмотрению претензий» состоит из трех членов: члена Комиссии, назначаемого государством-истцом, члена Комиссии, назначаемого запускающим государством и председателя, выбираемого совместно спорящими сторонами. Каждая из сторон производит назначение своих членов в течение двухмесячного срока со дня предъявления требования о создании Комиссии.

Пункт 2 ст. XV Конвенции предписывает, что если в течение четырех месяцев с даты предъявления требования о создании Комиссии не достигнуто согласия относительно выбора председателя, любая из сторон может обратиться к Генеральному секретарю ООН с просьбой назначить председателя в течение последующего двухмесячного периода.

Конвенция об ответственности не выставляет каких-либо условий о гражданстве членов Комиссии или ее председателя, в связи с чем с каждой стороны может принимать участие в работе Комиссии как гражданин заинтересованного государства, так и гражданин иного, не участвующего в данном споре государства.

Как устанавливает ст. XVI Конвенции об ответственности 1972 г., если одна из сторон не произведет соответствующего назначения в течение установленного периода, председатель по просьбе другой стороны выступает в качестве единоличной Комиссии по рассмотрению претензий.

Любая вакансия, которая может возникнуть в Комиссии по любой причине, заполняется с соблюдением той же процедуры, которая установлена для первоначальных назначений (п. 2 ст. XVI).

Следует отметить, что в соответствии со ст. XVII Конвенции об ответственности 1972 г. состав Комиссии по рассмотрению претензий не может быть увеличен вследствие того, что на одной или на другой стороне выступает несколько государств. Выступающие совместно государства коллективно назначают одного члена Комиссии с соблюдением изложенных выше условий.

В ст. XVIII Конвенции содержится положение, определяющее компетенцию Комиссии: «Комиссия по рассмотрению претензий устанавливает обоснованность претензии о компенсации и определяет сумму компенсации, если она подлежит выплате».

Из этого следует, что Комиссия изучает, во-первых, имеются ли в данном случае основания ответственности (ущерб, причинная связь, вина и проч.). Во-вторых, Комиссия определяет сумму возмещения. Другие вопросы в компетенцию Комиссии по рассмотрению претензий Конвенцией не отнесены, хотя бы и по ним имелся спор. Таким образом, по нашему мнению, Комиссия по рассмотрению претензий вправе заниматься не всеми проблемами, которые рассматривались в ходе переговоров.

П. 3 и 4 ст. XVI определяет, что Комиссия по рассмотрению претензий сама устанавливает процедуру своей работы. Комиссия определяет место или места, в которых она будет проводить свою работу, и принимает решения по всем другим административным вопросам.

В Конвенции об ответственности 1972 г. содержится значительное число норм процессуальных, определяющих процедурную сторону работы Комиссии. Прежде всего, в п. 5 ст. XVI устанавливается, что ее решения и определения выносятся большинством голосов (за исключением случая, когда функционирует единоличная Комиссия). В п. 3 ст. XIX предусмотрено, что Комиссия по рассмотрению претензий выносит свое решение или определение «в кратчайший возможный срок и не позднее чем через год с даты ее создания», если она не сочтет необходимым продлить этот срок.

Как отмечено выше, Комиссия по рассмотрению претензий может выступать в форме согласительной комиссии, либо в форме арбитража. Так, в статьях Конвенции, регулирующих процедурные вопросы, говорится о «решении или определении», принимаемом Комиссией (ст. XVI, XIX).

Различия между данными окончательными документами, выносимыми Комиссией, существенны и, по сути, речь идет о различных юридических актах.

Так, согласно п. 2 ст. XIX Конвенции об ответственности 1972 г., «решение Комиссии является окончательным и обязательным, если об этом была достигнута договоренность между сторонами; в ином случае Комиссия выносит окончательное определение рекомендательного характера, которое стороны рассматривают в духе доброй воли».

Как видно из текста рассматриваемой нормы, решение, как окончательный документ работы Комиссии по рассмотрению претензий является юридически обязательным для спорящих сторон. Определение же обязательным для сторон не является, так как оно согласно Конвенции носит «рекомендательный характер», и рассматривается сторонами «в духе доброй воли».

В научной литературе по космическому праву Комиссия по рассмотрению претензий, принимающая определение именуется согласительной комиссией, а в случае вынесения ею обязательного для сторон решения – арбитражем [104]. Такой подход в юридической науке является традиционным. Так, согласно существующему определению, международный арбитраж представляет собой организованное по добровольному соглашению спорящих государств разбирательство спора, при котором принимается обязательное для сторон решение. При этом именно обязательный характер решения арбитража составляет основное его отличие от согласительных комиссий [105].

В завершение своей работы, Комиссия по рассмотрению претензий, в соответствии с п.п. 2 и 4 ст. XIX Конвенции об ответственности 1972 г., излагает обоснование своего решения или определения, публикует его и передает заверенную копию принятого документа каждой из сторон, а также Генеральному секретарю ООН.

Подводя итог рассмотрению вопроса становления юридической ответственности как формы обеспечения режима космической деятельности, следует отметить, что впервые международная ответственность запускающего государства за ущерб, причиненный космическим объектом, была предусмотрена в п. 8 Декларации правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства от 13 декабря 1963 г. Затем аналогичная норма была

закреплена в ст. VII Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 г. Однако в указанных международных актах содержались лишь общие положения об ответственности. Более детальное регулирование институт юридической ответственности за ущерб, причиненный при осуществлении космической деятельности, получил в Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами от 29 марта 1972 г. При принятии Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г., в ст. 14 названного Соглашения было предусмотрено, что в результате активизации деятельности на Луне может возникнуть необходимость заключения более детальных соглашений об ответственности за ущерб, причиненный на небесных телах, дополняющих положения Договора по космосу 1967 г. и Конвенции об ответственности 1972 г.

Правовой институт ответственности в законодательстве Российской Федерации о космической деятельности развивался в соответствии с основными принципами и нормами международного космического права.

Глава III

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРОГРАММ ОСВОЕНИЯ НЕБЕСНЫХ ТЕЛ

§ 1. Эволюция правового статуса объектов космической инфраструктуры и космических объектов в СССР и Российской Федерации.

Исторический анализ показывает, что в СССР, в условиях отсутствия законодательства о космической деятельности не было и законодательного определения правового статуса объектов космической инфраструктуры. Так, с момента создания в 1955 г. и до принятия в 1993 г. в Российской Федерации первого Закона о космической деятельности, основной объект отечественной космической инфраструктуры – космодром «Байконур» являлся режимным военным объектом. Его правовое положение определялось секретными нормативно-правовыми актами, издаваемыми Министерством обороны СССР [106]. С принятием в 1993 г. Закона Российской Федерации о космической деятельности правовой статус объектов космической инфраструктуры России получает законодательно-правовое закрепление.

Статья 18 Закона РФ о космической деятельности определяет содержание понятия «космическая инфраструктура». При этом в ней установлено, что космическая инфраструктура Российской Федерации включает в себя:

- космодромы;
- стартовые комплексы и пусковые установки;
- командно-измерительные комплексы;
- центры и пункты управления полетами космических объектов;
- пункты приема, хранения и обработки информации;
- базы хранения космической техники;
- районы падения отделяющихся частей космических объектов;
- полигоны посадки космических объектов и взлетно-посадочные полосы;
- объекты экспериментальной базы для обработки космической техники;
- центры и оборудование для подготовки космонавтов;
- другие наземные сооружения и технику, используемые при осуществлении космической деятельности.

Далее в этой же статье Закона Российской Федерации о космической деятельности отмечается, что объекты космической инфраструктуры, включая мобильные, являются таковыми в той мере, в какой они используются для обеспечения или осуществления космической деятельности. Приведенное положение закрепляет целевое предназначение всех элементов космической инфраструктуры, в то числе и земель, выделяемых под нужды космической деятельности.

Так, согласно п. 109 Федеральных правил использования воздушного пространства РФ, запуск и посадка космических объектов, в том числе иностранных, на территории Российской Федерации производятся в пределах границ полигонов, утвержденных Правительством РФ [107].

Пункт 110 названных Федеральных правил предписывает, что в случае аварийной ситуации и других непредвиденных обстоятельств при осуществлении космической деятельности посадка космических объектов может производиться в других районах с уведомлением соответствующего центра Единой системы организации воздушного движения, Федерального управления авиационно-космического поиска и спасания при Министерстве обороны Российской Федерации, органов государственной власти и местного самоуправления.

Рассмотренные пункты Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации полностью соответствуют п.п. 1 и 2 ст. 19 Закона РФ

о космической деятельности, именуемой «Особенности управления космическими объектами».

Пункт 3 ст. 18 Закона Российской Федерации о космической деятельности устанавливает, что выделение земельных участков и использование их под объекты космической инфраструктуры и прилегающие к ним зоны отчуждения осуществляются в соответствии с земельным законодательством РФ.

28 сентября 2001 года Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации принят новый Земельный кодекс РФ, который введен в действие с 30 октября того же года - со дня его официального опубликования [108].

Согласно ст. 7 Земельного кодекса, устанавливающей состав земель в Российской Федерации, наряду с другими, по целевому назначению, в РФ имеются «земли для обеспечения космической деятельности» (п. 1.3).

Определяется, что земли каждой из указанных в ст. 7 Земельного кодекса категорий используются в соответствии с установленным для них целевым назначением (п. 2 ст. 7 ЗК РФ). Правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к той или иной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий, общие принципы и порядок проведения которого устанавливаются федеральными законами и требованиями специальных федеральных законов.

Согласно п. 1 ст. 87 Земельного кодекса Российской Федерации, землями для обеспечения космической деятельности признаются земли, которые расположены за чертой поселений и используются или предназначены для обеспечения деятельности организаций и (или) эксплуатации объектов для обеспечения космической деятельности. Рассматриваемые земли, наряду с иными землями, входящими в разряд земель промышленности и иного специального назначения, составляют самостоятельную категорию земель Российской Федерации.

Говоря о правовом режиме таких земель необходимо отметить, что согласно п. 4 ст. 87 Земельного кодекса РФ, земли, занятые объектами, обеспечивающими космическую деятельность, являются федеральной собственностью, так как указанные вопросы, согласно ст. 71 Конституции РФ, отнесены к исключительному ведению Российской Федерации. Порядок использования земель специального назначения, находящихся в федеральной собственности, а также порядок отнесения земель к той или иной категории, перевод их из одной категории в другую определяется Правительством Российской Федерации (соответственно п. 5.1 ст. 87 и п. 1.1. ст. 8 ЗК РФ).

Особенности правового режима земель, для обеспечения космической деятельности закреплены в ст. 92 Земельного кодекса РФ.

Так, в соответствии с п. 1 этой статьи, землями для обеспечения космической деятельности признаются земли, которые используются или предназначены для обеспечения деятельности организаций и (или) объектов космической деятельности и права на которые возникли у участников земельных отношений по основаниям, установленным соответствующими нормами Земельного кодекса, федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

Здесь же говорится, что в целях обеспечения космической деятельности могут предоставляться земельные участки для размещения наземных объектов космической инфраструктуры, включая космодромы, стартовые комплексы и пусковые установки, командно-измерительные комплексы, центры и пункты управления полетами космических объектов, пункты приема, хранения и переработки информации, базы хранения космической техники, районы падения отделяющихся частей ракет, полигоны приземления космических объектов и взлетно-посадочные полосы, объекты экспериментальной базы для отработки космической техники, центры и оборудование для подготовки космонавтов, другие наземные сооружения и технику, используемые при осуществлении космической деятельности (п. 2 ст. 92).

Земельные участки, используемые под районы падения отделяющихся частей ракет эпизодически, у собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков не изымаются (п. 3 ст. 92 ЗК РФ). Порядок возмещения ущерба этим лицам определяется Правительством Российской Федерации.

Отдельные объекты космической инфраструктуры России могут находиться как на территории РФ, так и за ее пределами. В связи с этим п. 4 ст. 18 Закона Российской Федерации о космической деятельности устанавливает, что деятельность организаций РФ по использованию (эксплуатации) объектов космической инфраструктуры за пределами юрисдикции РФ осуществляется в соответствии с международными договорами Российской Федерации и названным Законом.

Показательным примером сказанному может послужить история развития правового положения космодрома «Байконур», находящегося за пределами государственной территории России - на территории суверенной Республики Казахстан [109].

15 мая 1992 года на очередной встрече руководителей государств-участников СНГ было подписано Соглашение о порядке содержания и использования объектов космической инфраструктуры в интересах выполнения космических программ. Одним из основных положений данного Договора явился тот факт, что объекты космической инфраструктуры, расположенные на территориях бывших союзных республик, объявлялись собственностью этих государств. Для космодрома «Байконур» это означало признание его собственностью Республики Казахстан. В Соглашении было предусмотрено, что на основании специальных соглашений Стратегическим Силам СНГ (Управлению Начальника космических средств – УНКС) должно быть представлено право пользования недвижимым, пользования и владения движимым имуществом этих объектов.

В связи с положениями Соглашения от 15 мая 1992 г., 25 мая 1992 года между Российской Федерацией и Республикой Казахстан было заключено двустороннее Соглашение о порядке использования космодрома «Байконур». В этом документе еще раз было подчеркнуто, что «объекты космодрома «Байконур», расположенные на территории Республики Казахстан, являются ее собственностью». Россия и Казахстан передают право пользования недвижимым, пользования и владения движимым имуществом космодрома, находящимся на их территории, Стратегическим Силам СНГ. При этом было отмечено, что состав передаваемых объектов и условия их использования, включая объекты социальной сферы, должны быть определены специальным соглашением. Координация научно-производственной деятельности по подготовке и реализации космических программ, а также использование космических технологий в интересах науки и народного хозяйства были возложены на Российское космическое агентство и Агентство космических исследований Республики Казахстан.

2 октября 1992 года представителями России и Казахстана было подписано межправительственное Соглашение о составе объектов космодрома «Байконур», передаваемых Стратегическим Силам Содружества Независимых Государств (Военно-космическим силам), условиях их использования и обеспечения. В приложении к этому Соглашению дан перечень объектов космодрома, передаваемых Военно-космическим силам.

При этом предусмотрено, что часть объектов космодрома «Байконур» может быть использована в интересах Республики Казахстан и города Ленинска. В Соглашении было произведено разграничение отношений пользования собственностью и согласованы интересы российской и казахской сторон.

В конце 1993 – начале 1994 г. главы правительств России и Казахстана в процессе переговоров разрабатывают и подписывают Меморандум, по которому казахстанская сторона согласилась передать космодром «Байконур» России в аренду. Вопрос о статусе

космодрома переходит в плоскость разработки принципиально нового соглашения относительно аренды. Снимаются с повестки дня различные инициативы относительно учреждения на космодроме «Байконур» международной компании.

28 марта 1994 г. заключается Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан об основных принципах и условиях использования космодрома «Байконур» [110]. Во исполнение положений, определенных данным Соглашением, правительствами России и Казахстана 10 декабря 1994 г. заключается Договор аренды комплекса «Байконур» [111].

В соответствии со ст. 4 Договора аренды, комплекс «Байконур» передается Республикой Казахстан Российской Федерации в аренду на 20 лет с возможностью продления Договора на 10 лет. Арендная плата составляет 115 миллионов долларов США в год (ст. 5).

Данный Договор в Российской Федерации был ратифицирован Федеральным законом РФ от 17 мая 1995 г. № 77-ФЗ [112] и вступил в силу для Российской Федерации 25 сентября 1995 г.

29 декабря того же года Россия и Казахстан подписывают Соглашение о сотрудничестве и взаимодействии в обеспечении безопасности комплекса «Байконур», воинских формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Казахстан, и лиц, входящих в их состав. Это Соглашение в РФ было ратифицировано Федеральным законом от 20 апреля 1996 г. № 35-ФЗ [113].

Кроме рассмотренных межправительственных соглашений, регулирующих основные вопросы использования космодрома «Байконур», заключаются и иные договоренности, содержащие правила деятельности по частным вопросам.

Так, 6 июля 1998 г. Государственный таможенный комитет Российской Федерации и Таможенный комитет Министерства финансов Республики Казахстан подписали Соглашение об упрощенном порядке таможенного оформления и контроля товаров и транспортных средств, ввозимых из России на комплекс «Байконур» и вывозимых с комплекса «Байконур» в Российскую Федерацию.

29 апреля 2002 г. Государственный таможенный комитет Российской Федерации и Таможенный комитет Министерства государственных доходов Республики Казахстан составляют Протокол о дополнениях и изменениях к этому Соглашению.

В соответствии с достигнутыми договоренностями, Государственный таможенный комитет РФ 22 августа 2002 г. издает Приказ № 884 «О таможенном оформлении и таможенном контроле товаров и транспортных средств, перемещаемых через российско-казахстанскую границу для обеспечения функционирования комплекса «Байконур»» [114].

Приказ ГТК РФ вводит в действие Правила таможенного оформления и таможенного контроля товаров и транспортных средств, вывозимых из Российской Федерации на комплекс «Байконур» и ввозимых с комплекса «Байконур» в Российскую Федерацию.

Исторический анализ развития норм отечественного законодательства о космической деятельности, устанавливающих основы правового положения объектов космической инфраструктуры, позволяет сделать вывод о том, что в действующих ныне правовых нормах имеется ряд недоработок.

Так, в содержание понятия космической инфраструктуры законодатель не включает ни российскую орбитальную группировку, ни группировку космических объектов Российской Федерации, находящихся на орбитах небесных тел Солнечной системы, либо на их поверхностях. А ведь количество таких объектов, каждый из которых является федеральной собственностью, уже на настоящий момент достаточно велико, и в дальнейшем будет увеличиваться.

По состоянию на февраль 2003 г. в составе отечественной орбитальной группировки находилось 97 космических аппаратов, в том числе 36 космических

аппаратов гражданского назначения, 61 - военного и двойного назначения [115]. По состоянию на июль 2008 г. отечественная орбитальная группировка представлена 96 космическими аппаратами, в том числе 51 космическим аппаратом гражданского назначения.

Кроме того, каждый из космических аппаратов, находящийся в космическом пространстве, либо на небесных телах, в соответствии со ст. 130 ГК РФ законодательно относится к категории недвижимого имущества.

Следующим недостатком рассматриваемых положений надлежит признать отсутствие в нормах Закона Российской Федерации о космической деятельности правовых определений понятий отдельных объектов космической инфраструктуры: космодромов, стартового комплекса, пусковой установки и т.д.

Представляется, что каждый из элементов космической инфраструктуры должен получить свое юридическое определение в положениях закона, так как непосредственные работы по осуществлению космической деятельности связаны с эксплуатацией отдельных объектов космической инфраструктуры. Особую важность данный вопрос приобретает в связи с появлением так называемых альтернативных способов выведения космических аппаратов. К таким альтернативным способам выведения следует отнести проекты «Воздушный старт» [116], «Морской старт» [117], использование баллистических ракет подводных лодок для выведения на околоземную орбиту космических объектов [118] и т.п.

Рассматривая особенности правового статуса космических объектов в СССР и Российской Федерации, следует отметить, что до настоящего момента понятие космического объекта в отечественном праве юридически определено не было, что следует признать очередным недостатком законодательства РФ о космосе.

В качестве примера отметим, что воздушное право России содержит четкое определение понятия «воздушное судно». Так, согласно ст. 32 Воздушного кодекса Российской Федерации, «воздушное судно – летательный аппарат, поддерживаемый в атмосфере за счет взаимодействия с воздухом, отличного от взаимодействия с воздухом, отраженным от поверхности земли или воды».

Приведенное положение Воздушного кодекса РФ всецело основывается на определении, разработанном в рамках Международной организации гражданской авиации, в соответствии с которым воздушное судно (airplane) есть «Любой аппарат, поддерживаемый в атмосфере за счет реакции воздуха, отличной от реакции воздуха, отраженного от земной поверхности» [119]. Это определение является общепринятым и применяется как в международных соглашениях, так и в национальных законодательных актах большинства государств мира, в числе которых находится и Россия.

Таким образом, следует признать, что конструктивная нормотворческая деятельность специализированных международных межправительственных организаций оказывает благотворное влияние на развитие норм национального законодательства.

В связи с этим проанализируем действующие международно-правовые акты, устанавливающие основы правового статуса космических объектов и посвященные им научные работы.

Рассматривая историю развития данного вопроса, следует сделать вывод, что в международно-правовых документах и научной литературе встречаются такие термины как «космический аппарат», «космический корабль», «космический объект». В качестве общего понятия чаще всего прибегают к термину «космический объект». При этом имеются в виду технические устройства (аппараты), созданные человеком и предназначенные для использования в космическом пространстве, включая Луну и планеты [120]. Естественные космические объекты природного происхождения (например, Луна, Венера, Марс, Юпитер) в правовых документах охватываются понятием «небесные тела» [121].

История показывает, что попытки определения понятия космического объекта предпринимались в рамках Международного Союза Электросвязи. Так, на состоявшейся в рамках этой международной организации в 1971 г. Всемирной административной конференции радиосвязи понятие космического объекта было отождествлено с космическим кораблем и определено как «созданное человеком средство передвижения, предназначенное для запуска за пределы основной части земной атмосферы» [122].

Если обратиться к действующим международным соглашениям по космосу, то в таких актах в понятие космического объекта зачастую вкладывается различное содержание. Например, согласно ст. ст. II и V Конвенции о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство от 14 января 1975 г. космические объекты вносятся в регистр запускающего государства только после их запуска «на орбиту вокруг Земли или дальше в космическое пространство». Геофизические ракеты, несмотря на то, что их полет совершается на высотах орбит искусственных спутников Земли, не регистрируются как космические объекты. В то же время по смыслу Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненными космическими объектами от 29 марта 1972 г. те же геофизические ракеты могут рассматриваться в качестве космических объектов. Причина в том, что в данной Конвенции устанавливается место причинения ущерба таким объектом – «на поверхности Земли» (ст. II), или «в любом месте, помимо поверхности Земли» (ст. III, IV).

В Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 г. (ст. VII и VIII), в Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами от 29 марта 1972 г. (ст. I) и в Конвенции о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство от 14 января 1975 г. (ст. I), говорится о космических объектах и их «составных частях». Кроме того, в конвенциях 1972 и 1975 гг. в понятие космического объекта включаются также «средства его доставки и его части».

Так, ст. I Конвенции о регистрации объектов, запущенных в космическое пространство 1975 г. и ст. I Конвенции о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г. содержат аналогичные формулировки. Они говорят о том, что «термин «космический объект» включает составные части космического объекта, а также средства его доставки или его части».

Под понятием «составная часть» космического объекта в соглашениях по космосу имеются в виду аппаратура, источники энергии и оборудование, необходимое для нормального функционирования этого объекта, отделившиеся от космического объекта части, а также осколки распавшегося космического объекта.

К космическим объектам могут быть отнесены и отдельные ступени ракеты-носителя. Правовой режим «составных частей» космического объекта и средств его доставки аналогичен правовому режиму этого объекта. Отслужившие космические объекты, которые продолжают находиться в космическом пространстве, и их «составные части» не представляют исключения.

Утверждение в международной договорной практике термина «космический объект», охватывающего все разновидности технических устройств (аппаратов) и сооружений, предназначенных для использования в космическом пространстве, предоставило возможность постановки вопроса о классификации космических объектов. Вместе с этим, отсутствие общепринятого правового определения термина «космический объект» следует расценивать как существенный пробел в космическом праве [123].

Более того, отсутствие определения рассматриваемого понятия в международном космическом праве не следует считать препятствием для правового определения понятия «космический объект» в законодательстве Российской Федерации о космической деятельности.

В ряде случаев для обозначения космических объектов используется термин «космический аппарат». Космический аппарат – общее название различных технических устройств, предназначенных для выполнения целевых задач в космосе и на небесных телах. Иногда вместо термина «космический аппарат» используется термин «космический летательный аппарат», но это более узкое понятие, так как ряд космических аппаратов по своим конструктивным особенностям могут быть использованы только для перемещения по поверхности небесных тел (планетоходы).

В специальной литературе по космонавтике иногда обозначения космических летательных аппаратов также используется термин «космолет». Так, кандидат технических наук А.М. Жаков в одной из своих работ определил космолет как «техническое устройство, предназначенное для полета в космическом пространстве» [124].

В юридическом смысле космический аппарат – это космический объект, или его составная часть, предназначенная для функционирования в космическом пространстве, включая и небесные тела. Правовой режим космического аппарата аналогичен правовому режиму космического объекта [125].

Отличительная особенность большинства космических аппаратов – способность к самостоятельному функционированию в условиях космоса (глубокий вакуум, невесомость, интенсивная радиация, наличие метеорных частиц и т.п.), с учетом которых создается его конструкция. Космический аппарат оснащается научными приборами, системами терморегулирования, энергоснабжения, управления движением, радиосвязи с Землей и с другими космическими аппаратами, а в случае наличия на них людей или животных – системами жизнеобеспечения, соответствующими устройствами и т.п.

Термин «космический аппарат» не нашел широкого распространения в источниках космического права. Для обозначения запускаемых в космос объектов, как правило, употребляется термин «космический объект».

Однако в некоторых из них, например, в Соглашении о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г., термин «космический аппарат» неоднократно используется (ст. 8, 9, 11, 12, 15). Анализ этого Соглашения дает основание для более узкого понимания термина «космический аппарат» по сравнению с термином «космический объект». Космические аппараты упоминаются в Соглашении о Луне 1979 г. наряду с другими космическими объектами или их составными частями (например, с оборудованием, установками, станциями и другими сооружениями и конструкциями на поверхности Луны и других небесных тел или в их недрах).

По нашему мнению, неправильно относить к категории космических аппаратов некоторые сооружаемые в космосе и на небесных телах сложные многофункциональные объекты (например, обитаемые орбитальные станции, обитаемые станции на небесном теле), представляющие собой совокупность различного рода космических объектов, - так называемые космические комплексы, обладающие особым правовым статусом (например, Международная космическая станция - МКС). Космические аппараты могут быть составной частью таких комплексов, функционировать в их составе и использоваться для обслуживания других объектов.

Как и космические объекты, космические аппараты можно классифицировать по различным критериям:

- в зависимости от наличия или отсутствия экипажа космические аппараты могут подразделяться на автоматические и пилотируемые космические аппараты;
- по месту функционирования – на искусственные спутники Земли и межпланетные космические аппараты, включая искусственные спутники Луны, Марса, Венеры и других небесных тел. Здесь же в особую категорию следует выделить планетоходы - космические аппараты типа «луноход», функционирующие, передвигаясь по поверхности небесного тела;

- по назначению все космические аппараты можно подразделить на космические аппараты гражданского назначения, а также космические аппараты военного и двойного назначения.

В свою очередь космические аппараты гражданского назначения могут быть подразделены на космические аппараты для фундаментальных научных исследований и космические аппараты для прикладного использования.

Понятие «пилотируемый космический объект» следует выделить из общей категории космических объектов в силу особой специфики полетов и соответствующего их правового регулирования. Главная особенность этих космических объектов – наличие герметически оборудованного помещения с системой жизнеобеспечения, предназначенного для деятельности человека в условиях космоса. Наиболее четко такое разграничение было проведено в Соглашении о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство от 22 апреля 1968 г.

При рассмотрении правовых аспектов функционирования пилотируемых космических объектов в настоящее время следует различать две категории или разновидности таких объектов.

К первой их категории относятся пилотируемые космические корабли.

Содержащееся в специальной литературе по космонавтике определение космического корабля охватывает космические летательные аппараты, предназначенные для полета людей, отличительная особенность которых – наличие герметичной кабины с системой жизнеобеспечения, спускаемого аппарата для возвращения экипажа на Землю, систем ориентации, управления и двигательной установки, позволяющих изменять орбиту полета космического корабля для маневрирования и посадки [126].

Развитие космонавтики потребовало выделения в особую разновидность пилотируемых космических объектов околоземных обитаемых космических станций (ООКС) [127].

Они отличаются от космического корабля тремя основными признаками:

- 1) продолжительным периодом активного функционирования;
- 2) наличием или возможностью наличия периодически сменяемого экипажа и транспортной системы материально-технического снабжения и обслуживания;
- 3) широким кругом задач, которые могут решаться экипажем с помощью аппаратуры ООКС и космических средств, входящих в состав станции.

Данные космические объекты можно включить во вторую категорию пилотируемых космических объектов.

По нашему мнению, отнесение ООКС к пилотируемым космическим объектам будет весьма условным, так как главный признак, по которому мы относим ООКС к такой категории объектов – это возможность маневрирования в космосе.

Но правильнее все же в этом случае говорить не о пилотировании, то есть передвижении в космическом пространстве, а об обитании. В этом отношении представляется неверной точка зрения доктора юридических наук профессора Жукова Г.П., предложившего отнести к категории пилотируемых летательных объектов и обитаемые станции на Луне и других небесных телах [128].

Более правильным будет отнесение таких обитаемых станций к космическим объектам в самом широком смысле, так как предназначение таких баз – только обитание. Кроме этого, в их состав будут входить и иные космические аппараты, в том числе и обеспечивающие передвижение персонала космической станции как по поверхности небесного тела, так и над ней.

Таким образом, мы можем говорить о двух известных космическому праву основных видах пилотируемых космических объектов: космических кораблях и обитаемых орбитальных космических станциях.

Представляется целесообразным из общей совокупности космических объектов выделить станции на Луне и других небесных телах, которые могут быть сооружены в будущем. Право их создания на небесных телах предусмотрено в ст. 9 Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г. По своим правовым признакам они близки к ООКС, поскольку для тех и для других характерен длительный период работы персонала как на самой станции, так и вне ее. Применительно к ним также более целесообразно говорить не о пилотировании, а об обитании. Соответственно в дальнейшем их следует именовать «обитаемые станции на Луне и других небесных телах».

Американский юрист С. Горов, уделявший в своих работах внимание вопросам правового регулирования деятельности обитаемых лунных станций и их персонала, под термином «станция» понимает «место регулярных остановок» космического объекта, носящее более или менее постоянный характер. Станция может быть расположена на поверхности Луны, в ее недрах либо в окололунном пространстве. В будущем, по его мнению, возможно сооружение подобных станций и на других небесных телах. Чтобы соответствовать указанному понятию в полном смысле слова, отмечает С. Горов, такая станция должна действовать в течение длительного времени, если не постоянно. Космический объект, не отвечающий этому требованию, нельзя считать космической станцией [129].

Правовой режим обитаемых станций на небесных телах в общем виде был урегулирован положениями Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г.

В соответствии с п. 1 ст. 17 Закона РФ о космической деятельности, космические объекты РФ подлежат регистрации и должны иметь маркировку, удостоверяющую их принадлежность Российской Федерации.

Регистрация космических объектов предусмотрена Конвенцией о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство от 14 января 1975 года. Согласно ст. I п. «с» данной Конвенции, государством регистрации является запускающее государство, в регистр которого занесен космический объект. Нормами этой Конвенции устанавливается национальная и международная регистрация космических объектов.

Национальная регистрация космического объекта производится следующим образом: согласно ст. II п. 1, запускающее государство ведет соответствующий регистр, в котором регистрируется космический объект, запускаемый на орбиту вокруг Земли или дальше в космическое пространство. Об учреждении такого регистра каждое запускающее государство информирует Генерального секретаря ООН. Содержание каждого регистра и условия его ведения определяются самостоятельно соответствующим государством регистрации (п. 3 ст. II).

Как устанавливает п. 2 этой же статьи Конвенции, когда в отношении одного космического объекта имеются два или более запускающих государств, они совместно определяют, которое из них регистрирует этот объект. Впоследствии государство регистрации обеспечивает передачу Генеральному секретарю ООН определенной информации о каждом космическом объекте, занесенном в регистр этого государства. Конвенция о регистрации устанавливает, что государство регистрации обязано представить такую информацию «в ближайший практически осуществимый срок».

Государство регистрации, согласно ст. IV Конвенции о регистрации, передает Генеральному секретарю ООН следующую информацию:

- a) название запускающего государства или запускающих государств;
- b) соответствующее обозначение космического объекта или его регистрационный номер;
- c) дату и траекторию или место запуска;
- d) основные параметры орбиты, включая: i) период обращения, ii) наклонение, iii) апогей и iv) перигей;

е) общее назначение космического объекта.

Кроме того, в соответствии с п. 2 ст. IV, государство регистрации может время от времени передавать Генеральному секретарю ООН дополнительную информацию относительно космического объекта, занесенного в его регистр.

Каждое государство регистрации также уведомляет Генерального секретаря ООН в максимально возможной степени и в ближайший практически осуществимый срок о космических объектах, о которых оно ранее предоставило информацию и которые, будучи выведенными на орбиту вокруг Земли, больше не находятся на этой орбите (п. 3 ст. IV).

Если на запущенный космический объект нанесены обозначение или регистрационный номер, либо и то и другое, государство регистрации уведомляет об этом факте Генерального секретаря ООН, который заносит это уведомление в свой Реестр.

Регистрация космических объектов в РФ входит в компетенцию Федерального космического агентства - федерального органа исполнительной власти по космической деятельности, что определено ст. 6 Закона РФ о космической деятельности. Так, в соответствии с абз.14 ч.2 ст. 6 Закона о космической деятельности, указанный орган «взаимодействует с организациями других государств, а также с международными организациями по вопросам космической деятельности...»

Согласно п. 5.3.17 Положения о Федеральном космическом агентстве, названное Агентство «ведет регистр космических объектов» [130].

Основные функции по международной регистрации космических объектов возложены на Генерального секретаря ООН. Он ведет Реестр, в который заносится информация, представляемая государством регистрации. К информации, содержащейся в Реестре, обеспечивается полный и открытый доступ.

На практике процедура регистрации запускаемого космического объекта выглядит следующим образом: данные о каждом космическом запуске сообщаются государствами в письмах на имя Генерального секретаря ООН и заносятся в централизованный Реестр, который ведется Управлением по космосу Секретариата ООН. Копии писем, получаемых Генеральным секретарем ООН, рассылаются всем членам ООН. Помимо этого Секретариат ООН публикует специальную серию информации, представляемой государствами, относительно учреждения ими национальных регистров запущенных космических объектов [131].

Представляется, что к недостаткам Конвенции о регистрации космических объектов, запускаемых в космическое пространство от 14 января 1975 г. следует отнести то, что п. 1 ст. IV данной Конвенции, говоря о сообщении Генеральному секретарю ООН государством регистрации информации о каждом запуске «в ближайший практически осуществимый срок», каких-либо определенных сроков не устанавливает и не предписывает, когда именно государство регистрации представляет требуемые данные: до или после запуска.

История развития космонавтики показывает, что с момента подписания государствами Конвенции о регистрации количество запусков намного возросло. Более того, космические аппараты запускаются не только с государственных территорий, но и из открытого моря [132]. При большей активизации космической деятельности, когда запуски космических объектов станут проводиться запускающими государствами интенсивнее, такое состояние международного правового акта может стать причиной возникновения угрозы безопасности осуществления как космической деятельности, так и аэронавигации в районах запусков.

В связи с этим, по нашему мнению, назрела необходимость внести ряд поправок в ст. IV Конвенции о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство 1975 г., установив, что информация о предполагаемом запуске государством регистрации представляется Генеральному секретарю ООН заблаговременно, а именно: не позднее, чем за 5 дней до осуществления запуска.

Кроме того, при внесении поправок в рассматриваемую Конвенцию по, нашему мнению, должно быть также учтено следующее: в настоящее время космическую деятельность осуществляют уже десятки государств и международных организаций. Можно предположить, что при планируемом запуске на орбиту с определенными параметрами, либо в конкретное место какого-либо небесного тела, запускающее государство выяснило, что туда же намерено осуществить запуск своего космического объекта другое государство, которое в установленном порядке уведомило Управление по космосу Секретариата ООН. В такой ситуации приоритет следует отдавать запускающему государству, представившему свое уведомление ранее. В случае же одновременного уведомления о предстоящем запуске, при условии совпадения параметров орбиты, либо места посадки на поверхность небесного тела, что также необходимо оговорить в поправках к Конвенции о регистрации 1975 г., запускающие государства проводят консультации.

Согласно п. 1 ст. 19 Закона Российской Федерации о космической деятельности, управление космическими объектами РФ на всех этапах, от их запуска до завершения полета, осуществляют организации, ответственные за использование (эксплуатацию) этих объектов. В соответствии с п. 3 ст. 19 этого же Закона, маневрирование космических объектов в воздушном пространстве Российской Федерации осуществляется с учетом требований законодательства, регулирующего использование воздушного пространства РФ.

В этом отношении п. 108 Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации определяет, что запуск, маневрирование в воздушном пространстве и посадка космических аппаратов осуществляются с учетом настоящих Федеральных правил.

Согласно п. 5 ст. 19 Закона о космической деятельности и п. 111 Федеральных правил использования воздушного пространства, Федеральное космическое агентство и Министерство обороны Российской Федерации информируют органы Единой системы организации воздушного движения о запуске и посадке космических объектов на территории РФ, а также траектории полетов которых проходят через воздушное пространство РФ и воздушное пространство, где ответственность за организацию воздушного движения возложена на Российскую Федерацию.

В случае необходимости названные органы информируют также заинтересованные иностранные государства и международные организации (п. 5 ст. 19 Закона РФ о космической деятельности).

Как устанавливает абз.2 п. 5 ст. 19 Закона Российской Федерации о космической деятельности, в случаях запуска, посадки или прекращения существования космических объектов РФ за ее пределами, соответствующие службы РФ осуществляют свои функции по согласованию с компетентными органами заинтересованных иностранных государств.

В случае необходимости Российская Федерация может согласовать с иным запускающим государством вопрос о пролете космического объекта этого государства через воздушное пространство России. Подобные ситуации оговорены в п. 4 ст. 19 Закона Российской Федерации о космической деятельности и в п. 112 Федеральных правил использования воздушного пространства. Одноразовый пролет через воздушное пространство РФ космического объекта иностранного государства в целях запуска такого объекта на орбиту вокруг Земли или дальше в космическое пространство, а также в целях его возвращения на Землю может осуществляться при условии заблаговременного уведомления соответствующих служб РФ о времени, месте, траектории и иных условиях такого пролета. Порядок уведомления определяется международными договорами Российской Федерации.

При осуществлении космической деятельности, направленной на освоение небесных тел, особое значение будут приобретать вопросы правового положения космических объектов, функционирующих на поверхности небесных тел: космических

аппаратов, а также обитаемых научно-исследовательских станций и поселений. Сюда же следует отнести вопросы правового регулирования использования площади, необходимой для обеспечения потребностей космического объекта, сбора образцов минеральных и других веществ, создания «зон безопасности» вокруг линий станции, доступа во все районы небесного тела, посещения космических объектов других государств и т.д.

Размещенный на Луне или ином небесном теле пилотируемый объект, запущенный в космическое пространство, должен быть соответствующим образом зарегистрирован. Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство от 14 января 1975 г. [133], не выделяя специальных случаев регистрации объектов, доставленных на Луну, либо сооруженных на ее поверхности или в недрах, определяет общий порядок регистрации объектов, запускаемых в космос. Положение ст. II Конвенции, в котором говорится о запуске объектов на орбиту вокруг Земли «или дальше в космическое пространство», следует считать также охватывающим Луну и другие небесные тела. Поэтому при доставке космических объектов на одно из небесных тел действует общий порядок регистрации, установленный ст. II, III и IV данной Конвенции.

П. 4 ст. 17 Закона Российской Федерации о космической деятельности предусматривает особенности регистрации космического объекта, если этот объект создается российскими организациями и гражданами совместно с иностранными государствами, организациями и гражданами или международными организациями. Устанавливается, что вопросы регистрации такого объекта, юрисдикции и контроля над ним, а также вопросы прав собственности на такой космический объект решаются на основе соответствующих международных договоров.

Конвенцией о регистрации 1975 г. оговариваются случаи запуска космических объектов двумя или более странами. Однако ситуация может стать более сложной, если, например, в космосе или на Луне будет сооружаться станция несколькими государствами, но при этом запускающим является одно государство, аппаратура создана и изготовлена другим, а экипаж космического корабля включает граждан третьих государств. В таких случаях по ст. II Конвенции все государства совместно определяют, которое из них регистрирует объект.

В качестве примера здесь можно привести Международную космическую станцию гражданского назначения, сооружаемую на околоземной орбите несколькими запускающими государствами. П. 1 ст. 5 Соглашения относительно сотрудничества на международной космической станции гражданского назначения от 29 января 1998 г. устанавливает, что «в соответствии со Статьей II Конвенции о регистрации каждый Партнер регистрирует в качестве космических объектов предоставляемые им орбитальные элементы...»

Хотя, при осуществлении иного международного проекта, по соглашению Сторон, в качестве государства регистрации может выступить и одно из запускающих государств.

Следует особо отметить, что в соответствии со ст. II Договора по космосу 1967 г., ни одно государство не будет предъявлять правовых притязаний на суверенитет над территорией небесного тела. Однако согласно ст. VIII этого же Договора, государство сохраняет свои права собственности над имуществом на небесных телах, а также юрисдикцию над персоналом станции, прибывшим для обслуживания станции и проведения научных исследований. Таким образом, размещение на поверхности небесного тела или в его недрах одним из государств космического объекта никоим образом не означает распространения данным государством своего суверенитета на занимаемую территорию.

Приведенные положения основополагающего международно-правового акта о космической деятельности – Договора по космосу 1967 г. полностью воспроизводятся в нормах отечественного Закона о космической деятельности.

Так, Закон устанавливает, что Российская Федерация сохраняет юрисдикцию и контроль над зарегистрированными в ней космическими объектами во время их нахождения в космосе или на небесных телах (п. 2 ст. 17). Права собственности на космические объекты Российской Федерации во время их пребывания в космосе или на небесных телах остаются незатронутыми, если иное не предусмотрено международными договорами РФ (п. 3 ст. 17).

Здесь же отмечается, что права по юрисдикции и контролю над космическим объектом, а также права собственности на такой объект не затрагивают правового статуса занимаемой им зоны (участка) космического пространства, поверхности или недр небесного тела (п. 5 ст. 17 Закона РФ о космической деятельности).

Как и ст. IX Договора по космосу, ст. 8 (п. 3) Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г. предписывает государствам действовать на Луне таким образом, чтобы «не создавать помех для деятельности» других государств – участников Соглашения.

Перед создателями обитаемой научной базы возникнет множество сложнейших проблем, и, прежде всего проблема жизнеобеспечения космонавтов и обитателей первого лунного поселения [134]. Однако немалое значение будут иметь и правовые проблемы, которые станут при сооружении на Луне научно-исследовательских станций.

Статья 9 Соглашения о Луне 1979 г. предусматривает право государств-участников создавать на Луне «обитаемые и необитаемые станции», однако при условии, что они будут использовать только такую площадь, которая необходима для обеспечения потребности станции. При этом они «немедленно информируют Генерального секретаря ООН о месторасположении и целях этой станции». В дальнейшем с интервалами в один год соответствующее государство информирует Генерального секретаря также и о том, продолжается ли использование станции, и изменились ли ее цели.

Пункт 2 ст. 9 Соглашения о Луне устанавливает требование располагать станции таким образом, чтобы не препятствовать свободному доступу персонала, аппаратов и другого оборудования «во все районы Луны в соответствии с положениями настоящего Соглашения или статьи I Договора по космосу». В случае, если деятельность на станции все же создаст какие-либо помехи для другого государства, вступает в действие ст. 15 (п. 2 и 3), предусматривающая проведение консультаций между двумя заинтересованными государствами, в которых может принять участие любой другой участник Соглашения.

Представляется, что положение об обязанности не препятствовать свободному доступу во все районы Луны особенно важно, если на Луне функционирует обитаемый космический объект. Для персонала станции или научной лаборатории площадь, необходимая «для обеспечения потребностей этой станции», может иметь существенное, жизненно-важное значение. Можно предположить, например, когда в определенном районе Луны расположены запасы необходимых для данной станции ресурсов. В таких районах могут располагаться и наиболее удобные стартовые площадки для возвращения на Землю либо приема объектов, прилетевших с Земли.

В будущем, когда деятельность на лунных станциях станет регулярной и достаточно активной, может встать вопрос о целесообразности выделения в случае необходимости дополнительной площади вокруг или вблизи этих станций, на которую будет распространяться определенная юрисдикция государства регистрации. Такая необходимость может диктоваться рядом причин. Возможна ситуация, при которой эта площадь нужна для обеспечения безопасности космического объекта и его персонала. Так, может возникнуть необходимость вывести людей в аварийных случаях или при проведении особо опасных экспериментов, может потребоваться дополнительная площадь для того, чтобы временно сложить часть материалов, подготовленных для отправки на Землю. Вероятны и другие причины для выделения дополнительных площадей, которые кандидат юридических наук Василевская (Жукова) Э.Г. назвала «зонами безопасности» [135].

Следует отметить, что создание вокруг космических объектов, находящихся на небесных телах таких зон в нормах международного космического права не предусмотрено.

Вместе с этим, такие зоны безопасности уже предусмотрены в Законе РФ о космической деятельности, что следует признать положительным результатом проводимой в Российской Федерации законотворческой деятельности.

Так, согласно абз.2 п. 5 ст. 17 Закона РФ о космической деятельности, в непосредственной близости от космического объекта Российской Федерации в пределах зоны, минимально необходимой для обеспечения безопасности космической деятельности могут устанавливаться правила, обязательные для российских и иностранных организаций и граждан.

Об установлении такой зоны государства оповещаются заранее. Такие зоны, должны, по аналогии с морским правом (ст. 260 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. – «Зоны безопасности» [136]), иметь «разумные размеры» и не создавать помех для нормального и безопасного функционирования станций и персонала других стран, как это предусматривается в соответствующих статьях Договора по космосу и Соглашения о Луне.

По данному вопросу Э.Г. Василевская отмечала в своих работах, что «при этом права, вытекающие из юрисдикции и контроля над такими объектами, не следует понимать расширительно. Они должны осуществляться в пределах, необходимых для существования и функционирования пилотируемого объекта».

По-видимому, при определении правового режима таких зон значительную роль будет иметь принцип взаимности. В этих зонах государство регистрации должно пользоваться определенными властными полномочиями по юрисдикции и контролю над любым объектом и его экипажем, попадающим в эту зону. Посещение их не может быть произвольным и должно регламентироваться специальными нормами, подобными тем, которые регулируют порядок посещения самих станций.

§ 2. Развитие понятия небесного тела и его правового положения.

Различные правовые документы в области космической деятельности, принимаемые с момента зарождения космического права, неоднократно используют понятие «небесное тело». Вместе с этим, как показывает их комплексный всесторонний анализ, ни один из принимаемых правовых актов, в том числе и отечественных, пока еще не дал четкого определения данного правового понятия. Такое существующее на сегодняшний день положение следует признать существенной недоработкой, так как имеющийся пробел в космическом праве в самое ближайшее время при дальнейшей активизации освоения небесных тел может стать причиной различных толкований одних и тех же правовых положений и терминов. В связи с этим не исключается возможность возникновения разногласий и противоречий между субъектами международного космического права при осуществлении ими космической деятельности по освоению небесных тел.

Для того, чтобы уяснить, какой смысл вкладывается в понятие «небесное тело» в документах космического права, проведем анализ некоторых его норм.

Так, в п. 1 ст. 1 Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. говорится, что «положения настоящего Соглашения, относящиеся к Луне, применяются также к другим небесным телам Солнечной системы, помимо Земли, за исключением тех случаев, когда вступают в силу конкретные правовые нормы в отношении любого из этих небесных тел». Далее, п. 3 этой же статьи названного Соглашения говорит о том, что «настоящее Соглашение не применяется к вземным материалам, которые достигают поверхности Земли естественным путем».

Из всего сказанного следует сделать вывод, что Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г. под небесным телом понимает весь без исключения естественный природный вземной материал, находящийся в космическом пространстве в пределах Солнечной системы.

Таким образом, исходя из норм Соглашения о Луне, под данное понятие подпадает все вещество естественного происхождения, находящееся в космическом пространстве, что с правовой точки зрения, по нашему мнению, нельзя признать правильным.

Представляется, что приведенное выше определение понятия небесного тела является скорее астрофизическим, а не правовым. Определение же правового понятия нуждается в развитии и совершенствовании.

Рассматривая историю развития данного вопроса, следует отметить, что еще до принятия Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 г., доктор юридических наук профессор Жуков Г.П. в 1966 г. говорил о необходимости градации вземного вещества, находящегося в космическом пространстве с целью дифференциации правового режима данного вещества. Так, он отмечал, что «принципы космического права должны в равной степени распространяться на все небесные тела, пригодные для освоения и использования. Что касается микрометеоритов, метеоритов мелких размеров, а также комет, то они с точки зрения международно-правового регулирования с большим основанием могут быть отнесены к космическому пространству» [137].

Проведем исторический анализ определений понятия «небесное тело», которые разрабатывались в науке космического права.

«Существенным элементом юридического определения небесного тела, - подчеркивал аргентинский юрист М. Васкес, - является его возможность быть объектом права» [138]. Польский юрист М. Ляхс, отмечая, что небесное тело – это часть космического пространства, писал, что термин «небесное тело» принимается как всеобъемлющее определение для многих твердых тел в космическом пространстве» [139].

«С точки зрения космического права, - указывал венгерский юрист Д. Гал, - небесные тела – это Луна и планеты, их луны, астероиды (или планетоиды) нашей Солнечной системы, которые пригодны для посадки космических кораблей с экипажем или без экипажа, имеют естественное происхождение и не могут быть сдвинуты со своей небесной орбиты» [140]. Юриста, по мнению Д. Гала, интересует только сфера, где может осуществляться деятельность, регулируемая нормами права: Меркурий, Венера, Марс со спутниками Фобосом и Деймосом, Луна, а также множество астероидов. «С точки зрения космического права, - пишет Д. Гал, - к небесным телам следует отнести только те астероиды, которые пригодны для посадки, хотя с астрономической точки зрения все астероиды, несомненно, небесные тела» [141].

Известный интерес представляет следующее определение небесного тела, выработанное в 1964 г. Рабочей группой, созданной в рамках Международного института космического права: «Небесные тела – это естественные объекты в космическом пространстве, включая их газовые короны, которые не могут быть искусственно сдвинуты со своих постоянных естественных орбит». В дальнейшем, уже с учетом текста Договора по космосу 1967 г., определение было несколько развернуто: «Небесными телами по смыслу Договора по космосу являются все естественные объекты в космическом пространстве в пределах Солнечной системы, использование которых государством или группой государств не должно изменить их естественных орбит или их поглотить» [142].

Это последнее определение в большей степени отражает господствующие в доктрине космического права концепции. Как можно видеть, одной из характерных черт использования небесного тела считается такое их использование, в результате которого не изменяется их естественная орбита. Включается также и момент поглощения небесного тела. Указанные два момента выработанного Рабочей группой определения, на наш взгляд, недостаточно четко отражают все необходимые признаки понятия небесного тела, и сами по себе требуют определения.

В частности, что это за небесные тела, орбиты которых можно или нельзя изменять? По-видимому, речь здесь идет о мелких астероидах и метеорных телах. Но если так рассуждать, то следует иметь в виду, что с дальнейшим прогрессом науки и техники человечество сможет изменять орбиты небесных тел все большего размера. Возможно, в будущем человечество решит, что в интересах его развития все же целесообразно изменить их орбиты. В таком случае встает проблема правовых последствий такой деятельности. Представляется, что действия, правовая природа которых пока не выяснена, не должны включаться в качестве признака в разрабатываемое определение понятия.

Болгарский юрист Марко Марков под термином «небесное тело» предлагал считать любой естественный космический объект, который пригоден для освоения человеком и использование которого можно контролировать научными и техническими средствами [143]. Однако, в этом довольно удачном определении отсутствует указание на задачи и цели, которые ставят перед собой государства при исследовании и освоении небесных тел, а также то, какое именно освоение имеет в виду М. Марков (создание на таком объекте обитаемой станции или тотальное его использование в качестве строительного материала).

В своем определении понятия «небесного тела» профессор Г.П. Жуков отмечал, что исходя из международных документов «под небесными телами имеются в виду естественные космические тела определенной величины с твердой поверхностью» [144].

По-видимому, включая в свое определение признак «твердой поверхности» автор хотел подчеркнуть, что такие небесные тела, как Солнце и кометы не охватываются определением небесного тела с юридической точки зрения. Но в таком случае как быть с такими планетами-гигантами Солнечной системы, как Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун, которые под данное Г.П. Жуковым определение по объективным причинам не подпадают. У названных четырех планет средняя плотность их вещества очень мала – близка к плотности воды, а у Сатурна даже ниже (0,7) [145]. Однако ни у кого не вызывает

сомнений в том, что это именно небесные тела (хотя и не имеющие твердой поверхности) как с астрофизической, так и с правовой точки зрения. В определении, данным Г.П. Жуковым неясным остается и признак «определенной величины», сам по себе еще нуждающийся в определении.

Один из ведущих российских юристов работающих в области космического права Э.Г. Василевская в своих работах писала следующее: «Представляется, что наиболее существенный момент в определении понятия «небесное тело» состоит в том, что оно является объектом деятельности государств, осуществляемой в мирных целях и направленной на расширение знаний о Вселенной» [146]. Она же сформулировала следующее научное определение правового понятия «небесное тело»: «Космическое право понимает под небесными телами естественные необитаемые космические тела, которые государства вправе использовать исключительно в мирных целях» [147]. И здесь, сказанное Э.Г. Василевской не отражает тех признаков, которые должны содержаться в понятии небесного тела.

Во-первых, «объектом деятельности государств, осуществляемой в мирных целях и направленной на расширение знаний о Вселенной» может быть любой объект природного происхождения, находящийся в космическом пространстве, в том числе и метеорные тела. Что же касается выделенного ею признака «необитаемые», то на наш взгляд, в случае обнаружения признаков жизни на каком-либо небесном теле, в том числе и разумной, космическая деятельность человека в отношении такого небесного тела, наряду с другими нормами, будет регламентирована специальными нормами – *lex specialis*, выработанными применительно для таких случаев. Но исключать такие небесные тела из категории небесных тел в юридическом смысле, на наш взгляд, неправомерно.

В чем же заключается важность разграничения астрономического и правового понятий небесного тела?

Статья II Договора по космосу 1967 г. и п. 2 ст. 11 Соглашения о Луне 1979 г. запретили какое бы то ни было национальное присвоение Луны и других небесных тел.

В соответствии с п. 3 ст. 11 Соглашения о Луне, «поверхность или недра Луны, а также участки ее поверхности или недр или природные ресурсы там, где они находятся, не могут быть собственностью какого-либо государства, международной, межправительственной или неправительственной организации, национальной организации или неправительственного учреждения или любого физического лица. Размещение на поверхности Луны или в ее недрах персонала, космических аппаратов, оборудования, установок, станций и сооружений, включая конструкции, неразрывно связанные с ее поверхностью или недрами, не создает права собственности на поверхность или недра Луны или их участки». При этом же, согласно п. 2 ст. 6 этого же Соглашения, «при проведении научных исследований в соответствии с положениями настоящего Соглашения государства-участники имеют право собирать на Луне образцы минеральных и других веществ и вывозить их с Луны. Такие образцы остаются в распоряжении тех государств-участников, которые обеспечили их сбор, и могут использоваться ими для научных целей».

Однако предположим, что государство, при осуществлении им исследовательской деятельности в космическом пространстве обнаружило самостоятельный космический объект природного происхождения относительно небольших размеров – метеорное тело, либо мелкий астероид. Вещество, из которого состоит такой обнаруженный природный объект может представлять существенный интерес для государства - исследователя космоса и всего человечества как в научных, так и в исключительно прикладных целях. Государство - исследователь могло бы воспользоваться правом на сбор образцов минеральных и других веществ и правом их вывоза (п. 2 ст. 6 Соглашения). Принимая во внимание сравнительно небольшие размеры обнаруженного объекта, при определенном уровне развития космической техники транспортировка данного природного объекта в

конкретное место для стационарного изучения, исследования и разработки вплоть до использования всего материала объекта не представит особого труда.

Но, захват последнего противоречил бы требованиям ст. II Договора по космосу 1967 г. и ст. 11 Соглашения о Луне 1979 г., приведенные нормы станут правовым препятствием транспортировки обнаруженного объекта целиком к месту его разработки и эксплуатации. Ведь другие государства уже не смогут воспользоваться таким же правом по объективным причинам. Такое положение вещей будет иметь место в случае, если астрофизическое и правовое понятия небесного тела будут полностью совпадать, а, следовательно, правовой режим небесных тел будет в полном объеме распространяться на все внеземное вещество, находящееся в космическом пространстве. Кроме того, подобное ограничение с неизбежностью станет препятствием для поступательного развития науки и космических технологий, так как возможность повторной встречи в неизмеримых просторах космоса с интересующим объектом небольших размеров была бы почти равна нулю.

Если руководствоваться ныне существующим положением вещей в аспекте их правового регулирования, то такой находящийся в космическом пространстве природный объект следует признать небесным телом независимо от его размеров, от того, находится ли он на постоянной орбите, или «блуждает» в пространстве, а также от степени его пригодности для постоянного использования и исследования.

Что следует понимать под степенью пригодности естественного природного объекта для его постоянного исследования и использования?

Прежде всего, это потенциальная возможность его длительной, а не разовой эксплуатации и использования. Далее, данный объект должен быть пригоден для размещения на его поверхности либо на его орбите обитаемой исследовательской станции.

Так как согласно ст. I Договора по космосу 1967 г., «исследование и использование космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, осуществляются на благо и в интересах всех стран, независимо от степени их экономического или научного развития, и являются достоянием всего человечества», действия государства – исследователя космоса не должны ущемлять прав и интересов других государств.

Поэтому представляется, что такой природный объект должен быть признан не пригодным для его постоянного исследования и использования, в т.ч. и для длительной эксплуатации его природных ресурсов.

В связи с изложенным, по мнению автора, в качестве основного признака, определяющего правовое понятие «небесное тело» следует рассматривать параметры гравитационного поля (гравитацию, силу притяжения, тяготения), дающего возможность организации на поверхности данного природного объекта (либо на его орбите) обитаемой станции для осуществления длительного пребывания и активной деятельности человека.

В обоснование данного положения представляется возможным привести следующие доводы: как уже отмечалось в работе, космос (межпланетное пространство) – это среда, в которой из всех сил природы, действующих на летательный аппарат, главной является сила притяжения небесных тел [148]. Теория притяжения, краеугольным камнем которой является закон всемирного тяготения Ньютона, позволяет количественно оценивать силы притяжения различных материальных тел. Материальные точки имеют свойство притягивать друг друга. Согласно закону всемирного тяготения И. Ньютона, «всякие две материальные точки притягивают друг друга с силой, прямо пропорциональной произведению масс этих точек и обратно пропорциональной квадрату их взаимного расстояния» [149]. Таким образом, гравитация (сила тяготения) – это фундаментальное свойство материи, которое характеризует массу и (в большинстве случаев - для плотных образований) размеры объекта. Все тела Солнечной системы притягивают друг друга [150].

Так, при передвижении в межпланетном пространстве небесные тела, обладающие существенными гравитационными полями, оказывают на космический аппарат возмущающие воздействия. Силы тяготения уже используются в космической баллистике при расчете траекторий полета для осуществления гравитационных маневров, с целью ускорения или торможения. Вместе с тем незначительными силами притяжения, которые образуются сравнительно небольшими телами и не оказывают серьезного влияния на космические объекты, при расчете траекторий межпланетных полетов можно пренебречь [151].

Уровень гравитации оказывает большое влияние и на выбор принципа передвижения и конструкции космического аппарата, функционирующего на поверхности какого либо небесного тела (планетохода). Ведь если небесное тело имеет очень малые размеры и массу (как, например, спутники Марса: Фобос в поперечнике – 16 км, Деймос – 8 км), то маневр посадки на него будет напоминать скорее маневр сборки, стыковки [152].

К примеру, на Фобосе ускорение свободного падения в 300 раз меньше, чем на Луне [153] и почти в 1800 раз меньше, чем на поверхности Земли. Это определяет конструкцию разрабатываемых космических аппаратов, предназначенных для передвижения на поверхности таких небесных тел при сверхнизкой силе тяжести.

Показательным примером учета и практической реализации показателей гравитации является создание подвижного, прыгающего автоматического зонда для изучения поверхности Фобоса - «ПрОП-Ф», разработанного в 1986 г. в отечественном ВНИИ-100 (в настоящее время – ОАО «ВНИИТрансмаш», г. Санкт-Петербург) [154].

В этом отношении отечественный ученый Г.Г. Поляков пишет следующее: «По-видимому, сооружение большого космического поселения на поверхности астероида нецелесообразно из-за малой силы тяжести на нем» [155].

Рассмотрим пример. Так, на астероиде Гермес, имеющем в поперечнике около 1 км ничтожная гравитация: расчеты показывают, что сила тяжести на нем приблизительно в 10.000 раз меньше, чем на Земле, т.е. практически отсутствует. Находящийся на Гермесе космонавт в скафандре при неосторожном движении мог бы преодолеть силу притяжения и, оторвавшись от поверхности астероида, улететь в межпланетное пространство [156]. В связи с этим, представляется довольно проблематичным оборудование на поверхности Гермеса обитаемой станции.

Бесспорно, имеется возможность использования и мелких природных объектов, находящихся в космическом пространстве (астероидов, метеорных тел), например, в качестве сырья, строительного материала, транспортного средства и т.п. Но это использование может быть лишь разовым, однократным, а не длительным, при определенных условиях ведущее к прекращению существования такого объекта по причине его полной выработки.

Краффт А. Эрике в отношении подобного использования писал следующее: «Возникает вопрос о возможном использовании астероидов для будущих межпланетных путешествий. ...если бы удалось найти астероид для путешествия на Марс или Юпитер, то его можно было бы использовать только один раз» [157].

Гермес нами приведен лишь в качестве примера и как свидетельство того, что не каждый естественный объект, находящийся в космическом пространстве пригоден для его постоянного стационарного исследования и использования. Здесь имеется в виду размещение на таком объекте либо на его орбите обитаемых исследовательских или иных станций. Подобные объекты в силу своих размеров годятся для их использования лишь в качестве сырья, материалов, то есть для использования разового. А ведь между орбитами Марса и Юпитера вращаются тысячи природных тел, далеко не достигающих по своим размерам и массе таких же параметров Гермеса.

Само собой разумеется, что в силу небольших размеров и мизерной гравитации ни на поверхности таких тел, ни на их орбитах невозможно оборудовать обитаемую исследовательскую станцию. Кроме того, транспортировка такого природного объекта к

месту его разработки (находящегося, например, на орбите одной из планет Солнечной системы) никоим образом не будет ущемлять прав других государств в области освоения и использования ресурсов космоса. При наличии в космосе достаточного количества других подобных естественных объектов, они вполне смогут воспользоваться такой же возможностью.

Следовательно, необходимо разграничить понятия небесного тела в астрофизическом и правовом смысле. Для последнего будет в полной степени действовать весь режим ограничений прав, предусмотренный действующими международными актами. Внеземное же вещество, находящееся в космическом пространстве, не подпадающее под правовое понятие небесного тела, по убеждению автора, должно иметь иной правовой режим, например, аналогичный правовому режиму космического пространства в целом, либо с определенными особенностями.

Недалек тот день, когда человечество начнет активную разработку природных ресурсов Луны, планет и других небесных тел Солнечной системы. Именно благодаря активному использованию ресурсов космоса человек сможет решить назревшую энергетическую проблему, проблему природных ресурсов. Эксплуатация ресурсов космоса позволит человечеству развиваться, не причиняя ущерба колыбели человечества – Земле.

По правилам науки логики, для формулирования понятия необходимо выделить существенные признаки предмета [158]. Как известно, содержание понятия представляет собой совокупность существенных признаков предмета, поэтому раскрыть содержание какого-либо понятия – значит, указать его существенные признаки. А логическая операция, раскрывающая содержание понятия, называется определением [159].

В связи с этим при разграничении астрономического и правового понятий небесного тела, при определении последнего автором предлагается выделить:

- а) небесные тела;
- б) природные ресурсы космоса.

Представляется, что в определение правового понятия «небесное тело» следует включить такие признаки как:

- этот объект не находится под суверенитетом какого-либо государства и не подлежит национальному присвоению;
- это естественный объект природного происхождения;
- данный объект должен быть пригодным для освоения и длительного (а не разового) использования;
- объект находится постоянно в Солнечной системе на орбите вокруг Солнца, либо на орбите вокруг иного небесного тела (планеты), что позволяет определить координаты его местоположения и присвоить обозначение (название, индекс) для последующей идентификации;
- объект обладает достаточной гравитацией, необходимой для оборудования на поверхности, либо на орбите такого объекта, обитаемой станции.

Итак, сгруппируем выделенные признаки и дадим системное определение правового понятия небесного тела.

Небесное тело - это не находящийся под суверенитетом какого-либо государства и не подлежащий национальному присвоению пригодный для освоения и использования естественный объект природного происхождения, расположенный в космическом пространстве на орбите вокруг Солнца, либо на орбите вокруг иного небесного тела, обладающий достаточной гравитацией, необходимой для оборудования на его поверхности или орбите обитаемой космической станции.

Таким образом, под выделенное определение правового понятия небесного тела не будут подпадать мелкие, не обладающие достаточной гравитацией астероиды, а также метеорные тела и кометы, которые, по нашему мнению, целесообразно отнести к природным ресурсам космического пространства.

Здесь же особо необходимо отметить, что не следует смешивать понятия природных ресурсов Луны и планет (небесных тел в правовом смысле) и природных ресурсов космического пространства, так как эти понятия имеют разное юридическое содержание.

Так, если правовой режим природных ресурсов небесных тел неотделим от правового режима самих небесных тел, то на природные ресурсы космического пространства должен распространяться иной правовой режим, как мы видим, отличный от правового режима небесных тел.

Что следует понимать под природными ресурсами?

Абз.14 ч.1 ст. 1 Федерального закона № 7-ФЗ от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды» определяет природные ресурсы как «компоненты природной среды, природные объекты и природно-антропогенные объекты, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность».

Таким образом, на наш взгляд, любое вземное вещество, находящееся в космическом пространстве и не подпадающее под правовое понятие небесного тела надлежит отнести к категории природных ресурсов космического пространства.

В связи с изложенным, представляется, что на настоящем этапе назрела объективная историческая необходимость в правовом определении понятия небесного тела. С этой целью, по нашему мнению, следует заключить универсальное международное соглашение, устанавливающее как определение правового понятия «небесное тело», так и иных природных объектов, находящихся в космическом пространстве.

Проведенный историко-правовой анализ позволяет сделать вывод, что в этом же международно-правовом акте необходимо провести правовую классификацию всего вземного вещества, находящегося в космическом пространстве (небесные тела и природные ресурсы космического пространства). При этом разграничительная линия между ними проводится по соглашению государств – пользователей космического пространства. Разделение естественных природных объектов на виды обеспечивается установлением в документах космического права юридических различий, характеризующих правовой режим каждого из выделенных видов природных тел. В качестве правового определения понятия «небесное тело» предлагается определение, сформулированное в пределах настоящей работы.

Правовой режим небесного тела определяет правила допустимого поведения на небесных телах. При осуществлении правовой классификации всего вземного вещества, находящегося в космическом пространстве, в этом же соглашении к каждой из выделенных разновидностей должен быть разработан свой правовой режим.

Как показывает история развития космонавтики и международного права, формирование правового положения небесных тел Солнечной системы начинается в 1959 г., в связи с осуществлением первых практических шагов, направленных на исследование и освоение небесных тел и возникшей необходимостью в определении их международно-правового режима. Тогда, 2 января 1959 г., первый в мире советский космический аппарат – АС «Луна – 1», был запущен в район Луны. Пройдя 4 января 1959 г. вблизи Луны – на расстоянии около 5000 – 6000 км от ее поверхности, автоматическая станция миновала сферу действия земного тяготения, и, выйдя на гелиоцентрическую орбиту, стала первым искусственным спутником Солнца [160].

Основы правового режима небесного тела были заложены Договором о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, подписанным 27 января 1967 г. (вступил в силу 10 октября 1967 г.) [161].

Дальнейшее свое развитие правовой режим небесного тела получил в Соглашении о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г.

Правовой режим небесных тел имеет определенную специфику, объясняющуюся, в первую очередь, их физическими особенностями.

Запущенные на небесное тело космические объекты располагаются на его поверхности либо в его недрах. Также, они могут быть «неразрывно», по терминологии Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г., связаны с их поверхностью или недрами.

Кроме того, на небесных телах возможны разработка и эксплуатация полезных сырьевых ресурсов, что при отсутствии должного правового регулирования может стать в будущем источником получения небольшой группой государств односторонних преимуществ и в силу этого – причиной серьезных разногласий и даже конфликтов.

Как устанавливает ст. IV Договора по космосу и п. 1 ст. 3 Соглашения о Луне, Луна и другие небесные тела используются «исключительно в мирных целях». Так, ст. IV Договора по космосу запрещает «создание на небесных телах военных баз, сооружений и укреплений, испытания любых типов оружия и проведение военных маневров». Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах, добавляет к этому запрещение угрозы силой или применение силы или любые другие враждебные действия, а также угрозы их совершения. Запрещается к тому же «использование Луны для совершения любых подобных действий или применения любых подобных угроз» в отношении как самой Луны, так и космических кораблей, их персонала, искусственных космических объектов, а также Земли (п. 2 ст. 3).

Деятельность, осуществляемая военным персоналом на Луне, может иметь только мирный, созидательный характер и должна быть направлена на обеспечение интересов всех государств, как это предусмотрено международными соглашениями. Любого рода враждебная деятельность военного персонала объекта на Луне в отношении иностранного космического объекта или его персонала, а также Земли будет нарушением соответствующих статей Договора по космосу 1967 г. и Соглашения о Луне 1979 г.

В связи с этим представляет интерес ситуация, которая ставилась на обсуждение членами Рабочей группы, занимающейся проблемами освоения небесных тел в рамках Международного института космического права. В докладе группы Коллоквиуму по космическому праву, состоявшемуся в октябре 1968 г. в Нью-Йорке, рассматривался вопрос о поведении персонала соседних космических станций на небесном теле в случае войны на Земле между соответствующими странами [162]. Поскольку Договор по космосу 1967 г. прямо запрещает всякую агрессивную деятельность на небесных телах, любые враждебные действия незаконны, тем более, что в Договоре подчеркивается необходимость оказания космонавтам взаимной помощи, в том числе и во время нахождения на небесных телах. Следовательно, космонавты воюющих стран, находясь на небесном теле, в соответствии с международно-правовым принципом полной демилитаризации небесных тел должны не только воздерживаться от агрессивных действий в отношении друг друга, но и при необходимости оказывать взаимную помощь и поддержку.

Хочется подчеркнуть, что ст. IV Договора по космосу и ст. 3 Соглашения о Луне означают полную демилитаризацию небесных тел подобно тому, как Договор об Антарктике от 1 декабря 1959 г. установил демилитаризацию Антарктики [163]. Так, согласно ст. I Договора об Антарктике, «1. Антарктика используется только в мирных целях. Запрещаются, в частности, любые мероприятия военного характера, такие, как создание военных баз и укреплений, проведение военных маневров, а также испытания любых видов оружия. 2. Настоящий Договор не препятствует использованию военного персонала или оснащения для научных исследований или для любых других мирных целей» [164].

Учитывая, что все положения Соглашения о Луне, в том числе и о запрещении военной деятельности, распространяются на «орбиты вокруг Луны или другие траектории полета к Луне или вокруг нее» (п. 2 ст. 1), т.е. практически на определенные районы

космического пространства, сфера их применения тем самым значительно расширяется. Таким образом, в Договоре 1967 г. и Соглашении 1979 г. четко устанавливается режим запрещения милитаризации Луны и других небесных тел, включая орбиты вокруг них и траектории полета к ним.

Из сказанного следует, что существенной особенностью правового режима небесных тел является полное запрещение их использования в немирных целях. Следует отметить, что такое запрещение на космическое пространство не распространяется [165].

Исключение военной деятельности, вытекающее из установления режима полной демилитаризации Луны и других небесных тел в соответствии со ст. IV Договора о космосе, подтверждается и иными его положениями. Имеется в виду положение ст. I, которое говорит о том, что исследование и использование небесных тел, как и космического пространства, «осуществляется на благо и в интересах всех стран».

Важнейшим элементом правового режима небесных тел является принцип свободы их исследования и использования (ст. I Договора по космосу и ст. 6 Соглашения о Луне), который может быть реализован только при условии строгого соблюдения определенных ограничений. Так, ст. III Договора по космосу и ст. 2 Соглашения о Луне, обязывают государства, осуществляющие космическую деятельность, соблюдать нормы международного права, включая Устав ООН, «в интересах поддержания международного мира и безопасности и развития международного сотрудничества и взаимопонимания». Здесь имеются в виду исключительно прогрессивные и современные нормы и принципы международного права, включая Устав ООН.

Среди основных принципов ведущее место, несомненно, принадлежит таким общепризнанным принципам современного международного права, как принципы мирного разрешения споров, невмешательства во внутренние дела государств, уважения международных обязательств и др. Эти принципы распространяются на любую деятельность на небесных телах и лежат в основе их правового режима.

Статья II Договора по космосу и ст. 11 Соглашения о Луне устанавливают принцип запрещения национального присвоения небесных тел. Так, согласно п. 2 ст. 11 Соглашения, Луна не подлежит «национальному присвоению ни путем провозглашения на нее суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами». Эти нормы положили конец спорам о принадлежности Луны, о возможностях приобретения участков на ней и т.п.

Пункт 3 ст. 11 Соглашения о Луне 1979 г. провозглашает, что «поверхность или недра Луны, а также участки ее поверхности или недр или природные ресурсы там, где они находятся, не могут быть собственностью какого-либо государства, международной, межправительственной или неправительственной организации, национальной организации или неправительственного учреждения или любого физического лица». Далее указанный пункт ст. 11 конкретизирует: «Размещение на поверхности Луны или в ее недрах персонала, космических аппаратов, оборудования, установок, станций и сооружений, включая конструкции, неразрывно связанные с ее поверхностью или недрами, не создает права собственности на поверхность или недра Луны или их участки».

Приняв в качестве руководящего принцип запрещения национального присвоения небесных тел, государства обязались не рассматривать свои достижения в космосе как основу для притязания на владение небесными телами.

В противном случае привилегии или преимущества, полученные одним государством или группой государств, привели бы к нарушению интересов других государств, а значит, и к нарушению соответствующих договорных норм.

С самого начала освоения космоса ведутся споры и дискуссии о порядке и правилах разработки природных ресурсов небесных тел. При этом все авторы сходятся в одном: такая деятельность не может быть абсолютно бесконтрольной и неупорядоченной.

В этом отношении при сопоставлении положений международных документов о запрещении присвоения недр и природных ресурсов небесных тел, а также о разрешении их использования вызывали и продолжают вызывать дискуссии на эту тему. Так, некоторые юристы толковали принцип запрещения национального присвоения космоса и небесных тел в самом широком смысле – как исключаящий всякие имущественные права в этих сферах [166].

Их противники при этом указывали, что вообще без каких-либо имущественных прав на недра и природные ресурсы было бы нельзя организовать экономическую деятельность и разработку ресурсов небесных тел.

По мнению профессора В.М. Постышева, присвоение – понятие чрезвычайно емкое, отражающее не только правовые явления, но и явления материальные, базисные. Поэтому запрещение всякого присвоения природных ресурсов соответствующих пространств было бы равнозначно запрещению их использованию и эксплуатации, что, на его взгляд, вряд ли приемлемо для подавляющего большинства государств. С такой точки зрения, - продолжает В.М. Постышев, и следует рассматривать ст. 11 Соглашения о Луне, в которой Луна и ее природные ресурсы объявляются общим наследием человечества. В п. 2 ст. 11 (как и в ст. II Договора по космосу), имеется в виду присвоение в публично-правовом смысле, то есть распространение на поверхность Луны и ее недра суверенитета, юрисдикции или постоянных исключительных прав государств. Такое присвоение запрещено, поскольку оно означало бы раздел Луны и ее ресурсов в ущерб принципу свободы исследования и использования космоса. В.М. Постышев отмечает, что в п. 3 ст. 11 Соглашения о Луне говорится о присвоении в частно-правовом смысле, о гражданско-правовых правах, необходимых для любой экономической деятельности. В этой норме, однако, ничего не говорится о добытых ресурсах и лишь отмечается, что «вышеизложенные положения не наносят ущерба международному режиму, упомянутому в п. 5 настоящей статьи», то есть режиму их эксплуатации. Это, как утверждает Постышев В.М., свидетельствует, по крайней мере, о том, что государства не намеревались установить запрет на присвоение добытых ресурсов и, в частности, на обращение их в собственность тех государств или хозяйственных организаций, которые обеспечили их добычу [167].

В п. 1 ст. 11 Соглашения 1979 г. установлено, что «Луна и ее природные ресурсы являются общим наследием человечества».

Хотя Соглашение о Луне не содержит определения либо толкование понятия «общее наследие человечества», ст. 11 в определенной степени раскрывает его содержание. Так, провозглашается, что государства исследуют и используют Луну «без какой бы то ни было дискриминации на основе равенства и в соответствии с международным правом и положениями настоящего Соглашения» (п. 4). За общим запрещением национального присвоения Луны (п. 2) следует положение, которое предусматривает, что «размещение на поверхности Луны или в ее недрах персонала, космических аппаратов, оборудования, установок, станций и сооружений, включая конструкции, неразрывно связанные с ее поверхностью или недрами, не создает права собственности на поверхность или недра Луны или их участки» (п. 3). Вместе с тем образцы минеральных и других веществ, которые в соответствии со ст. 6 Соглашения государства имеют право собирать на Луне и вывозить с Луны, остаются в распоряжении собравших их государств, которые могут использовать их для научных целей. Эти вещества могут также использоваться для поддержания жизнедеятельности лунных экспедиций «в необходимых для этой цели количествах».

Право собственности государства сохраняют лишь на свои космические объекты, оборудование, установки, станции и сооружения на Луне (п. 1 ст. 12).

Соглашение о Луне устанавливает, что каждое заинтересованное государство – участник вправе осуществлять свою деятельность «в любом месте поверхности или недр Луны» (п. 1 ст. 8). Далее в статье раскрывается смысл этого общего положения:

государства вправе осуществлять посадку своих космических объектов на Луне и их запуск с Луны; размещать свой персонал, аппараты, оборудование, установки, станции и сооружения в любом месте поверхности или ее недр. При этом как персонал, так и все перечисленные аппараты, оборудование и станции могут там «свободно передвигаться или быть перемещены...» (п. 2).

Предоставляя государствам такие возможности, Соглашение обязывает его участников осуществлять свои действия так, чтобы не создавать помех для деятельности, проводимой на Луне другими государствами, а также осуществлять все другие положения Соглашения (п. 3 ст. 8).

Говоря о дальнейшем развитии правового положения небесных тел Солнечной системы, хочется особо отметить, что оно имеет множество общих черт с правовым режимом Антарктики. Об этом, в частности высказалась Почетный президент Международного института космического права Е. Галлоуэй, выступая в 1997 г. на семинаре в Альбахе (Австрия) [168].

К существенным различиям рассматриваемых режимов следует отнести лишь то, небесные тела не подлежат национальному присвоению, а в Антарктике же принцип «неприсвоения» не устанавливался, т.к. Договор об Антарктике от 1 декабря 1959 г. «заморозил» вопрос о территориальных притязаниях государств [169].

Так, в соответствии с п. 1 ст. IV Договора об Антарктике, «Ничто содержащееся в настоящем Договоре не должно толковаться как: а) отказ любой из Договаривающихся Сторон от ранее заявленных прав или претензий на территориальный суверенитет в Антарктике; б) отказ любой из Договаривающихся Сторон от любой основы для претензии на территориальный суверенитет в Антарктике или сокращение этой основы, которую она может иметь в результате ее деятельности или деятельности ее граждан в Антарктике или по иным причинам; с) наносящее ущерб позиции любой из Договаривающихся Сторон в отношении признания или непризнания ею права или претензии, или основы для претензии любого другого государства на территориальный суверенитет в Антарктике».

Комментируя ст. IV Договора об Антарктике от 1 декабря 1959 г., В.В. Голицын отмечает: «Договор об Антарктике – наглядный пример того, что даже те проблемы, которые выглядят на первый взгляд почти неразрешимыми, могут быть успешно решены, если заинтересованные государства проявят к этому подлинное стремление» [170].

Международно-правовой режим Антарктики, установленный в 1959 г. названным Договором и рядом других международных соглашений, действует на протяжении уже почти 50 лет, и при этом принятые государствами принципы взаимоотношений за истекший период не вызвали каких-либо разногласий, международных споров. В связи с этим, по нашему мнению, при разработке новых правовых положений, развивающих режим небесных тел, в качестве примера, по аналогии, можно рассматривать отдельные нормы международно-правовых актов об Антарктике.

Условием успешного исследования и освоения небесных тел является принцип международного сотрудничества государств – исследователей космоса.

5 июля 2002 г. Российское авиационно-космическое агентство и Информационное агентство ИТАР-ТАСС провели пресс-конференцию для представителей отечественных и иностранных средств массовой информации по теме «Проект пилотируемого полета на Марс». В ходе данной пресс-конференции выступили ведущие научные специалисты космической отрасли России. Они сообщили, что при нынешних темпах развития ракетно-космической техники с использованием современных научных исследований и разработок человечество сможет совершить пилотируемый полет на Марс к концу следующего десятилетия. По их заявлению, успех проекта обеспечит международная кооперация, которая предполагает сложение не только финансовых, но и интеллектуальных ресурсов.

На пресс-конференции было также отмечено, что технические средства для создания марсианского корабля могут быть разработаны за 10 лет в случае

своевременного и ритмичного финансирования, которое в Исследовательском центре им. В.М. Келдыша оценивается в 20 млрд. долларов США, при условии, что доля России составит 30 %. При таких условиях возможен реальный срок экспедиции на Марс в 2014 – 2015 гг. [171]

Как в свое время отметил болгарский юрист Г. Панкин, международное сотрудничество имеет значение и с правовой точки зрения. Оно будет способствовать развитию космического права [172]. Поэтому в освоении космоса принцип международного сотрудничества, являющийся одним из основных принципов международного права, играет особую роль. При этом под международным сотрудничеством в области исследования и использования космического пространства, Луны и других небесных тел следует понимать всю совокупность юридических, экономических, научных и научно-технических усилий государств, направленных на обеспечение интересов всего человечества [173].

Так, в ст. IX Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. отмечается, что «при исследовании и использовании космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, государства – участники Договора должны руководствоваться принципом сотрудничества и взаимной помощи и должны осуществлять всю свою деятельность в космическом пространстве, включая Луну и другие небесные тела, с должным учетом соответствующих интересов всех других государств – участников Договора».

Соглашением о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 года также предусматривается развитие широкого международного сотрудничества.

По ст. 2 этого Соглашения вся деятельность на Луне осуществляется, в частности, в целях «поощрения международного сотрудничества и взаимопонимания...». Указанное положение развивается в ст. 4, в которой говорится, что государства во всей своей деятельности, связанной с исследованием и использованием Луны, руководствуются принципом сотрудничества и взаимопомощи. Такое сотрудничество, подчеркивается далее, должно быть как можно более широким и может осуществляться на многосторонней, на двусторонней основе, или через международные межправительственные организации.

Этому же аспекту деятельности на поверхности небесного тела посвящен п. 3 ст. 6 Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах, в соответствии с которым «государства – участники признают желательным проведение в максимально возможной и практически осуществимой степени обмена научным и другим персоналом между экспедициями на Луну или сооружениями на ней» [174].

В отечественном Законе о космической деятельности вопросам правового регулирования международного сотрудничества Российской Федерации в области космической деятельности посвящен ряд норм, содержащихся в разделе VI. Так, ст. 28 данного Закона предписывает, что организации и граждане Российской Федерации, принимающие участие в осуществлении международных проектов в области космической деятельности, заключают договоры с иностранными организациями и гражданами в соответствии с законодательством РФ, если иное не предусмотрено этими договорами (п. 1 ст. 28). В случае коллизии норм законодательства Российской Федерации и законодательства иностранного государства, применимых к космической деятельности с участием организаций и граждан РФ, действует отечественное законодательство, если иное не предусмотрено международными договорами Российской Федерации (п. 2 ст. 28).

Абзац 7 п. 3 ст. 5 Закона Российской Федерации о космической деятельности относит координацию вопросов международного сотрудничества РФ в области космической деятельности, а также контроль за разработкой и реализацией международных космических проектов России к компетенции Правительства РФ. В

соответствии же с абз. 14 ч. 2 ст. 6 Закона РФ о космической деятельности, непосредственную деятельность по взаимодействию с организациями других государств, а также с международными организациями по вопросам космической деятельности, по заключению международных договоров проводит федеральный орган исполнительной власти Российской Федерации по космической деятельности – Федеральное космическое агентство.

Полномочия ФКА в области международного сотрудничества определены в нормах Положения о Федеральном космическом агентстве. Так, реализуя свои полномочия в рассматриваемой сфере, Федеральное космическое агентство:

- взаимодействует с организациями других государств, а также с международными организациями по вопросам космической деятельности, заключает в установленном порядке соответствующие международные договоры (п. 5.3.12);
- участвует в проведении работ по международной стандартизации космической техники (п. 5.3.16);
- обеспечивает координацию и осуществление сотрудничества с иностранными государствами в рамках соглашений о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях (п. 5.3.18);
- заключает в установленном порядке соглашения (договоры) с зарубежными партнерами, в том числе касающиеся выполнения на коммерческой основе международных космических программ и проектов (п. 5.3.19);
- в установленном порядке взаимодействует с органами государственной власти иностранных государств и международными организациями в установленной сфере деятельности (п. 5.8).

Одним из элементов сотрудничества государств в проведении космической деятельности является спасание космонавтов и возвращение космических объектов.

Как и иные положения отечественного законодательства, правила, регулирующие деятельность по спасанию космонавтов основываются на нормах международных договоров Российской Федерации в области космоса.

В декабре 1967 г. XXII сессия Генеральной Ассамблеи ООН одобрила Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство. 22 апреля 1968 г. Соглашение было подписано большим числом государств и вступило в силу 3 декабря 1968 г. [175]

Согласование и принятие этого Соглашения стало новым шагом вперед на пути создания системы космического права и расширения сотрудничества между государствами.

Соглашение развивает принцип, установленный ст. V Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г., о необходимости оказывать всемерную помощь космонавтам в случае аварии, бедствия или вынужденной посадки, возвращении и безопасности космонавтов и объектов, запущенных в космическое пространство. В ст. 1 Соглашения о спасании 1968 г., перечисляющей возможное местонахождение экипажа космического корабля, потерпевшего аварию, бедствие или совершившего вынужденную и непреднамеренную посадку, говорится о любом месте, «не находящемся под юрисдикцией какого-либо государства».

Таким местом, помимо Земли, могут быть космическое пространство или небесные тела. Подобная формулировка содержится также в ст. 3, 4 и 5 Соглашения о спасании. В частности, ст. 3 этого Соглашения устанавливает, что если получены сведения, что экипаж космического корабля опустился в открытом море или в другом месте, не находящимся под юрисдикцией какого-либо государства, то те Договаривающиеся Стороны, которые в состоянии сделать это, окажут в случае необходимости помощь в осуществлении операций по поискам и спасанию такого экипажа в целях обеспечения его быстрого спасания. Они будут информировать власти,

осуществившие запуск, а также Генерального секретаря ООН о принимаемых ими мерах и о достигаемых результатах.

Тому же содействует оговоренная ст. V Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, обязанность государств незамедлительно информировать друг друга «об установленных ими явлениях» на Луне или других небесных телах, представляющих «опасность для жизни и здоровья космонавтов». Эта же статья Договора 1967 г. говорит об обязанности космонавтов, осуществляющих деятельность на небесных телах, оказывать друг другу возможную взаимную помощь.

Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах обязывает государства принимать «все возможные меры для охраны жизни и здоровья лиц, находящихся на Луне», рассматривая «любого человека, находящегося на Луне», как космонавта по смыслу Договора по космосу и Соглашения о спасании космонавтов.

«Терпящим бедствие лицам, находящимся на Луне», государства обязаны предоставить право укрытия на своих станциях и других установках (ст. 10 Соглашения о Луне). В чрезвычайных случаях, связанных с угрозой для жизни человека, государства вправе воспользоваться аппаратами, сооружениями или запасами других государств на Луне (п. 3 ст. 12).

Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство 1968 г. учло различные непредвиденные обстоятельства, с которыми могут столкнуться лица на борту космического корабля во время полета. Обо всех нештатных ситуациях экипаж космического корабля, несомненно, постарается информировать Землю с помощью радио. Как правило, такие сигналы будут приниматься станциями слежения запускающего государства. Однако не исключено, что в отдельных случаях сигнал бедствия может быть принят гораздо раньше радиостанциями других государств.

Регламент радиосвязи 1979 г. содержит подробные положения относительно использования в случаях бедствия и аварии пилотируемых космических кораблей. Для осуществления операций по их спасанию выделены специальные радиочастоты, по которым передаются сигналы бедствия. Эти сигналы должны указывать, что экипажу космического корабля грозит опасность, и он просит немедленной помощи.

Согласно ст. 25 Международной конвенции электросвязи 1973 г., «международные службы электросвязи должны предоставлять абсолютный приоритет всем сообщениям электросвязи, касающимся безопасности человеческой жизни на море, на Земле, в воздухе и в космическом пространстве». Ст. 36 этой же Конвенции обязывает радиостанции «...принимать с предоставлением абсолютного приоритета вызовы и сообщения о бедствии, откуда бы они не исходили, и таким же образом отвечать на эти сообщения и немедленно принимать по ним требуемые меры».

В соответствии с этим, государства должны принять все необходимые меры для обеспечения приема своими радиостанциями сигналов бедствия, которые могут передаваться с борта космического корабля. Естественно, что прием сигнала бедствия, радиостанцией государства – стороны Соглашения о спасании 1968 г. – не единственный способ обнаружения пилотируемого космического корабля, нуждающегося в помощи. Способы обнаружения ситуаций, в которых жизнь или здоровье лиц на борту космического корабля находится под угрозой, могут быть самыми различными. Главное, чтобы любая информация о подобной ситуации, независимо от источника и способа ее получения, была бы немедленно доведена:

- а) до сведения властей, осуществивших запуск космического объекта;
- б) до всеобщего сведения, если государство – сторона соглашения не может опознать пилотируемый космический корабль и немедленно информировать об этом власти, осуществившие такой запуск;
- в) до сведения Генерального секретаря ООН [176].

Соблюдение принципа взаимной помощи чрезвычайно важно в условиях жизни в необычных для человека Земли условиях жизни на небесных телах. Рассмотренные нормы призваны способствовать укреплению международного сотрудничества при практическом освоении космоса и небесных тел.

Вместе с этим следует признать, что перечисленные юридические обязательства могут, однако, оказаться мертвой буквой, если не будут подкреплены соответствующими организационно-правовыми и техническими средствами. Так, различия в системах космических кораблей и аппаратуры, могут сделать невозможными оказание взаимопомощи и спасательных операций на небесных телах. Речь идет о стандартизации космического оборудования, т.е. о совместимости средств сближения и стыковки космического оборудования [177].

По этой причине перед международным сообществом стоит задача о принятии таких норм международного характера, которые бы не допустили такую ситуацию, когда в критических условиях из-за несовместимости стыковочных узлов было бы нельзя оказать помощь персоналу одной из космических станций в открытом космосе, либо обитаемых станций на небесном теле.

Так, кандидат юридических наук А.И. Рудев в 1978 г. выступил с предложением о разработке специального международного соглашения о взаимопомощи космонавтов в случае аварии в космосе, считая, что такого рода космическая деятельность требует и специального правового регулирования. При этом он отмечает, что для обеспечения операций по спасанию в космосе необходимо решить ряд проблем организационно-правового характера, среди которых:

- обеспечение высококачественной непрерывной связи между космическими объектами, между космическими объектами и Землей;

- обеспечение совместимости пилотируемых космических объектов и средств спасания различных государств;

- разработка и принятие единых правил проведения спасательных операций в космосе [178].

Поскольку, как сказано выше, космические объекты могут в значительной степени отличаться друг от друга, необходимо достижение международной договоренности относительно средств спасания, совместимых систем и узлов и оснащения ими управляемых или посещаемых людьми космических объектов, включая создание совместных индивидуальных аварийных средств (скафандры, спасательные капсулы).

Эти мероприятия обеспечат возможность проведения операций по сближению и стыковке этих объектов и совместимости средств поиска и сближения, параметров аппаратуры космических объектов.

При регламентации вопросов спасания и взаимопомощи в космосе потребуются также определить единые требования к процедуре и порядку действий экипажей и центров управления полетами на всех стадиях проведения таких операций.

Первые шаги по созданию правовой основы решения рассматриваемых вопросов были сделаны в 1972 г. Так, в мае 1972 г. СССР и США заключили двустороннее Соглашение о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях. Важной стороной этого Соглашения явилось положение о проведении работ по созданию совместимых средств сближения и стыковки космических кораблей и станций с целью повышения безопасности полетов человека в космос и обеспечения в дальнейшем совместных научных экспериментов. Совместным советско-американским соглашением в области космонавтики в рамках программы ЭПАС (Экспериментальный полет «Аполлон» – «Союз») было определено проведение совместного полета космических кораблей. Практическая реализация этой программы успешно состоялась в июле 1975 г.

Анализируя положения отечественного законодательства, регулирующие рассматриваемые отношения, следует отметить, что в соответствии с п. 2.3 ст. 13 Воздушного кодекса РФ, устанавливающей государственные приоритеты в использовании воздушного пространства России, поиску и эвакуации космических аппаратов и их экипажей отводится третья позиция из четырнадцати, содержащихся в перечне. При этом на первом месте - отражение воздушного нападения, предотвращение и прекращение нарушений Государственной границы Российской Федерации или вооруженного нападения на Российскую Федерацию (п. 2.1 ст. 13 ВК РФ), на втором - оказание помощи при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера (п. 2.2 ст. 13 ВК РФ).

Вместе с этим, в Законе Российской Федерации о космической деятельности правовому регулированию спасания космонавтов, по мнению диссертанта, уделяется недостаточное внимание. Так, в разделе V Закона, именуемом «Безопасность космической деятельности», об осуществлении мероприятий по поиску и спасанию говорится лишь косвенно и только в одной статье – 24 («Поисковые и аварийно-спасательные работы, ликвидация последствий происшествий»). В п. 1 ст. 24 Закона РФ о космической деятельности указывается, что поисковые и аварийно-спасательные работы, а также ликвидация последствий при осуществлении космической деятельности производятся соответствующими государственными службами с участием органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, а также организаций и граждан. Согласно п. 3 ст. 24 Закона о космической деятельности, поисковые и аварийно-спасательные работы, а также работы по ликвидации последствий при осуществлении космической деятельности на территории иностранного государства производятся по согласованию с компетентными органами этого государства за счет организаций и граждан, осуществляющих такую деятельность, средств Российского космического фонда либо федерального бюджета. Детально же сама деятельность по спасанию космонавтов, в том числе в космическом пространстве и на небесных телах, законодательно до настоящего момента в РФ не урегулирована. Данное положение следует признать существенным пробелом в отечественном законодательстве о космической деятельности, которое должно быть восполнено принятием соответствующих законодательных норм.

Для сравнения можно привести положения Воздушного кодекса Российской Федерации, в котором вопросам поиска и спасания посвящено 9 статей главы XIII, именуемой «Поиск и спасание». Так, в нормах этой главы ВК РФ законодательно определены понятия воздушного судна, терпящего бедствие (п. 1 ст. 86 ВК РФ), потерпевшего бедствие (п. 2 ст. 86 ВК), содержится предписание немедленного поиска и спасания таких воздушных судов (п. 3 ст. 86 ВК). В ст. 87 ВК РФ определена необходимость использования единых международных сигналов бедствия, срочности и предупреждения об опасности. Детально регулируются вопросы поиска и спасания терпящих или потерпевших бедствие воздушных судов, их пассажиров и экипажей (ст. 88, 91 ВК), обеспечения поисковых и аварийно-спасательных работ (ст. 89 ВК), порядок сообщения и оповещения о терпящих или потерпевших бедствие воздушных судах (ст. 92, 93 ВК). Предусмотрены условия прекращения поиска потерпевшего бедствие воздушного судна, его пассажиров и экипажа (ст. 94 ВК).

В юридической литературе по космическому праву уже неоднократно высказывалось мнение о возможности создания международной спасательной службы, задачей которой являлось бы оказание помощи в космосе, а также поиск и спасание космонавтов и космических объектов [179].

На наш взгляд, создание и эффективное функционирование такой службы в условиях работы человека на небесных телах станет возможным и необходимым с возрастанием интенсивности их исследования, освоения и дальнейшего практического использования. Вместе с этим, функционирование такой службы возможно лишь на тех небесных телах, где человек достигнет достаточно высокого уровня их освоения и обживания. Проникая же все глубже в глубины Вселенной, космические экспедиции

вновь и вновь будут оказываться в «оторванном» от Земли и земных космических спасательных служб состоянии, а поэтому необходимые операции по спасанию и взаимопомощи будут проводиться исключительно силами экипажей космических аппаратов.

Правовой режим природных ресурсов Луны и других небесных тел – это неотъемлемая часть правового режима самих небесных тел. Таким образом, рассматривая данный аспект деятельности на небесных телах, нельзя отделять право использования ресурсов от правового режима небесного тела, на котором они обнаружены.

В ст. 1 Федерального закона РФ № 7-ФЗ от 10.01.2002 г. «Об охране окружающей среды» содержится правовое определение понятия «природные ресурсы» (абз.14 ч.1 ст. 1). Указанная норма устанавливает, что природные ресурсы – это компоненты природной среды, природные объекты и природно-антропогенные объекты, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность. В названном Федеральном законе природная среда определяется как совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов (абз.2 ч.1 ст. 1). К компонентам природной среды Закон относит землю, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир и иные организмы, а также озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство, обеспечивающие в совокупности благоприятные условия для существования жизни на Земле (абз.3 ч.1 ст.1).

Как видно, отечественный законодатель не рассматривает в качестве самостоятельных компонентов природной среды небесные тела, что, по мнению автора, при существующей договорной международно-правовой базе, нельзя признать правильным.

Использование природных ресурсов в соответствии с Законом (абз.15 ч.1 ст. 1) - это «эксплуатация природных ресурсов, вовлечение их в хозяйственный оборот, в том числе все виды воздействия на них в процессе хозяйственной и иной деятельности».

По научному определению кандидата юридических наук Э.Г. Василевской (Жуковой), к природным ресурсам Луны и других небесных тел следует отнести всевозможные полезные ископаемые, как известные, так пока и неизвестные, которые могут служить источником материальных благ, предназначенные для использования либо на месте, либо для вывоза на Землю. Использование таких ресурсов в широких масштабах должно регулироваться нормами космического права и общепризнанными принципами общего международного права с должным учетом интересов нынешних и будущих поколений [180].

К ним следует отнести полезные ископаемые, находящиеся в недрах или же на поверхности небесных тел, запасы воды и вещества неорганического или органического происхождения, а также всевозможные источники энергии, которые могут быть обнаружены в процессе дальнейших исследований.

По ее же утверждению, под использованием природных ресурсов Луны и других небесных тел следует понимать взятие с поверхности или извлечение из недр определенного запаса ресурса для использования в целях иных, чем чисто научные исследования, в частности получения прибыли [181].

Таким образом, использование природных ресурсов небесных тел может означать, что взятый с поверхности или извлеченный из недр определенный запас ресурса будет использован в целях, выходящих за рамки чисто научных исследований, то есть из предварительно исследованного, изученного ресурса будет извлечена практическая выгода. Таким использованием может быть, например, производство на месте каких-либо особо важных материалов или веществ, необходимых для получения материальных выгод или прибыли. Кроме этого, какой-то ресурс может быть доставлен на Землю для его использования в промышленных целях.

В соответствии с действующими нормами космического права ресурсы небесных тел могут быть как использованы на месте – на поверхности небесных тел, для производства особо чистых веществ или материалов, так и доставлены на Землю. Из содержания норм Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 г. следует, что этот Договор использование природных ресурсов небесных тел не запрещает. В частности, в нем неоднократно упоминается об использовании Луны и других небесных тел – в статьях I, III, IV. При этом, конечно же, следует иметь в виду и их хозяйственное использование, т.е. эксплуатацию природных ресурсов. Однако Договор по космосу предполагает соблюдение ряда условий, в частности, чтобы такое использование не привело к национальному присвоению (ст. II). Более детально эти вопросы регулируются в Соглашении о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г.

Так, в ст. 6 Соглашения о Луне говорится о праве государств-участников собирать на Луне образцы минеральных и других веществ и вывозить их с Луны. Такие образцы остаются в распоряжении государств, обеспечивших их сбор, которые могут их использовать в научных целях (п. 2 ст. 6). Эти вещества могут также применяться «для поддержания жизнедеятельности своих экспедиций в необходимых для этой цели количествах».

Одним из примеров использования на месте минеральных и других веществ для поддержания жизнедеятельности и обеспечения потребностей обитаемой станции на небесном теле может послужить следующее: Луна богата кислородом, который, находясь в связанном состоянии, составляет около 50 % удельной массы лунного реголита. Используя солнечную энергию для нагревания реголита, кислород может быть извлечен из его состава и направлен в систему жизнеобеспечения обитаемой станции на Луне [182].

В п. 3 ст. 11 Соглашения закрепляется, что «поверхность или недра Луны, а также участки ее поверхности или недр или природные ресурсы там, где они находятся, не могут быть собственностью какого-либо государства, международной межправительственной или неправительственной организации, национальной организации или неправительственного учреждения или любого физического лица...»

При этом в Соглашении подчеркивается, что принципу неприсвоения не противоречит право государств на сбор образцов минеральных и других веществ, доставляемых на Землю.

Здесь, по нашему мнению, представляет особый интерес оговорка «там, где они находятся», из которой следует вывод, что добытые природные ресурсы могут быть собственностью их разработчика.

В п. 5 ст. 11 Соглашения о Луне предусмотрена возможность установления международного режима для регулирования эксплуатации природных ресурсов Луны, «когда будет очевидно, что такая эксплуатация станет возможной в ближайшее время». Основные цели этого режима, как указывается в п. 7 этой статьи, следующие: «а) упорядоченное и безопасное освоение природных ресурсов Луны; в) рациональное регулирование этих ресурсов; с) расширение возможностей в деле использования этих ресурсов; d) справедливое распределение между всеми государствами-участниками благ, получаемых от этих ресурсов, с особым учетом интересов и нужд развивающихся стран, а также усилий тех стран, которые прямо или косвенно внесли свой вклад в исследование Луны».

Особое положение занимает использование природных ресурсов, необходимых для поддержания жизнедеятельности научно-исследовательской станции на небесном теле или оказания помощи ее персоналу. Следует согласиться с мнением Э.Г. Василевской, что такое использование может быть только свободным и не должно связываться какими-либо дополнительными условиями или предварительным разрешением [183].

Индустриализация Луны и планет значительно увеличит потребность в их природных ресурсах. Когда в будущем природные богатства небесных тел Солнечной системы станут активно использоваться в целях, выходящих за рамки чисто научных исследований, особенно остро встанет проблема их охраны и рационального использования.

Активизация деятельности по освоению небесных тел может вызвать определенные изменения сформировавшегося там природного равновесия. По мнению ученых, любой запуск космического объекта на другое небесное тело оказывает на него определенное воздействие [184]. Поэтому государства, руководствуясь в своей космической деятельности принципом свободы исследования небесных тел, обязаны исследовать и осваивать Луну и другие небесные тела исключительно «разумными способами». В ходе своей деятельности они должны «избегать вредного загрязнения небесных тел» (ст. IX Договора по космосу) и принимать меры для предотвращения нарушения сформировавшегося равновесия среды небесного тела вследствие внесения неблагоприятных изменений в эту среду, ее вредоносного загрязнения вследствие доставки посторонних для этой среды веществ или каким-либо иным путем (п. 1 ст. 7 Соглашения о Луне).

В отношении небесных тел проблема предотвращения их заражения и засорения приобретает особое значение при сооружении на небесных телах постоянных станций.

Экспериментальные исследования на этих станциях должны проводиться таким образом, чтобы не вызывать вредного заражения района станции, а также чтобы не вызывать потенциально вредных последствий для деятельности других станций. В интересах науки следует предусмотреть проведение мероприятий по стерилизации объектов, запускаемых на Луну и другие небесные тела, и объектов, возвращающихся на Землю.

Что же следует понимать под заражением и засорением небесных тел, к которому приводит проведение потенциально вредных экспериментов?

Профессор Г.П. Жуков под потенциально вредными последствиями экспериментов в космосе имеет в виду также действия, «которые могут принести ущерб делу изучения и использования космического пространства в мирных целях или затронуть интересы всего человечества». И далее он говорит о необходимости выработать нормы космического права, «запрещающие или ограничивающие проведение в космосе потенциально вредных научных и технических экспериментов, способных вызвать изменения естественной среды Земли, небесных тел и космического пространства. Эти эксперименты могут также повредить будущим научным исследованиям и опытам, а также интересам других государств и условиям человеческой жизни» [185].

По утверждению Э.Г. Василевской, под заражением и загрязнением космического пространства и небесных тел следует понимать любые действия, намеренные или ненамеренные, которые могут вызвать изменение естественной среды Земли, космического пространства и небесных тел и тем самым нанести ущерб интересам науки в деле изучения и использования космоса, а также вызвать угрозу для жизни на Земле или на других небесных телах [186].

Так как на настоящий момент экспедиции человека на поверхность небесного тела уже стали реальностью, обоснованные опасения вызывает проблема перенесения микроорганизмов с небесных тел на Землю.

В связи с этим, как считают ученые, уже сейчас следует предусмотреть меры безопасности в отношении космонавтов, возвращающихся из космических рейсов, в особенности – посетивших какое – либо небесное тело. В зарубежной литературе рассматривались вопросы возможности занесения в земную среду внеземных микроорганизмов. При этом отмечалось, «при периоде размножения в 30 минут и возможности быстрого распространения при помощи ветра и течений простая бактерия может занять питательную среду размером с земной шар в течение нескольких дней или

недель, причем ограничить ее распространение может только нехватка питательных элементов» [187].

Совершенно очевидно, что в этих условиях локализация последствий возможного вредного заражения земной среды представляла бы собой чрезвычайно трудную, если не невыполнимую задачу.

Специалистами в области астробиологии доказано, что микроорганизмы могут существовать в условиях, сравнимых с условиями жизни на Марсе. Американские ученые обнаружили живые клетки микробов на телевизионной камере, которая в течение 2,5 лет находилась на поверхности Луны [188]. Однако здесь речь идет о микроорганизмах, занесенных с Земли на Луну, которые, просуществовав в течение указанного срока на поверхности Луны, не погибли. Более серьезного внимания заслуживает вопрос о недопущении занесения внеземных микроорганизмов на Землю. По последним открытиям науки, Луна и Марс не столь безжизненны, как предполагалось ранее – на Луне [189] и на Марсе [190] обнаружен водяной лед. В 1984 г. англо-американская экспедиция нашла признаки жизни в марсианском метеорите ALH 84001, который длительное время находился в Антарктиде под слоем льда [191].

В 1970 г. в ОКБ им. С.А. Лавочкина было выпущено техническое предложение на проект 5НМ, предусматривающий доставку образцов грунта с Марса на Землю. При обсуждении проекта на Научно-техническом совете ОКБ было отмечено, что особое внимание следует уделить обеспечению биологической безопасности Земли. В ходе работы над проектом, с целью избежания биологического загрязнения, в частности, выдвигались такие предложения, как стыковка возвращаемого аппарата на околоземной орбите с пилотируемым кораблем, а затем возвращение на Землю, термическая стерилизация образцов грунта на марсианской орбите [192].

Представляется, что конкретные «соответствующие меры», обеспечивающие предотвращение вредного загрязнения как небесных тел, так и Земли, вследствие доставки на Землю внеземного вещества необходимо предусмотреть на законодательном уровне. Например, по нашему мнению, именно в Законе Российской Федерации о космической деятельности следует установить обязательность термической обработки (стерилизации) космических объектов, запускаемых на небесные тела, а также иные требуемые меры, предотвращающие возможность попадания на Землю внеземных микроорганизмов.

Серьезную проблему на начальном этапе космической деятельности представляли ядерные испытания в космическом пространстве, которые производились регулярно с 1 августа 1958 г. по 1 ноября 1962 г. Всего за указанный период США произвели 9, а СССР – 5 взрывов в верхних слоях атмосферы и в космическом пространстве. Кроме этого в 1958 г. СССР и США запланировали произвести ядерные взрывы на Луне [193].

Конец ядерным испытаниям в космосе был положен заключением 5 августа 1963 г. Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой [194]. Ст. I названного Договора наложила запрет на производство любых ядерных взрывов в трех природных средах, в том числе и в космическом пространстве.

Любые научные эксперименты, носящие потенциально вредный характер, должны быть поставлены под самый строгий контроль. В соответствии с этим в ст. 6 Декларации основных принципов деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства от 13 декабря 1963 года говорится:

«При исследовании и использовании космического пространства государства должны руководствоваться принципом сотрудничества и взаимной помощи и должны осуществлять всю свою деятельность в космическом пространстве с должным учетом соответствующих интересов других государств. Если какое-либо государство имеет основания полагать, что деятельность в космосе или эксперимент, запланированный этим государством или гражданами этого государства, создадут потенциально вредные помехи деятельности других государств в деле мирного исследования и использования

космического пространства, то оно должно провести соответствующие международные консультации, прежде чем приступить к такой деятельности или эксперименту». Такой консультации относительно проведения данного эксперимента могут потребовать и другие заинтересованные государства.

Несмотря на некоторую расплывчатость приведенного положения Декларации, провозглашение его имело важное значение для дальнейшей работы над правовым регулированием космической деятельности. Положения ст. 6 Декларации были почти дословно воспроизведены в ст. IX Договора по космосу 1967 г. Однако и Договор по космосу не предусматривает конкретных мероприятий для предотвращения потенциально вредных последствий. Он устанавливает только общие принципы, которыми государства должны руководствоваться, решая эту проблему.

В развитие общего принципа предотвращения потенциально вредных последствий космической деятельности, провозглашенного Договором по космосу 1967 г., Соглашением о Луне 1979 г. предусмотрены меры по предотвращению нарушения сформировавшегося равновесия лунной среды вследствие внесения неблагоприятных изменений в эту среду, а также внесения неблагоприятных изменений в окружающую среду Земли вследствие доставки внеземного вещества или каким-либо иным путем.

Статья 7 Соглашения содержит положение о возможности создания «международных научных заповедников» в районах Луны, представляющих особый научный интерес, которые без ущерба для прав других государств можно было бы объявить такими заповедниками, в отношении которых в консультации с компетентными органами ООН должны быть согласованы «специальные защитные меры» (п. 3).

Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. содержит также положение, предусматривающее принятие мер по предотвращению нарушения сформировавшегося равновесия лунной среды «вследствие внесения неблагоприятных изменений в эту среду», «ее вредоносного загрязнения вследствие доставки посторонних для этой среды веществ или каким-либо иным путем» (п. 1 ст. 7). Государства обязаны, кроме того, заблаговременно уведомлять Генерального секретаря ООН обо всех случаях «размещения ими радиоактивных материалов на Луне и о целях такого размещения» (п. 2 ст. 7). Отсюда следует, что определенные шаги в целях сохранения экологии космического пространства и небесных тел уже сделаны. Вместе с этим, несомненно, требуется выработка специального международного правового акта.

Здесь же в качестве примера можно привести один из исторических аспектов развития международно-правового режима Антарктики. Так, после принятия Договора об Антарктике от 1 декабря 1959 г., международным сообществом неоднократно обсуждался вопрос о подписании соглашения, обеспечивающего охрану антарктической природы [195]. В результате проделанной работы, 4 октября 1991 г. был принят Протокол об охране окружающей среды к Договору об Антарктике.

Рассмотрение положений космического права, касающихся охраны природной среды небесных тел, позволяет сделать вывод о том, что их реализация космическими агентствами государств, национальными организациями, принимающими участие в разработке и производстве космической техники, в проведении непосредственной деятельности в космосе и на небесных телах, в большой степени зависит от состояния национального законодательства.

В ст. 22 Закона Российской Федерации о космической деятельности отмечается, что «космическая деятельность должна осуществляться с учетом обеспечения уровня допустимых антропогенных нагрузок на окружающую природную среду и околоземное пространство» (п.1 абз.3).

Абзац 3 ч.1 ст. 1 Федерального закона № 7-ФЗ от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды», наряду с другими, к компонентам природной среды относит «озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство», не рассматривая в качестве таковых Луну и иные небесные тела. Как следствие этого, п. 1 ст. 4 названного

Федерального закона, устанавливая перечень объектов окружающей среды, подлежащих охране, включает в их число также «озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство», не распространяя свое действие, таким образом, на небесные тела. П. 3 ст. 48 Федерального закона об охране окружающей среды запрещает отправку радиоактивных отходов и ядерных материалов в космическое пространство, в целях их захоронения, никоим образом не устанавливая аналогичного запрета в отношении небесных тел.

Из проведенного анализа правовых положений следует, что в Законе Российской Федерации о космической деятельности и в Федеральном законе Российской Федерации об охране окружающей среды внимание уделяется лишь охране природной среды планеты Земля и околоземного космического пространства. Однако, по нашему мнению, именно в Законе РФ о космической деятельности должны получить законодательное закрепление рассмотренные предписания о космической деятельности, содержащиеся в ст. IX Договора и принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 г., участником которого Россия является.

Таким образом, формирование правового положения небесного тела неразрывно связано с началом в СССР 2 января 1959 г. космической деятельности, направленной на исследование и освоение небесных тел Солнечной системы с помощью космических летательных аппаратов – автоматических межпланетных станций. Основные элементы правового положения небесного тела были заложены в Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 г.

Дальнейшее свое развитие правовое положение небесного тела получает в нормах Соглашения о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г. Вместе с тем, в течение рассмотренного исторического периода правовое понятие «небесное тело» в нормах космического права детально определено не было.

В науке космического права с момента ее основания как отечественными (Г.П. Жуков, Э.Г. Жукова (Василевская)), так и зарубежными (Gaal G., Lachs M., Marcoff M., Vazquez V.S.) авторами предлагались различные определения рассматриваемого правового понятия. При этом наметилась общая тенденция к выработке такого определения правового понятия «небесное тело», которое удовлетворяло бы потребности человечества в практическом использовании небесных тел и иных ресурсов космического пространства.

Существенный вклад в научную проработку определения правового понятия небесного тела, а также правового его положения в рассмотренный исторический период внес Международный институт космического права.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенному исследованию, следует отметить, что формирование системы правового регулирования космической деятельности проходило в течение относительно непродолжительного временного периода. В связи с этим данная правовая сфера – космическое право России в настоящий момент находится лишь в стадии становления.

Проведенный анализ в пределах настоящей работы позволяет сделать следующие основные выводы:

1. Несмотря на осуществление в Союзе ССР крупномасштабных программ исследования и освоения космического пространства и небесных тел, советский период отечественной космонавтики характеризуется как отсутствием законодательно-правового регулирования космической деятельности, так и специализированного правительственного органа управления космической отраслью. Правовое регулирование космической деятельности в этот период осуществляется посредством издания подзаконных правовых актов и введением правил космической деятельности такими инстанциями, как Совет Министров, Комиссия Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам (Военно-промышленная комиссия), Министерство общего машиностроения, Министерство оборонной промышленности и Министерство обороны СССР. К таким правовым актам следует отнести постановления Совета Министров СССР (в ряде случаев – совместные постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР), решения Комиссии Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам, приказы и указания названных министерств.

2. Активное формирование нормативно-правовой базы космической деятельности в нашей стране начинается после распада в 1991 г. Союза ССР. Это приводит к разработке и принятию в 1993 г. первого отечественного Закона о космической деятельности, а затем и иных нормативно-правовых актов регулирующих исследование и использование космического пространства: указов Президента, постановлений Правительства РФ. В своей совокупности Закон Российской Федерации о космической деятельности и иные нормативно-правовые акты о космонавтике образуют самостоятельную отрасль законодательства - космическое право России. В этот же период – 24 февраля 1992 г. впервые в России образован и федеральный орган исполнительной власти по космической деятельности – Российское космическое агентство.

3. Процесс формирования космического законодательства Российской Федерации привел к тому, что в настоящее время оно складывается из значительного числа нормативно-правовых документов различного уровня, большая часть которых непосредственного отношения к космической деятельности не имеет. В связи с этим возникла необходимость в разработке и принятии в нашей стране Кодекса законов Российской Федерации о космической деятельности (Космического кодекса Российской Федерации). В случае его принятия Государственной Думой Российской Федерации, нормы Кодекса РФ о космической деятельности обеспечат всестороннее урегулирование космической деятельности, осуществляемой под юрисдикцией России.

4. Рассматривая существовавшие в теории определения понятия космического пространства, представляется, что при правовом определении понятия космического пространства решение существующей проблемы делимитации между космосом и воздушным пространством Земли является явно недостаточным. Представляется неверным отождествлять космическое пространство и находящиеся в нем небесные тела, так как данные пространственные сферы характеризуются различными правовыми режимами.

Космическое пространство (космос) - это межпланетное пространство за пределами атмосфер Земли и других небесных тел, не находящееся под суверенитетом какого-либо государства и не подлежащее национальному присвоению, в пределах

которого возможно осуществление космической деятельности, среда, в которой главной силой, действующей на космический объект, является сила тяготения.

5. На настоящем этапе развития космонавтики назрела объективная необходимость в правовом определении понятия небесного тела. Под небесным телом следует понимать не находящийся под суверенитетом какого-либо государства и не подлежащий национальному присвоению, пригодный для освоения и использования естественный объект природного происхождения, расположенный в космическом пространстве на орбите вокруг Солнца, либо на орбите вокруг иного небесного тела, обладающий достаточной гравитацией, необходимой для оборудования на его поверхности или орбите обитаемой космической станции. Естественные объекты, находящиеся в космическом пространстве, не обладающие достаточной гравитацией и не пригодные для их длительного использования и освоения являются природными ресурсами космического пространства.

6. Представляется целесообразным Российской Федерации как субъекту международного права выступить с предложением о заключении универсального международного соглашения, устанавливающего как определение правового понятия «небесное тело», так и иных природных объектов, находящихся в космическом пространстве. В случае подписания такого международного акта, правовое определение понятия «небесного тела» следует закрепить в норме федерального закона Российской Федерации.

Предлагается провести правовую классификацию всего вземного вещества, находящегося в космическом пространстве (небесные тела и природные ресурсы космического пространства). При этом разграничительная линия между ними проводится по соглашению государств – пользователей космического пространства. Разделение естественных природных объектов на виды обеспечивается установлением в документах космического права юридических различий, характеризующих правовой режим каждого из выделенных видов природных тел.

7. Понятие ущерба, имеющееся в настоящее время в космическом праве, применительно к космической деятельности на небесных телах необходимо расширить и дополнить. Оно могло бы быть сформулировано следующим образом: «Под ущербом, причиненным космической деятельностью при исследовании и освоении небесных тел понимается: причинение смерти человеку, либо вреда здоровью человеку, уничтожение или повреждение имущества государств, либо физических или юридических лиц, или имущества международных межправительственных организаций, а также причинение ущерба сложившейся на небесном теле природной среде, путем внесения неблагоприятных изменений в эту среду».

Список литературы:

- [1]. См.: Алексеев Э.А. Космос и космическое законодательство.//Космос. Информация. Новые технологии. - № 3. – 2000. – С. 58 – 59.
- [2]. См.: Яковенко А.В. Актуальные проблемы прогрессивного развития международного космического права.//Российский ежегодник международного права. 2002. – СПб., 2003. – С. 181.
- [3]. См.: Космическое право. Современные аспекты (Ред. Ж. Дютей де ля Рошер и др.). Реферат. – М.: ИНИОН АН СССР, 1989. – С. 3; а также см.: Droit de l' espace: Aspects recents/Sous la direction de Dutheil de la Rochere J. et al. – P.: Pedone, 1988. – P. 11.
- [4]. См.: Киселев А.И., Медведев А.А., Меньшиков В.А. Космонавтика на рубеже тысячелетий. Итоги и перспективы. – М.: Машиностроение/Машиностроение-Полет, 2001. - С. 231.
- [5]. См.: Сорок лет полету Луны-1.//Новости космонавтики. – 1999. - № 2. – С. 70 – 71.

- [6]. См.: Летопись космической эры. 1959 год./Железняков А.Б., Куприянов В.Н., Лебедев В.В., Прыгичев Т.В. – СПб.: Изд-во «Система», 2003. – С. 55 – 56.
- [7]. См.: Маринин И., Шамсутдинов С. 30 лет первому советскому отряду гражданских космонавтов.//Новости космонавтики. –1998.- № 12. – С. 42 – 43.
- [8]. См.: Новости космонавтики. Том 6. - № 20 (135). – 23 сентября – 6 октября 1996 г. – С. 55.
- [9]. См.: Летопись космической эры. 1959 год. – С. 136.
- [10]. См.: Новости космонавтики. Том 6. - № 20 (135). – 23 сентября – 6 октября 1996 г. – С. 56.
- [11]. См.: Новости космонавтики. - 2002. - № 4. – С. 64.
- [12]. См.: ВНИИтрансмаш – исследованию космоса. – СПб., 2003. – С. 77.
- [13]. Там же. – С. 9, 78.
- [14]. Там же. – С. 79.
- [15]. См.: Новости космонавтики. Том 13. – 2003. - № 11 (250). – С. 67 – 69; Новости космонавтики. – 1999. - № 3. - С. 72.
- [16]. См.: ИКИ РАН – 35 лет.//Новости космонавтики. 2000. - № 5. – С. 56 – 59.
- [17]. См.: Евстифьев М. Первые советские Марс - проекты.//Новости космонавтики. – Том 14. - № 4 (225). – 2004. – С. 61 – 63.
- [18]. См.: ВНИИтрансмаш – исследованию космоса. – СПб., 2003. – С. 29 – 31.
- [19]. См.: Алексеев Э.А. Космос и космическое законодательство.//Космос. Информация. Новые технологии. – № 3. – 2000. - С. 58-59.
- [20]. См.: Российская газета. - № 236. - 10.12.1996 г.
- [21]. См.: Постановление Правительства РФ № 422 от 12 апреля 1996 г. «О мерах по выполнению Федеральной космической программы России и международных соглашений в области космоса».//Новости космонавтики. Том 8/123. – 8 – 21 апреля 1996 г. – С. 15 – 18.
- [22]. См.: Лисов И. Гибель станции «Марс – 96».//Новости космонавтики. Том 6. № 22 – 23/137 – 138. – 21 октября – 17 ноября 1996 г. – С. 25.
- [23]. См.: Постановление Правительства РФ № 153 от 10 февраля 1997 г. «О мерах по обеспечению Федеральной космической программы России и международных договоров в области космоса».//Новости космонавтики. Том 7. - № 4/145. – 10 – 23 февраля 1997 г. – С. 4 – 6; а также см.: Сорокин В. Комментарий к постановлению Правительства РФ № 153.//Там же. – С. 6 – 8.
- [24]. См.: Маринин И.А. Федеральная космическая программа России на 2001 – 2005 годы.//Новости космонавтики. - № 12 (215). – 2000. – С. 2 – 5.
- [25]. См.: Федеральная космическая программа России на 2006 – 2015 годы. Утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 22 октября 2005 г. № 635.
- [26]. См.: Моисеев И. Нормативно-правовое регулирование космической деятельности в России.//Новости космонавтики. - № 3 (170) – 1998. – С. 26.
- [27]. Там же.
- [28]. См.: Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, от 27 января 1967 г.//Международное публичное право. Сборник документов. Том 2. – М.: Издательство БЕК, 1996. - С. 352 – 356.
- [29]. См.: Воздушно-космическая оборона. - № 2 (5). – 2002. – С. 47.
- [30]. См.: Новости космонавтики. Том. 13. - № 7 (246). – 2003. – С. 21.
- [31]. См.: Петров И. Комментарий к проекту Закона «О государственной поддержке потенциала космической индустрии и космической инфраструктуры Российской Федерации».//Новости космонавтики № 11 (178). – 1988. – С. 44 – 45.
- [32]. См.: Закон РФ о космической деятельности от 20 августа 1993 г. (в ред. Федерального закона от 29.11.96 № 147 – ФЗ).//Российская газета. - № 236 от 10.12.96 г.

- [33]. См.: Копылов М.Н. Международное космическое право. – М.: Изд-во УДН, 1987. – С. 16; см. также: Словарь международного космического права./Отв. ред. Верещетин В.С. – М.: Междунар. отношения, 1992. – С. 98 - 99.
- [34]. См.: Международное космическое право: Учебник. Отв. ред. Г.П. Жуков, Ю.М. Колосов. – М.: Междунар. отношения, 1999. – С. 7.
- [35]. См.: Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами от 29 марта 1972 г./Международное публичное право. Сборник документов. Том 2. – М.: Издательство БЕК, 1996. – С. 362 – 368.
- [36]. См.: Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство от 14 января 1975 г./Там же. – С. 368 – 371.
- [37]. См.: Большой толковый словарь русского языка./Сост. И гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998. – С. 402.
- [38]. Там же. – С. 728.
- [39]. Там же. – С. 401.
- [40]. См.: Тихонравов М.К. Предисловие к: Соловьев Ц.В., Тарасов Е.В. Прогнозирование межпланетных полетов. – М.: Машиностроение, 1973. – С. 3.
- [41]. См.: Василевская Э.Г. Правовой статус природных ресурсов Луны и планет (Проблемы и суждения). – М.: Наука, 1978. – С. 30.
- [42]. См.: Верещетин В.С. Международное сотрудничество в космосе. – М.: Наука, 1977. – С. 143; Копылов М.Н. Международное космическое право: Сб. международно-правовых актов. – М.: Изд-во УДН, 1987. – С. 16.
- [43]. Подр. см.: Василевская Э.Г. О высотном разграничении воздушного и космического пространства./СГП. – 1979. – № 11. – С. 100 – 105; Правовое содержание понятия космического пространства./Космос и право: (Сб. статей). ИГПАН. – М., 1980. – С. 14 – 46.
- [44]. Принята на Конференции в Чикаго и известна как Чикагская конвенция 1944 г. Вступила в силу 4 апреля 1947 г. СССР (Россия – правопреемник) участвует в Конвенции с 14 ноября 1970 г.
- [45]. См.: Конвенция о международной гражданской авиации от 7 декабря 1944 г./Действующее международное право в 3-х томах. Составители Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. Том 3. – М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1997. – С. 550 – 570.
- [46]. См.: Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 155-ФЗ «О внутренних водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации»./СЗ РФ. – 03 августа 1998. – № 31. – Ст. 3833.
- [47]. См.: Философский словарь. Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. – М.: Политиздат, 1963. – С. 217.
- [48]. См.: Международное космическое право: Учебник.– М.: Междунар. отношения, 1999. – С. 54, 58.
- [49]. Подр. см.: Василевская Э.Г. О высотном разграничении воздушного и космического пространства./СГП. – 1979. – № 11. – С. 100 – 105; Правовое содержание понятия космического пространства./Космос и право: (Сб. статей). ИГПАН. – М., 1980. – С. 14 – 46.
- [50]. Подр. см.: Даниленко Г.М. Процесс создания обычных норм в современном международном праве./Советский ежегодник международного права. 1982. – М., 1983. – С. 151 – 170.
- [51]. См.: Малеев Ю.Н. Международное воздушное право: Вопросы теории и практики. – М.: Междунар. отношения, 1986. – С. 49.
- [52]. См.: Даниленко Г.М. Граница между воздушным и космическим пространством в современном международном праве./СГП. – 1984. – № 9. – С. 71 – 79.
- [53]. См.: Анненков В.И., Собко А.А., Ермак С.Н., Черкас С.В. Международно-правовые аспекты военно-космической деятельности. – М.: МО, 2001. – С. 7 – 8.
- [54]. См.: Даниленко Г.М. Граница между воздушным и космическим пространством в современном международном праве./СГП. – 1984. – № 9. – С. 71 – 79.

- [55]. См.: Малеев Ю.Н. Международное воздушное право: Вопросы теории и практики. – М.: Междунар. отношения, 1986. – С. 48.
- [56]. См.: Кубасов В.Н. и др. Профессиональная подготовка космонавтов./В.Н. Кубасов, В.А. Таран, С.Н. Максимов. – М.: Машиностроение, 1985. – 288 с; а также: Деятельность космонавта в полете и повышение ее эффективности./Под общ. ред. Г.Т. Берегового и Л.С. Хачатурьянца. – М.: Машиностроение, 1981. – 264 с.
- [57]. См.: Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 13. – М.: Сов. энциклопедия, 1973. – С. 258.
- [58]. См.: Космонавтика: Энциклопедия. Гл. ред. В.П. Глушко. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – С. 198.
- [59]. См.: Dictionary of technical terms for aerospace use. – Wash., 1965. – P. 16.
- [60]. На английском и некоторых других языках – «астронавты».
- [61]. На английском и некоторых других языках – «персонал».
- [62]. См.: Рудев А.И. Международно-правовой статус космических станций. – М.: Междунар. отношения, 1982. – С. 84, 85.
- [63]. См.: Жуков Г.П. Правовой статус космонавтов.//Международное космическое право: Учебник. Отв. ред. Г.П. Жуков, Ю.М. Колосов. – М.: Междунар. отношения, 1999. – С. 94.
- [64]. См.: Соглашение относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения.//Международное космическое право: Учебник. Отв. ред. Г.П. Жуков, Ю.М. Колосов. – М.: Междунар. отношения, 1999. – С. 317 – 349.
- [65]. См.: Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г.// Международное публичное право. Сборник документов. Том 2. – М.: Издательство БЕК, 1996. – С. 356 – 362.
- [66]. См.: Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство от 22 апреля 1968 г.//Там же. – С. 371 – 373.
- [67]. Подр. см.: Малков С.П. Космическое право: курс лекций. – СПб.: ГУАП, 2007. – С. 26 – 29.
- [68]. В редакции Федерального закона РФ от 15 января 2003 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности»»./СЗ РФ. – 13 января 2003. – № 2. – Ст. 167.
- [69]. См. п. 1 Положения о Федеральном космическом агентстве. Утв. постановлением Правительства РФ от 26 июня 2004 г. № 314.//СЗ РФ. – 5 июля 2004 г. – № 27. – Ст. 2777.
- [70]. См.: Лисов И. Организационное оформление Российского авиационно-космического агентства.//Новости космонавтики. – № 9 (200). – 1999. – С. 77; а также см.: Маринин И.А. Росавиакосмосу 10 лет.//Новости космонавтики. – № 2 (229). – 2002. – С. 2 – 3.
- [71]. См.: Указ Президента РФ от 20 января 1998 г. № 54 «О реализации государственной политики в области ракетно-космической промышленности»./СЗ РФ. – 26 января 1998. – № 4. – Ст. 471.
- [72]. См.: Шамсутдинов С. Росавиакосмос преобразован в Федеральное космическое агентство.//Новости космонавтики. – Том 14. – № 5 (256). – 2004. – С. 52 – 53.
- [73]. См.: Указ Президента РФ от 25 мая 1999 г. № 651 «О структуре федеральных органов исполнительной власти»./СЗ РФ. – 31 мая 1999. – № 22. – Ст. 2727.
- [74]. См.: Лисов И. Утверждено положение о Росавиакосмосе.//Новости космонавтики. – № 1 (204). – 2000. – С. 56 – 57.
- [75]. См.: Положение о Российском авиационно-космическом агентстве. Утв. постановлением Правительства РФ от 25.10.1999 № 1186.//СЗ РФ. – 1999. – № 4. – Ст. 560.
- [76]. См.: Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти»./СЗ РФ. – 15 марта 2004. – № 11. – Ст. 945.
- [77]. См.: Указ Президента РФ от 20 мая 2004 г. «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти»./СЗ РФ. – 21 мая 2004. – № 21. – Ст. 2023.

- [78]. См.: Федеральное космическое агентство: структура и полномочия.//Новости космонавтики. – Том 14. - № 10 (261). – 2004. – С. 48 – 49.
- [79]. См.: Космонавтика: Энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. - С. 263.
- [80]. См.: Большой толковый словарь русского языка./Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 1998. – С. 452.
- [81]. См.: Словарь международного космического права./Под ред. В.С. Верещетина. – М.: Междунар. отношения, 1992. - С. 245.
- [82]. См.: Яковенко А.В. Современные космические проекты: международно-правовые проблемы. – М.: Междунар. отношения, 2000. - С. 25 – 26.
- [83]. О взаимодействии национального и международного контроля также см.: Валеев Р.М. Контроль в современном международном праве. – Казань: Изд-во КазГУ, 2003. – С. 81 – 94.
- [84]. В редакции Федерального закона РФ от 15 января 2003 г. № 15-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности»»./СЗ РФ. – 13 января 2003. - № 2. – Ст. 167.
- [85]. См.: СЗ РФ. – 1996. - № 6. – Ст. 591.
- [86]. См.: Российская газета. – 22 июня 2002. - № 111 (2979). – С. 10.
- [87]. См.: Лицензия Российского авиационно-космического агентства на космическую деятельность от 27 июня 2000 г. № 431 (серия №000035). - Владелец лицензии - Открытое акционерное общество «Всероссийский научно-исследовательский институт транспортного машиностроения».
- [88]. См.: Голицын В.В. Антарктика: тенденции развития режима. – М.: Междунар. отношения, 1989. - С. 122-123.
- [89]. Подр. см.: Международное космическое право: Учебник. Отв. ред. Г.П. Жуков, Ю.М. Колосов. – М.: Междунар. отношения, 1999. – С. 214 – 215.
- [90]. Подр. о ВКО см.: Каменецкая Е.П. Всемирная Космическая организация.//Словарь международного космического права./Под ред. В.С. Верещетина. – М.: Междунар. отношения, 1992. - С. 18 - 19.
- [91]. Подр. о МКИ см.: Верещетин В.С. Международный космический инспекторат.//Словарь международного космического права./Под ред. В.С. Верещетина. – М.: Междунар. отношения, 1992. - С. 145 - 146.
- [92]. Подр. о МАКН см.: Верещетин В.С. Международное агентство космического наблюдения.//Словарь международного космического права./Под ред. В.С. Верещетина. – М., 1992. – С. 135-136.
- [93]. О правовом понятии космической деятельности подр. см.: § 1 главы I настоящей работы.
- [94]. См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 г. № 3 «О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья»./Сборник постановлений пленумов Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Издание второе, переработанное и дополненное. – М.: ПБОЮЛ Грачев С.М., 2001. - С. 497 – 505.
- [95]. См.: Рубанов А.А. Международная космическо-правовая имущественная ответственность. – М.: Наука, 1977. - С. 63, 93.
- [96]. См.: Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, от 29 марта 1972 г./Международное публичное право. Сборник документов. Том 2. – М.: Издательство БЕК, 1996. - С. 362 – 368.
- [97]. Подр. о страховании космической деятельности см.: Медведчиков Д.А. Роль страхования космической деятельности.//Страховое дело. – 2002. - № 10. – С. 29 – 33; Корунов С.С., Медведчиков Д.А., Миронюк Н.Ю. Методическое обеспечение страхования космических программ. – М.: Издательский центр «Анкил», 1996. – 64 с.; Лукин А.В. Принципы организации и обеспечения страхования космических

- рисков.//Финансы. – 1999. - № 1, //Финансы. – 1999. - № 2. – С. 50 – 52; Лукин А.В. Страхование рисков космической деятельности. – М., 1998. – 86 с.
- [98]. См.: Официальный текст Конвенции ООН по морскому праву с приложениями и предметным указателем. Заключительный акт третьей Конференции ООН по морскому праву. Вводная часть, относящаяся к Конвенции и Конференции.//Морское право. – Нью-Йорк: Издательство ООН, 1984. – 316 с.
- [99]. См.: Рубанов А.А. Международная космическо-правовая имущественная ответственность. – М.: Наука, 1977. - С. 15.
- [100]. См.: Венская конвенция о дипломатических сношениях, 18 апреля 1961 г.//Действующее международное право. В 3-х томах. Том 1. – М., 1996. - С. 510 – 524.
- [101]. Более подробно о функциях международных переговоров, организации их проведения, подготовке к переговорам, этапах переговоров, составляемых итоговых документах, а также о посредничестве в международных переговорах см.: Захарова Л.М., Коновалова А.А. Основы дипломатической и консульской службы: Учеб. пособие. – Мн.: БГЭУ, 2001. - С. 94 – 135.
- [102]. См.: Ковалев Ан. Азбука дипломатии (изд. 3-е, перераб. и доп.). – М.: Междунар. отношения, 1977. – С. 230 – 263.
- [103]. См.: Яковенко А.В. Прогрессивное развитие международного космического права. Актуальные проблемы. – М.: Междунар. отношения, 1999. – С. 56.
- [104]. См.: Рубанов А.А. Международная космическо-правовая имущественная ответственность. – М.: Наука, 1977. -С. 176, 180.
- [105]. См.: Кожевников Ф.И. Мирные средства разрешения международных споров.//Международное право: Учебник./Отв. ред. Ф.И. Кожевников. – М.: Междунар. отношения, 1987. - С. 466.
- [106]. См.: Липунов В.И. Правовое положение космодрома «Байконур»//Московский журнал международного права. - № 4. – 1994. – С. 158 – 168.
- [107]. См.: Федеральные правила использования воздушного пространства Российской Федерации. Утв. постановлением Правительства РФ от 22 сентября 1999 г. № 1084.//СЗ РФ. – 04 октября 1999. - № 40. – Ст. 4861.
- [108]. См.: Российская газета. – № 211-212 от 30.10.2001 г.
- [109]. См.: Липунов В.И. Правовое положение космодрома «Байконур»//Московский журнал международного права. - № 4. – 1994. – С. 158 – 168.
- [110]. Ратифицировано Федеральным законом РФ от 24 октября 1994 г. № 28-ФЗ.
- [111]. См.: Договор аренды комплекса «Байконур» между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан, от 10 декабря 1994 г.//СЗ РФ. – 1994. - № 35. – Ст. 4369.
- [112]. См.: Федеральный закон РФ от 17 мая 1995 г. № 77-ФЗ «О ратификации Договора аренды комплекса «Байконур» между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан, от 10 декабря 1994 г.»//СЗ РФ. – 1995. - № 21. – Ст. 1925.
- [113]. См.: Федеральный закон РФ от 20 апреля 1996 г. № 35-ФЗ «О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о сотрудничестве и взаимодействии в обеспечении безопасности комплекса «Байконур», воинских формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Казахстан, и лиц, входящих в их состав» // СЗ РФ. – 22 апреля 1996. - № 17. – Ст. 4221 – 4222.
- [114]. См.: Приказ Государственного таможенного комитета Российской Федерации от 22 августа 2002 г. № 884 «О таможенном оформлении и таможенном контроле товаров и транспортных средств, перемещаемых через российско-казахстанскую границу для обеспечения функционирования комплекса «Байконур»»//Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 28 октября 2002. - № 43. – Ст. 67 – 73.

- [115]. См.: Копик А. Космические войска России.//Новости космонавтики. Том 13. - № 4 (243). – 2003. – С. 54; а также см.: Воздушно-космическая оборона. - № 2 (9). – 2003. – С. 23; Чаплыгин А. Космические приоритеты.//Воздушно-космическая оборона. - № 3 (10). – 2003 – С. 2 – 3.
- [116]. См.: Киселев А.И., Медведев А.А., Меньшиков В.А. Космонавтика на рубеже тысячелетий. Итоги и перспективы. – М.: Машиностроение/ Машиностроение – Полет, 2001. – С. 376 – 378.
- [117]. См.: Яковенко А.В. Современные космические проекты: международно-правовые проблемы. – М.: Междунар. отношения, 2000. – С. 74 – 126.
- [118]. См.: Киселев А.И., Медведев А.А., Меньшиков В.А. Указ. соч.– С. 361 - 362.
- [119]. См.: Дежкин В.Н. Правовое регулирование международной авионавигации. – М.: Воздушный транспорт, 1989. – С. 12.
- [120]. См.: Словарь международного космического права./Под ред. В.С. Верещетина. – М.: Междунар. отношения, 1992. - С. 109.
- [121]. См.: Космонавтика: Энциклопедия. Гл. ред. В.П. Глушко. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. - С. 265.
- [122]. См.: Регламент радиосвязи: Дополнительный регламент радиосвязи: Резолюции и рекомендации. - М.: Связь, 1975. - С. 39.
- [123]. Более подробно о понятии «космический объект» см.: Лукин П.И. О понятии космического объекта.//СГП. – 1976. - № 3. – С. 94 – 100; Эмин В.Г. Космические аппараты и международное право. – М.: Знание, 1972. – 64 с.
- [124]. См.: Жаков А.М. Основы космонавтики: Учеб. пособие. – СПб.: Политехника, 2000. - С. 5.
- [125]. См.: Словарь международного космического права./Под ред. В.С. Верещетина. – М.: Междунар. отношения, 1992. - С. 105.
- [126]. См.: Космонавтика: Энциклопедия. Гл. ред. В.П. Глушко. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. - С. 189.
- [127]. Более подробно об ООКС см.: Рудев А.И. Международно-правовой статус космических станций. – М.: Междунар. отношения, 1982. – 144 с., а также: Рудев А.И. Международно-правовые вопросы использования околоземных обитаемых космических станций. – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М., 1978. - 18 с.
- [128]. См.: Жуков Г.П. Юридическое содержание понятий «пилотируемый космический объект», «космонавт», «космический экипаж».//Правовые проблемы полетов человека в космос. – М.: Наука, 1986. - С. 19.
- [129]. См.: Gorov S. Studies in space law: Its challenges and prospects. - Leiden, 1977. - P. 211.
- [130]. См.: Положение о Федеральном космическом агентстве. Утв. постановлением Правительства РФ от 26 июня 2004 г. № 314.//СЗ РФ. - № 27. – 5 июля 2004. – Ст. 2777.
- [131]. См.: Яковенко А.В. Современные космические проекты: международно-правовые проблемы. – М.: Междунар. отношения, 2000. - С. 94, а также см.: Яковенко А.В. Прогрессивное развитие международного космического права. Актуальные проблемы. – М.: Междунар. отношения, 1999. – С. 63 – 71.
- [132]. См.: Легостаев В. «Морской старт»: восьмой пуск.//Российская газета. - № 153 (3021). – 16 августа 2002 г.
- [133]. См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1980. – Вып. XXXIV. – С. 442 – 446.
- [134]. Подр. см.: Шевченко В.В. Проблемы обитателей базы на Луне.//Вестник Академии наук СССР. – 1968. - № 6. - С. 95; Урсул А.Д. Освоение космоса. – М.: Мысль, 1967. - С. 204.
- [135]. См.: Василевская Э.Г. Правовые проблемы деятельности человека на Луне.//Правовые проблемы полетов человека в космос. – М.: Наука, 1986. - С. 83.

- [136]. См.: Официальный текст Конвенции ООН по морскому праву с приложениями и предметным указателем. Заключительный акт третьей Конференции ООН по морскому праву. Вводная часть, относящаяся к Конвенции и Конференции.//Морское право. – Нью-Йорк: Издательство ООН, 1984. – 316 с.
- [137]. См.: Жуков Г.П. Космическое право. – М.: Междунар. отношения, 1966. - С. 228.
- [138]. См.: Vazquez V.S. Cosmic International Law. – Detroit, 1965. - P. 213.
- [139]. См.: Lachs M. The International Law of Outer Space. “Recueil des Cours”, 1964. - Leyde, 1966. - P. 51.
- [140]. См.: Gaal G. Space Law. - Budapest, 1969. – P. 193.
- [141]. Ibid. – P. 186.
- [142]. См.: Williams S.M. Utilization of Bodies of Meteorits and Celestial Products.//Proceedings of the XII-th Colloquium on the Law of Outer Space. Mar del Plata, October 1969. California, USA, 1970. - P. 179.
- [143]. См.: Marcoff M. Probleme juridique de l’exploration planetaire. - Sofia, 1965. – P. 5.
- [144]. См.: Жуков Г.П. Космическое право. – М.: Междунар. отношения, 1966. - С. 228.
- [145]. См.: Воронцов-Вельяминов Б.А. Очерки о Вселенной. – 8-е изд., перераб. – М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1980. - С. 144.
- [146]. См.: Василевская Э.Г. Правовые проблемы освоения Луны и планет. – М.: Наука, 1974. - С. 18.
- [147]. Там же
- [148]. См.: Соловьев Ц.В., Тарасов Е.В. Прогнозирование межпланетных полетов. – М.: Машиностроение, 1973. – С. 11.
- [149]. Там же. – С. 12.
- [150]. См.: Рябов Ю.А. Движения небесных тел. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука. Гл. ред. физ. – мат. лит., 1988. – С. 74 – 75.
- [151]. См.: Краффт А. Эрике. Космический полет. Том I. Окружающие условия и небесная механика. – М.: Государственное издательство физико-математической литературы, 1963. – С. 315, 468 – 469.
- [152]. См.: Краффт А. Эрике. Космический полет. Том II (Динамика), часть 2. - М.: Главная редакция физико-математической литературы, 1970. - С. 717.
- [153]. См.: Передвижение по грунтам Луны и планет./Под ред. А.Л. Кемурджиана. – М.: Машиностроение, 1986. – С. 4 - 5.
- [154]. См.: Громов В.В. Особенности передвижения при сверхнизкой силе тяжести.//Планетоходы./Под ред. проф. А.Л. Кемурджиана. Изд. 2-е перераб. и доп. (Глава 3.4.) – М.: Машиностроение, 1993. – С. 116 – 122; а также см.: Образцы космической тематики, наземные демонстраторы планетоходов, ходовые макеты. Отчет ОАО ВНИИтрансмаш, 1963 – 1998./Под ред. главного конструктора по космической тематике, д.т.н., проф. М.И. Маленкова. – СПб., 2002. – С 9.
- [155]. См.: Поляков Г.Г. Астероидоград – поселение в космосе. – Астрахань, 1983. – С. 2.
- [156]. См.: Воронцов-Вельяминов Б.А. Очерки о Вселенной. – 8-е изд., перераб. – М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1980. - С. 196 - 197.
- [157]. См.: Краффт А. Эрике. Космический полет. Том I. Окружающие условия и небесная механика. – М.: Государственное издательство физико-математической литературы, 1963. – С. 286.
- [158]. См.: Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: Учеб. для юридич. вузов и фак. ун-тов. – 2 – е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. - С. 25.
- [159]. Там же. - С. 40.
- [160]. См.: Перов В.Д., Стахеев Ю.И. Космические аппараты исследуют Луну (к 20-летию запуска «Луны – 1»). – М.: Знание, 1979. - С. 9, 59; Космонавтика: Энциклопедия. Гл. ред. В.П. Глушко; Редколлегия: В.П. Бармин, К.Д. Бушуев, В.С. Верещетин и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. - С. 221.

- [161]. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1972. – Вып. XXV. – С. 41 – 45.
- [162]. JJSL/XI. Coll./R. I, May 1968.
- [163]. Подр. об этом см.: Голицын В.В. Антарктика: тенденции развития режима. – М.: Междунар. отношения, 1989. – С. 74 – 78.
- [164]. См.: Договор об Антарктике, от 1 декабря 1959 г.//Действующее международное право. В 3-х томах. Составители Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. Том 3. – М.: Издательство Московского независимого института международного права, 1997. – С. 664 – 669.
- [165]. См.: Верещетин В.С. Юридические аспекты запрещения применения силы в космическом пространстве и предотвращения гонки космических вооружений.//Космическое оружие: дилемма безопасности./Под ред. Е.П. Велихова, Р.З. Сагдеева, А.А. Кокошина. – М.: Мир, 1986. – С. 158 – 172.
- [166]. См.: Lachs M. Derecho del Espacio Ultraterrestre. - Mexico, 1977. – P. 64.
- [167]. См.: Постышев В.М. Концепция общего наследия человечества в современном международном праве.//СГП. - 1988. - № 6. - С. 89 – 97.
- [168]. См.: Яковенко А.В. Прогрессивное развитие международного космического права. Актуальные проблемы. – М.: Междунар. отношения. - С. 78.
- [169]. См.: Алексеев С. Международно-правовой режим Антарктики.//Слевич С.Б. Антарктика в современном мире. – М.: Мысль, 1985. - С. 111.
- [170]. См.: Голицын В.В. Антарктика: тенденции развития режима. – М.: Междунар. отношения, 1989. - С. 106.
- [171]. См.: Афанасьев И. Российские планы марсианской экспедиции.//Новости космонавтики. - № 10 (237). – 2002. – С. 28 – 31.
- [172]. См.: Панкин Г. Международное сотрудничество в космическом пространстве. - София, 1967. - С. 8.
- [173]. См.: Международное космическое право: Учебник. – М.: Междунар. отношения, 1999. - С. 65 – 66.
- [174]. Подр. см.: Верещетин В.С. Принцип сотрудничества в международном космическом праве и его реализация в практике Советского Союза.//Пионеры освоения космоса и современность. Сборник научных трудов. – М.: Наука, 1988. - С. 191 – 201.
- [175]. См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1972. – Вып. XXV. – С. 45 – 48.
- [176]. Подр. об этом см.: Жуков Г.П. Проблемы спасания человеческой жизни в международном космическом праве.//Пионеры освоения космоса и современность. Сборник научных трудов. – М.: Наука, 1988. - С. 202 – 227.
- [177]. Подр. см.: Василевская Э.Г. Освоение Луны в интересах мира и прогресса.//СГП. – 1973. - № 1. - С. 89 – 93.
- [178]. См.: Рудев А.И. Международно-правовые вопросы использования околоземных обитаемых космических станций. – Автореф. канд. дис. – М., 1978. - С. 16.
- [179]. Там же. - С. 17.
- [180]. См.: Василевская Э.Г. Правовой статус природных ресурсов Луны и планет (Проблемы и суждения). – М.: Наука, 1978. - С. 25.
- [181]. См.: Словарь международного космического права./Под ред. В.С. Верещетина. – М.: Междунар. отношения, 1992. - С. 75.
- [182]. См.: Евич А.Ф. Индустрия на Луне и других небесных телах.//Индустрия в космосе. – М.: Московский рабочий, 1978. – С. 219 – 221.
- [183]. См.: Василевская Э.Г. Правовой статус природных ресурсов Луны и планет (Проблемы и суждения). – М.: Наука, 1978. - С. 32.
- [184]. См.: Василевская Э.Г. Освоение Луны в интересах мира и прогресса. //СГП. – 1973. - № 1. - С. 89 – 93.
- [185]. См.: Жуков Г.П. Космическое право. - М.: Междунар. отношения, 1966. - С. 156.

- [186]. См.: Василевская Э.Г. Правовые проблемы исследования и использования Луны и других небесных тел.//Тенденции развития космического права. – М.: Наука, 1971. – С. 182.
- [187]. Lederberg G. Exobiology – Experimental Approaches to life beyond the Earth. «International Space Science Symposium. Proceedings I st». Цит. по: Тенденции развития космического права. – М.: Наука, 1971. - С. 160.
- [188]. См.: Побединская М. Микробиологический аспект безопасности космических полетов.//Новости космонавтики. - № 12 (239). – 2002. – С. 58 – 60.
- [189]. См.: Зайцев Ю. Новый этап исследований Луны.//Новости космонавтики. - № 10 (177). – 1998. – С. 42 – 43.
- [190]. См.: Лисов И. Вода на Марсе есть. Это доказано.//Новости космонавтики. - № 7 (234). – 2002. – С. 44 – 48.
- [191]. См.: Копик А. Астробиологический тур в пустыню Мохаве.//Новости космонавтики. - № 10 (237) – 2002. – С. 46 – 48.
- [192]. См.: Перминов В.Г. Советский грунт с Марса.//Новости космонавтики. - № 10 (213). – 2000. – С. 65 – 66; //Новости космонавтики. - № 12 (215). – 2000. – С. 76 – 77.
- [193]. См.: Железняков А., Розенблюм Л. Ядерные взрывы в космосе.//Новости космонавтики. - № 9 (236). – 2002. – С. 68 – 70.
- [194]. См.: Ведомости Верховного Совета СССР. – 1963. - № 42. – Ст. 431.
- [195]. См.: Слевич С.Б. Антарктика в современном мире. – М.: Мысль, 1985. - С. 125 – 135.

Список нормативно-правовых актов

Международно-правовые акты

1. Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда от 26 июня 1945 г.
2. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г.
3. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой от 5 августа 1963 г.
4. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела от 27 января 1967 г.
5. Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство от 22 апреля 1968 г.
6. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами от 29 марта 1972 г.
7. Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство от 14 января 1975 г.
8. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах от 18 декабря 1979 г.
9. Соглашение между Правительством Канады, Правительствами государств – членов Европейского космического агентства, Правительством Японии, Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки относительно сотрудничества по международной космической станции гражданского назначения от 29 января 1998 г.
10. Конвенция о передаче и использовании данных дистанционного зондирования Земли из космоса от 19 мая 1978 г.

11. Конвенция о международной гражданской авиации от 7 декабря 1944 г.
12. Договор аренды комплекса «Байконур» между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан от 10 декабря 1994 г.
13. Декларация правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства от 13 декабря 1963 г.
14. Декларация о международном сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства на благо и в интересах всех государств, с особым учетом потребностей развивающихся стран от 13 декабря 1996 г.
15. Принципы использования государствами искусственных спутников земли для международного непосредственного телевизионного вещания от 10 декабря 1982 г.
16. Принципы, касающиеся дистанционного зондирования Земли из космоса от 3 декабря 1986 г.

Нормативно-правовые акты Российской Федерации

17. Конституция РФ. Принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.
18. Закон Российской Федерации о космической деятельности от 20 августа 1993 г. № 5663-1, в редакции Федерального закона от 29 ноября 1996 г. № 147 – ФЗ.
19. Воздушный кодекс РФ от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ.
20. Гражданский кодекс РФ. Часть I – от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ; часть II – от 26 января 1996 г. № 14-З; часть III – от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ.
21. Земельный кодекс РФ от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ.
22. Федеральный закон об охране окружающей среды от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ.
23. Федеральный закон РФ от 8 августа 2001 г. № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности».
24. Указ Президента РФ от 8 августа 1997 г. № 848 «О мерах по выполнению международных договоров в области космоса».
25. Указ Президента РФ от 20 января 1998 г. № 54 «О реализации государственной политики в области ракетно-космической промышленности».
26. Указ Президента РФ от 24 октября 1994 г. № 2005 «Об организации дальнейшего использования космодрома Байконур» в интересах космической деятельности РФ».
27. Указ Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти».
28. Указ Президента РФ от 20 мая 2004 г. № 649 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти».
29. Положение о Федеральном космическом агентстве. Утверждено постановлением Правительства РФ от 26 июня 2004 г. № 314.
30. Постановление Правительства РФ от 26 января 2006 г. № 45 «Об организации лицензирования отдельных видов деятельности».
31. Постановление Правительства РФ от 30 июня 2006 г. № 403 «Об утверждении Положения о лицензировании космической деятельности».
32. Постановление Правительства РФ от 12 мая 1998 г. № 440 «О мерах по выполнению Указа Президента РФ от 20 января 1998 г. № 54 «О реализации государственной политики в области ракетно-космической промышленности».
33. Федеральные правила использования воздушного пространства РФ. Утверждены постановлением Правительства РФ от 22 сентября 1999 г. № 1084.
34. Федеральная космическая программа России на 2006-2015 г.г. утверждена постановлением Правительства РФ от 22 октября 2005 г. № 635.

35.Постановление Правительства РФ от 18 октября 2001 г. № 735 «Об организации охраны объектов комплекса «Байконур» органами внутренних дел Российской Федерации».

36.Постановление Правительства РФ от 7 апреля 2004 г. № 179 «Вопросы Министерства промышленности и энергетики Российской Федерации».

37.Постановление Правительства РФ от 8 апреля 2004 г. № 195 «Вопросы Федерального космического агентства».

38.Распоряжение Правительства РФ от 27 октября 2000 г. N 1522-р «Об одобрении Кодекса поведения экипажа Международной космической станции».

39.Распоряжение Правительства РФ от 12 марта 2004 г. № 335-р «О руководителе Федерального космического агентства».

40.Приказ Министра обороны РФ, Министерства транспорта РФ и Российского авиационно-космического агентства от 31 марта 2002 г. № 136/42/51 «Об утверждении Федеральных авиационных правил полетов в воздушном пространстве Российской Федерации».

41.Приказ Государственного таможенного комитета РФ от 22 августа 2002 г. № 884 «О таможенном оформлении и таможенном контроле товаров и транспортных средств, перемещаемых через российско-казахстанскую границу для обеспечения функционирования комплекса «Байконур»».

42.Правила таможенного оформления и таможенного контроля товаров и транспортных средств, вывозимых из Российской Федерации на комплекс «Байконур» и ввозимых с комплекса «Байконур» в Российскую Федерацию. – Приложение к приказу Государственного таможенного комитета РФ от 22 августа 2002 г. № 884.